

10333
1959.

საქართველოს
ბიბლიოთეკა

8

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЯ

1959

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

О Р Г А Н
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

Год издания третий

С О Д Е Р Ж А Н И Е

КОНСТАНТИНЭ ГАМСАХУРДИА. Цветение лозы. Роман. (Продолжение)	3
МИХАИЛ КВЛИВИДЗЕ. Из лирики. Стихи	23
БОРИС ЧХЕИДЗЕ. Буковый шатер. Рассказ	25
ИРИНА СНЕГОВА. Из цикла стихов «Свет Арагви».	36
С. ИОРАМАШВИЛИ. Директор заповедника. Рас- сказ	38

СТИХИ КУРДСКИХ ПОЭТОВ

ТОГАР БРОЕВ. Наша весна	46
АЗИЗЕ ИСКО СЛОЯН. Курдская девушка	47
ШИКО ГАСАНОВ. У моря	47
БАХЧЕ ИСКО СЛОЯН. Свет в нашей деревне	48
ХАЧИК МУРАДОВ. Побратимы. Поэма	49

ИНОСТРАННЫЙ РАССКАЗ

МИШЕЛЬ ДЕЛЬ КАСТИЛЛО. Путешествия Симона	53
---	----

ВЕЛИКОЕ СЕМИЛЕТИЕ

И. МУХАДЗЕ. Поговорим о чае...	62
В. ОСИНСКИЙ. Поммастера Шота Магулария.	68

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

Л. КАЛАНДАДЗЕ. О новых произведениях грузин- ской прозы. Статья вторая.	72
М. ЧИКОВАНИ. Необходимые поправки	76
С. ТРЕГУБ. Критическая реплика	79
Д. КВАРАЦХЕЛИЯ. Дело хорошее, важное	81

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

Т. МАХАРАДЗЕ. Дорогой гость.	84
Т. ТАБИДЗЕ. Жена Грибоедова — Нина Чавчавадзе (из архива поэта)	86
К. ОРЛОВ. К истории одного письма М. Горького.	89

СРЕДИ КНИГ

Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ — Певец Тбилиси; Н. БОКУ- ЧАВА — Рассказы о советских людях; А. ИМЕ- ДАШВИЛИ — Вклад в грузинскую исто- риографию	91—95
Коротко об авторах	96

62308

8

АВГУСТ
1959

Редактор К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Редакционная коллегия:

**Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ, А. КУТЕЛИЯ,
В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ.**

Ответственный секретарь М. ЗАВЕРИН.

Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-87-88.

ЦВЕТЕНИЕ ЛОЗЫ

Р О М А Н

(Продолжение)

Авторизованный перевод с грузинского С. Трегуба

XXIX

Дома, после митинга, Коринтели застал дядю Нико. Он сидел в кресле, понурился голову.

— В этот час испытаний мне и твоей тетке так захотелось увидеть тебя, — сказал дядя Нико, — что я бросил все дела. Тетка Текле просит тебя выбраться хоть на день в Телави. Беспокойно в мире и в твоём собственном доме. Верно говорят: «Мой дом — моя крепость». Но твой дом, твоя семья — не твоя крепость. Это нас и тревожит.

— Да, ты, пожалуй, прав. Я — хозяин разрушенной крепости, — горько усмехнулся Коринтели. — Если бы ты был здесь позавчера и слышал разговор этой проклятой Вари с Майей, ты бы не выдержал и натворил бог знает что, а я вот терплю. Но всему приходит конец. Пришел конец и моему терпению.

— Я рад это услышать, Вахтанг, — взволнованно произнес дядя Нико. — Теперь не время для колебаний. Ты, надеюсь, знаешь, как ты дорог мне и моей жене, да и мы тебе, вероятно, самые близкие люди.

— Не только самые близкие, но и самые дорогие, — сердечно произнес Коринтели.

— Если так, Вахтанг, — продолжал дядя Нико, — то я позволю себе быть с тобой совершенно откровенным.

Коринтели в знак одобрения кивнул головой.

Но дядя Нико не сразу нашел необходимые слова. То он с разбега брал «быка за рога», то пятился, говорил туманно, иносказательно, прибегал к помощи пословиц и поговорок, у него заплетался язык, он вздыхал, топтался на одном месте, неоднократно повторял «так сказать», «конечно»... Разговор явно не клеился.

Коринтели не выдержал:

— Обещал быть откровенным, а очутился во власти Эзопа. Я думаю, что искренность украшает не только того, кто ее проявляет, но и того, к кому она проявлена. Еще наш Руставели писал: «Ложь и двуличие вредят телу и душе». Потому и развалилось наше старое общество, что вся его жизнь строилась на лжи. Помнишь: «Когда выходите из дома, то ключи души оставляйте дома». Или: «Единственная

опора современного общества — ложь. Лишиться ее — значит лишиться семьи, родственников, друзей». Я рад бы лишиться некоторых родственников, но не такой, конечно, ценой, — улыбнулся Коринтели. — Как часто другой человек, отнюдь не родственник, куда ближе тебе по мировоззрению, по душе, чем родственники. У меня много родственников, с которыми я давно и сознательно не встречаюсь. Ты и моя тетушка Текле не просто мои родственники, а самые дорогие мои друзья. Можешь говорить все, что ты думаешь. Я на тебя не обижусь. Я жду этого.

— Раз так, — оживился дядя Нико, — то я тебе, Вахтанг, вот что скажу. По зубам определяют не только возраст лошадей. Крепкие зубы свидетельствуют о молодости человека, о его силе и красоте. Старость прежде всего ломает нам зубы. Но когда тот же зуб, который мы бережем, начинает гнить, не дает нам покою, мы вырываем его. Как-то ночью, в Горной Тушетии, у меня так разболелся зуб, что я, не дождав-шись врача, взял свой охотничий нож и, поверишь ли, выковырял гнилой зуб.

Коринтели понял его.

— Дядя Нико, не беспокойся, я тоже вырву гнилой зуб. Ничто этому не помешает...

В комнату без стука вошла тетя Варя и, кокетливо грассируя, сказала:

— Господа! Вас зовет Медико. Будем ужинать вместе. Майя приготовила прекрасные хачапури и толму¹, которые так любит мой дорогой зять. Je vous en prie!² — заключила она по-французски.

У Коринтели от возмущения задвигались желваки на скулах.

— Присядьте, сударыня, — подчеркнуто вежливо и в то же время настойчиво произнес он. — Хорошо, что здесь находится дядя Нико и я смогу в его присутствии вам кое-что сказать.

Тетя Варя растерялась и послушно опустилась на стул.

— Я, конечно, весьма благодарен вам за столь любезное приглашение, сделанное в моем доме, — продолжал Коринтели, — но меня, признаюсь, удивляет, что вы столь долго не замечаете того, что я избегаю вашего милого общества, не хочу встречаться, а тем более ужинать, ни с вами, ни с вашей дорогой племянницей.

Тетя Варя приподняла брови.

— Что вы говорите, mon cher gendre! Моя племянница — прежде всего ваша законная жена.

— Ну так вот, — изменившимся голосом жестко произнес Коринтели, — я должен сообщить вам одну немаловажную новость: я не считаю уже вашу племянницу своей женой, и вы напрасно именуете меня своим дорогим зятем.

— Что вы изволили сказать, мосье Коринтели? — растерянно произнесла тетя Варя. — Я удивлена, потрясена, ничего не понимаю! Я, правда, не раз замечала, что вы ко мне недружелюбны. Но я думала, что это вызвано просто-напросто дурным настроением, вашей усталостью. Никакого повода для таких жестоких слов ни я, ни тем более Медико, вам не давали.

— А по-моему, — резко произнес Коринтели, — всем нам давно пора прекратить ненужную пантомиму. Вы лучше меня знаете, кто ваш истинный зять. Он только что благополучно возвратился из путешествия по Италии и находится сейчас не в Гвелети, а в Париже. Сожалею, ко-

¹ Толма — голубцы.

² Я вас прошу. (Фр.)

«Печно, что ни вы, ни Медико не можете сейчас к нему отправиться. Что поделаешь?!»

— Как вам не стыдно, мосье Коринтели! — всплеснула руками тетя Варя. — О чьем путешествии идет речь? Я об этом впервые слышу.

Коринтели пристально посмотрел на нее.

— Впервые?! И вы не читали письма и не видели фотографий, которые месяц тому назад прислала вам из Парижа ваша сестра Ефимия?

— Какое письмо? Какие фотографии? — повела плечами тетя Варя.

Тогда не выдержал молчавший до сих пор дядя Нико:

— То самое письмо и те самые фотографии, которые передал вам Андро. Я тоже имел удовольствие их видеть.

Но тетя Варя стояла на своем:

— Как жаль, что этот Андро уже отправился на фронт, — произнесла она с притворной печалью, — а то бы я сразу рассеяла это недоразумение.

Коринтели усмехнулся.

— Я должен вас, госпожа, успокоить. Андро болел и еще никуда не уехал. Я могу его, с вашего разрешения, немедленно пригласить сюда.

Тетя Варя умолкла.

— Я семьдесят лет прожил на этом свете, — сказал, не глядя на нее, дядя Нико, — никогда не подслушивал чужих разговоров, не вскрывал чужих писем. Но тут я впервые в жизни, отдыхая в саду, случайно и невольно услышал ваши нравоучения, обращенные к Медико. Я — человек старой морали и, каюсь, скрыл то, что тогда слышал, от Вахтанга. Но письмом и фотографиями я поинтересовался. И Вахтанг тоже о них знает.

Тетя Варя поспешно вскочила. Коринтели остановил ее у дверей.

— Еще минутку! Возможно, что представление продолжалось бы, и каждый из нас — вы, я, Медико — продолжали бы играть свои роли. Однако ваш утренний разговор с Майей окончательно убедил меня в том, что пора кончать, — и как можно скорее. Мы чужие друг другу люди. И нам нельзя жить под одной крышей.

— Все это высосано из пальца, я вас уверяю! — пробормотала тетя Варя и вышла из комнаты.

XXX

В каждом доме с нетерпением ждали почтальона Гео.

Все больше и больше мужчин отправлялось на фронт. Их заменили женщины, в чьи руки перешли мотыги, топоры, лопаты, пилы... Женщины пахали, сеяли, водили тракторы, ездили на арбах, грузили машины. На их плечи лег весь тяжелый колхозный труд. Они же занимались домашним хозяйством, растили детишек. И каждая из них постоянно ждала вестей с фронта: от отца, мужа, сына, брата, жениха.

Этот Гео еще в первую мировую войну остался без ноги и без правого глаза. Он ковылял на деревянной култышке, обитой кожей. Было ему лет под пятьдесят, носил он всегда длинную черную рубаху с расстегнутым воротом, которая сливалась с его черными, как спелая ежевика, остроторчащими усами, черной бородой и черной папахой.

Он опирался на пастушеский посох, который помогал ему и отбиваться от собак; они почему-то никак не могли привыкнуть к нему, постоянно чуяли в нем своего врага. Стоило ему остановиться у какого-нибудь двора и крикнуть хозяина, как сразу же со всех сторон выска-

кивали собаки и поднимали страшный лай. Не так-то легко было их потом успокоить.

Разные вести приносил Гео — радостные и горестные. За радостные его приглашали к столу, щедро поили вином. Горестные встречи встречали слезами.

В последнее время вести становились все печальнее и печальнее. В бою под Керчью пал смертью храбрых бывший тракторист—танкист Вано Хелашвили. Геройски погиб и бывший шофер Коринтели — пехотинец Андро. Он взорвал гранатами вражеский дот и был изрешечен автоматной очередью. Убили бывшего бухгалтера колхоза Кевришвили.

От кого и к кому бы ни прибывало письмо, Нуну непременно приходила в тот дом и спрашивала: «Нет ли чего о Годердзи?».

Последним отбыл на фронт Ниортава. Нуну просила и его разузнать о Годердзи. Но прошло несколько месяцев, и о самом Ниортава ничего не было известно.

Однажды Тетро получила письмо от Лалбацы. Он сообщал, что Годердзи легко ранен. Но она скрыла это от Нуну, сказала, что Годердзи жив и здоров. Она жалела ее, зная, как тяжело ей живется.

— Опозорила нас! Отрезала нам голову! — вопил на всех перекрестках Абриа-злозячный после того, как у Нуну родился маленький Микела.

Кетуа подзуживала:

— Не помог мне выдать ее за Коберидзе, вот и терпи теперь срамоту!

Поцхвери пытался их урезонить:

— Что особенного случилось? Ну, не успел Годердзи расписаться. Вернется с войны и распишется.

Но разве можно было их унять?!

Нападки на Нуну еще более усилились после того, как Абриа вызвали в Кварели, к следователю. Хидашели интересовался, знает ли он бригадира Вардосанидзе. Абриа ответил отрицательно. На том он стоял даже тогда, когда ему устроили очную ставку и арестованный Вардосанидзе уличил его в продаже колхозных ягнят.

— Этого человека я вижу впервые, — твердил Абриа. — Все, что он говорит, — ложь, это его подбил Годердзи, который мстит мне за то, что я противился его браку с Нуну. Он обесчестил ее и, как видите, меня оклеветал.

Допрос пришлось отложить, так как с Вардосанидзе случился сердечный припадок. Абриа отпустили.

Он возвращался домой и тешил себя мыслью, что «война все спешет», и о нем скоро забудут. Возможно, умрет Вардосанидзе — и тогда следователь лишится своего главного козыря. Годердзи далеко, о нем нет вестей, он сейчас не опасен. Зато Абриа сумеет ему отомстить — если не ему самому, то его жене и ребенку. Он ненавидел их так же, как ненавидел Годердзи.

Жизнь Нуну осложнялась все больше и больше.

Детских яслей в их деревне открыть до войны не успели, и она, отправляясь с утра на работу, оставляла своего грудного ребенка на попечение соседки Маруа: Кетуа не желала на него даже взглянуть. С замирающим сердцем прибегала Нуну домой, наскоро кормила сынишку и снова уходила на виноградники, в свою бригаду.

Дома ее всячески притесняли, пользуясь ее беззащитностью. Нуну вынуждена была с ребенком переселиться в сени.

Маруа, видя, что без нее Нуну не обойтись, из месяца в месяц по-
вышала плату за свои услуги.

Ушверидзе, которого не взяли в армию из-за грыжи, часто приходил домой пьяный — да еще приводил с собой собутыльников. Возникали скандалы.

Еженедельно появлялась его телавская жена и грозила облить его варом, если он к ней не вернется.

Налеты бывшей супруги Ушверидзе торопили Кетуа поскорее продать дом Гоброна и перебраться с новым мужем в Тбилиси. Но для этого нужно было найти покупателя и окончательно избавиться от Нуну; Кетуа и делала все возможное, чтобы выжить падчерицу, заставить ее, в конце концов, уйти к бабушке Микеле.

Кетуа ненавидела Годердзи не меньше, чем Абриа. Она никак не могла забыть, как он заставил ее, «больную женщину», работать в колхозе. Свою ненависть она вымещала и на маленьком Микеле. Она о нем обычно говорила:

— Бандит, весь в отца!

Кетуа радовалась, когда ребенок простуживался, заболел. Она вслух желала ему смерти.

Как-то вечером произошел такой случай: Маруа вышла на улицу и оставила на тахте Микелу. Голодный боров ворвался в сени и начал обнюхивать ребенка. Он готов был уже схватить его за ножку. Кетуа видела это. Но не шелохнулась. Она сидела у очага и спокойно месила тесто. А когда Малхаз пинком отогнал свинью, она крикнула:

— Что тебе надо, проклятый, от этой свиньи?

Дедушка Микела был на седьмом небе от счастья, когда Нуну родила сына. Он радовался за Годердзи и за себя — наконец-то он дождался правнука, которого назвали его именем. Если, не дай господи, погибнет на войне Годердзи, то останется все-таки продолжатель его рода.

До него дошли слухи о том, как притесняют Нуну мачеха и Ушверидзе, и старик решил быстрее закончить постройку дома, чтобы забрать к себе Нуну и ребенка. Если не удастся достать черепицу, то он покроет крышу соломой; бог с ней, с черепицей.

Нуну заглядывала к нему каждый день, помогала Баблии по хозяйству, оставляла у него свои сбережения. Еженедельно в субботу она мыла старику голову и ноги, ухаживала и за душевнобольной теткой. Стоило ей немного запоздать — и Микела нервничал, стучал палкой об пол и говорил внучке:

— Посмотри, не идет ли Нуну?

Она стала родным ему человеком.

Но Абриа-злослычный решил омрачить счастье бабушки Микелы, поспорить его с Нуну и лишить его правнука.

Как-то вечером он, вместе со своим братом Поцхвери, пришел к нему и завел речь о Нуну.

Дедушка Микела возмутился:

— Если бы я был не так стар и слеп, я бы показал этой вертихвостке Кетуа и ее проходимцу-мужу, как обижать бедную сироту и ребенка. Недолго им осталось терпеть. Скоро заберу их к себе.

Абриа сидел нахмурившись, дымил чубуком, кашлял и думал свою черную думу.

— В этом деле нужно еще разобраться, — произнес он степенно. Ты, конечно, умный человек, но твоя доверчивость меня просто поражает. В годы нашей молодости мужчина походил на мужчину, а женщина — на женщину, мужчина носил папаху, а женщина — мандили¹. Но с тех пор все изменилось. Дай бог тебе всяческих благ и чтобы завтра к тебе зрение вернулось, но ты уже не узнаешь людей, так изменило их проклятое время. Что мне до твоих семейных дел, — притворно произнес он, — одно скажу: если бы Годердзи хотел сделать Нуну своей законной женой, то он бы с ней расписался, обязательно расписался!

Дедушка Микела слушал и молчал.

Поцхвери пытался возразить:

— Годердзи хотел расписаться, но не успел. Загс был закрыт — он же туда ездил, брал машину у Коринтели.

— Брось болтать! — огрызнулся Абриа. — Откуда ты знаешь, что загс был закрыт? А может быть, Годердзи выдумал это, чтобы отделаться от навязчивой Нуну? Может быть, она была ему только любовницей? Мало ли, с кем он жил! И разве только Годердзи ее любил? Не знаешь разве наших бермухских парней, которые жеребцами бегают за бабами? Вспомни, как подрались из-за Нуну Коберидзе и Канкре. Если бы я не вмешался, они пустили бы в ход ножи... Постарел ты, дедушка Микела, и многого не понимаешь, — сочувственно произнес Абриа. — Поговори с той же Кетуа — и она расскажет тебе, как Коберидзе водил Нуну в кино. А что делают в кино с женщинами, мы тоже знаем...

Дедушка Микела молчал. И это подбадривало Абриа-злозязычного.

— Не слышал ли ты, как был ранен Канкре?

— Слышал краем уха, — ответил Микела и опустил голову так, будто на нее положили что-то тяжелое.

— Иные глупцы думают, будто бы Нуну ранила Канкре. Как бы не так! Сам посуди, где это видано, чтобы девушка вертела кинжалом. — Абриа засмеялся. — Да и могла ли она одолеть Канкре? Это Годердзи застал у нее в ту ночь Канкре и ранил его. Когда я и мои братья прибежали утром к Нуну, Канкре валялся на полу без бурки, босой. Нуну у нас на глазах вытерла кинжал. Если она ранила Канкре, то почему бы ей не вытереть кинжал раньше? В том-то и дело, что ранил его Годердзи и убежал, забыв вытереть кинжал.

Только из-за уважения к тебе я никому не рассказал этой истории. А то Годердзи обязательно поймали бы и судили.

Дедушке Микеле трудно было выбраться из сетей, расставленных Абриа-злозязычным. Ему и в самом деле казалось невероятным, чтобы такая робкая и нежная девушка, как Нуну, могла ранить кинжалом мужчину, да еще такого, как Канкре. В душу вкрадывалось сомнение: а может быть, она действительно такая, как говорит о ней Абриа?

И тогда Абриа, которого одолевал кашель, выпил поднесенную ему Баблией воду и нанес последний удар.

— Кроме того, я не раз видел младенца, — сказал он доверительно-заискивающе. — Должен признаться, мой Микела, что он совсем не похож на Годердзи... Мне, может быть, не нужно было тебе этого говорить. Но мы — старые друзья, и ты, надеюсь, не обидишься на меня за эту

¹ Мандили — платок, покрывающий голову, символ женской чести.

откровенность. Будь осторожен! Сейчас такой народ пошел, что и у зрячих вырывают ресницы из век.

И, как бы в утешение, он, вздыхая, сказал:

— Только бы Годердзи благополучно вернулся, а девки для него найдутся. Кто знает, что принесет нам завтрашний день!

— Да, но почему тогда, дядя Абриа, Нуну назвала ребенка именем моего дедушки? — вмешалась Баблиа, которая любила Нуну и верила ей.

Абриа надменно посмотрел на нее.

— Что ты понимаешь в этих делах, тетеря? Подумаешь — имя! Священника в нашем селе тоже звали Абриа, но я ведь не сын и не внук попа. Может, Нуну потому и дала ребенку имя твоего деда, что хотела обмануть его.

Дедушка Микела хлопнул себя по лбу и простонал:

— Ох, горе мне, горе...

Дедушка Микела окончательно потерял покой. Кто бы к нему ни приходил, он спрашивал:

— Похож или не похож маленький Микела на Годердзи?

Иные уверяли его, что ребенок — вылитый Годердзи, другие подбавляли яд в его душу — говорили, что ничего похожего нет. Кому из них было верить?!

Чуткое сердце скоро подсказало Нуну, что дедушка Микела охладел к ней. Вместо прежней теплоты — вынужденная вежливость. Чем это вызвано? Она долго не находила ответа на этот вопрос.

Как-то она пришла к дедушке Микеле, чтобы сообщить ему приятную новость: в Кварели снова заработал завод и можно, наконец-то, поехать за черепицей. Но старик почему-то не обрадовался ее словам. Он долго теребил свою бороду, потом вернул Нуну ее деньги и сухо сказал: «Будет лучше, если ты потратишь их не на черепицу, а на своего ребенка».

Нуну ушла от него со слезами на глазах. Только тогда она поняла, что ее оклеветали, что против нее строятся какие-то подлые козни.

После того, как Абриа и его братья унесли куда-то раненого Канкре, о нем долгое время ничего не было слышно. Но вот Нуну передали, будто бы Канкре увезли в Горную Тушетию, а Маруа сказала, что его видели на костылях в Кварели и что он грозитя, как только поправится, приехать в Бермуху и расквитаться с Нуну.

Теперь, когда не было рядом Годердзи, Нуну серьезно побаивалась этого. Канкре мог решиться на все.

Тогда она пошла к Тедо и впервые рассказала обо всем происшедшем. Она не сообщила ему только того, что Канкре унесли от нее Абриа и его братья.

Тедо успокоил ее:

— Как только Канкре появится в Бермухе, я приму меры, чтобы его арестовали.

Но тревожно было у Нуну на сердце и седела ее голова.

Война наложила отпечаток на всю сельскую жизнь. Даже в летние вечера рано пустели улицы, редко доносились песни с берегов Алазани.

Точно почуяв уход мужчин на войну, обнаглели звери.

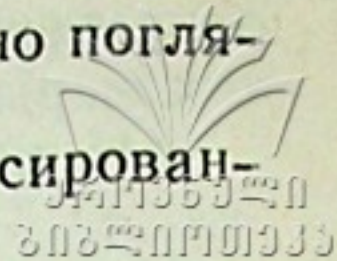
В виноградниках шныряли шакалы. На кукурузных полях хозяйничали волки. Оттуда они нападали на овец.

Суровую снежную зиму сменила дождливая весна. Частые дожди мешали колхозным работам: нельзя было ни перекопать землю, ни под-

резать и подвязать виноградную лозу. Взрослые и дети тревожно поглядывали на разгневанное небо.

В мае разразился град величиной с птичье яйцо. От его массивной бомбежки рушились листья, ветки, молодая завязь.

Гибли сады и виноградники.



Горестно шла Нуну по винограднику. Она присела на землю, склонила голову на ладони. Мысленно разговаривала с Годердзи.

«У меня уже седеют волосы, дорогой! Град побил наши виноградники. Тяжело без тебя. Одно утешение — наш маленький Микела. Он так на тебя похож. Я все вытерплю, только бы ты вернулся, пусть даже поседеют совсем мои волосы».

Уже никого не было в поле, когда на тропинке, ведущей к Лисьему оврагу, показался человек без шапки, с растрепанными волосами. Он по минутно останавливался, зло топтал побитые градом лозы и что-то бормотал.

Он переправился через Лисий овраг, обошел Мамукскую крепость, посмотрел вниз, на многоводную реку, и повернул влево. На мосту, который вел к Гвелетской ГЭС, человек остановился. Потом он снова продолжил свой путь.

— Куда идете, дядя Абриа? — неожиданно остановил его одноглазый Гайоз.

— К святому Георгию, помолиться, — ответил Абриа, воровато опустив глаза.

Переступив порог храма, он опустился на колени перед фреской желтолицего Коригоза и неистово забубнил:

— Да будет проклят отныне и во веки веков тот, кто во владениях эристава Мамуки построит дворец, дом или марани, поставит мельницу или амбар, посадит сад или посеет семя, или разобьет виноградник. Это проклятие, перед алтарем святого Георгия произнесенное, да достигнет его и да покарает он всех из поколения в поколение, кто противится его всемогущей воле. Да будут уничтожены они, будто нива от саранчи, будто виноградники от града! Аминь!

Над Бермухой простиралась ночь.

Плакали побитые градом виноградные лозы. Да разве одни только лозы?!

XXXI

Утром прибыла машина от Цихистави: он просил Коринтели срочно приехать в Кварели на совещание. Дядя Нико собрался поехать вместе с ним.

— Нет, дядя Нико, — остановил его Коринтели. — Сегодня воскресенье, тебе спешить некуда. Мне нужно при тебе поговорить сегодня с Медико. Подожди меня.

Спускаясь по лестнице, Коринтели увидел в полуоткрытую дверь Медико и тетю Варю: они сидели перед раскрытыми чемоданами и сумками, переговаривались и с помощью Майи укладывали платья.

Как только Коринтели ушел, дядю Нико, не спавшего накануне ночь, одолела дремота. Он подумал: «Прилягу ненадолго, обману сон». Но только он снял пиджак и расположился на шезлонге, как кто-то осторожно постучал в дверь.

Дядя Нико вскочил и надел пиджак. Вошла взволнованная, побледневшая Медея.

На ней было платье из черного муслина. Крупная жемчужина сверкала у выреза платья на ее белой, словно лопотский мрамор, груди. Седина обрамляла ее красивую голову. Под глазами и на щеках легли морщины. Она была очень печальна.

Дядя Нико предложил ей стул. Медея присела на край, словно гостья.

— Вот видите, дядя Нико, как разрушилась наша семья, — сказала она со слезами в голосе. — Я ни в чем не виновата, бог тому свидетель! Единственная моя вина в том, что я отдалась чувству и последовала за Вахтангом...

У нее заплетался язык от волнения, на глазах блеснули слезы.

— Вахтанг всегда упрекал меня в том, что я по расчету вышла замуж за Шаркутье. Но я и теперь не знаю, чему должна отдать предпочтение женщина: чувству или разуму? Я, скажем, действовала по расчету, была молода и неопытна, ошиблась. Но вот я решила исправить ошибку, бросила все то, что обеспечивало мне беззаботную и богатую жизнь, отдалась своему чувству и, как видите, еще раз ошиблась — и не менее жестоко...

Дядя Нико посмотрел на Медею, на ее вздрагивающие плечи — и сердце его вдруг прониклось жалостью к этой красивой, печально склонившей голову женщине.

Он готов был говорить много и пространно, чтобы только успокоить ее.

— Какое у меня право судить о вашем поведении? — начал он. — Кто дал мне такой разум, чтобы я поучал других? Но я читал произведения умных людей и кое-что видел на протяжении своей довольно долгой жизни. И раз вы меня спрашиваете, то я вам отвечу.

Большую ошибку допускает человек, когда он в свою личную жизнь вмешивает третье лицо. Извините мою откровенность, но в вашей семейной катастрофе дурную роль сыграли обе ваши тетки, которым вы доверились...

Тут дядя Нико остановился. До его слуха донесся шум мотора. Затем открыла дверь тетя Варя, и, не входя в комнату, что-то по-французски сказала Медее. Дядя Нико понял, что речь идет о господине Цероденшвили — очевидно, о его приезде. Он брезгливо поморщился; Медея же машинально встала и сказала:

— Потому-то я и зашла к вам, дядя Нико, — Медея запнулась. Преодолев волнение, она продолжала. — Вахтанг проявил такую нетактичность по отношению к моей тетушке, что я не могу более оставаться в этом доме. Его поведение не так уж неожиданно для меня. Я с открытым сердцем доверилась его благородству, но и здесь ошиблась. Мне давно твердили, что у него роман с дочерью пекаря Луки, но я не верила. А теперь у меня открылись глаза.

Ни традиции моего рода, ни мое представление о семье не дают мне права оставаться униженной... Мы сейчас же уезжаем. Вахтанг может обо мне не заботиться.

Медея кивнула головой в знак прощания и быстрыми шагами направилась к дверям.

Дядя Нико лежал на шезлонге и слушал глухой голос Церодены, чьи-то громкие шаги, скрип передвигаемых сундуков и чемоданов, хлопанье дверей, возгласы грузчиков и злое карканье тети Вари, неоднократно повторявшей: «Осторожно! Осторожно!».

Он встал, нервно прошелся по комнате, подошел к дверям, хотел выглянуть, но, почувствовав неловкость, снова прилег.

Наконец, он услышал, как Майя выдохнула:

— Уехали!

Тогда он вышел.

Его поразили беспорядок и грязь, царившие в комнатах. Всюду валялись какие-то тряпки, флаконы, битое стекло, перья. Со стен свисали космы седой паутины. В окнах торчали старые подушки. На полу проступали жирные пятна...

Дядя Нико недоумевал: как мог Коринтели, так любящий чистоту, мириться с такой грязью?!

Он сбежал по лестнице в сад и посмотрел с откоса на шоссе. По нему катилась грузовая машина. В кузове, поверх вещей, восседала тетя Варя, ветер растрепал ее волосы, а рядом, обнимая большой чемодан, торчал Церодена. Медея находилась, по-видимому, в кабине.

* * *

Как только закончилось совещание, Цихистави пригласил Коринтели к себе в кабинет.

— Слышали новость, Вахтанг?

— Какую?

— Вчера на бюро райкома мы сняли старшего инженера ГЭС Цероденашвили. Его дело передано в прокуратуру. Вместо него назначили инженера Джорджадзе. Он хороший работник, награжден орденом Ленина.

— Почему сняли Цероденашвили? — спросил Коринтели.

— На ГЭС разворованы тысячи тонн цемента. Помню, вы все время твердили: раствор необходимо подвергнуть лабораторному анализу — не та плотность. Он же привез из Тбилиси комиссию и быстро нашел с ней общий язык — вместе кутили. Я должен был, конечно, вмешаться в это дело раньше и более энергично. Дело было хлопотное. Нужно было послать раствор в Тбилиси на экспертизу. Это требовало времени. Джорджадзе говорит, что ГЭС в аварийном состоянии. Кроме того, Цероденашвили был связан с Абриа и Канкре, участвовал с ними в каких-то темных махинациях.

* * *

Майя старательно выметала мусор из комнат. За этой работой ее и застал Коринтели.

— Молодчина, — похвалил он ее. — Хорошенько почисть эти тети-варины конюшни. Пусть ничто не напоминает здесь о ней.

Он повесил шапку на вешалку, вытер пот со лба и сказал дяде Нико, читавшему в кресле газету:

— Уехали? Вот и прекрасно! Я избежал неприятного и бесполезного разговора с Медико. Всю ночь мне не давали покоя их возбужденная болтовня, шарканье по полу сундуками и чемоданами. Медико больше всего дорожит нарядами, полученными от Шаркутье, хотя они уже вышли из моды. Я не раз хотел облить их керосином и сжечь. Со старым покончено, — Коринтели энергично махнул рукой. — Прежде всего, я благодарен тебе, дядя Нико, за то, что ты вовремя предупредил меня, не то я оказался бы в положении одураченного Менелая. Теперь я хочу, чтобы ты же увидел запоздалое начало подлинной весны моей жизни.

Часто из своего сада я смотрю на старый дуб. Это дерево для

меня — символическое существо. Оно, несмотря на свой возраст, каждой весной покрывается свежими ветками. Французы говорят: «Elan vital» — круговорот жизни.

И я не теряю надежды, что жизнь моя потечет по-новому, и еще прорастет молодыми побегами, подобно ветвям старого дуба. Должен тебе признаться: Суския-то беременна... И это меня очень радует.

Появилась Майя.

— Ну как, все готово? — обратился к ней Коринтели. — Можно принимать гостей?

— Можно, — улыбнулась старушка. — А теперь скажите, что на войне слышно? Кто кого осилит — они нас или мы их?

— Конечно, мы их! — воскликнул Коринтели.

— Дай бог тебе жизни, сынок! — прослезилась она. — Пятеро внуков: у меня на войне.

Коринтели вызвал своего нового шофера — старика Ясе, рекомендованного ему секретарем райкома, и распорядился подготовить машину.

Он и дядя Нико отправились к Сускии.

— Застанем ли ее? — спросил дядя Нико.

— Думаю, что застанем. Она, вероятно, отдыхает.

Коринтели зажег спичку, прикурил.

— Ты увидишь, как бедно живет эта женщина. И она никогда ни на что не жалуется.

Коринтели умолк. Потом он продолжил свою мысль:

— Бедность — иногда результат беззаботности, лени. Но она же — величайший учитель жизни. В ее горниле закаляются характеры. В борьбе с ней погибали многие гении.

Машина объехала болото, повернула направо и остановилась у поликлиники.

Суския обрадовалась Вахтангу: появление же дяди Нико ее смутило — она не была подготовлена к встрече с ним.

Обеими руками поддерживала она края халата, стараясь скрыть полноту своего тела.

Дядя Нико поцеловал ее в лоб и сел на довольно расшатанный стул. Он давно не видел Сускию — и про себя отметил, что беременность ее еще больше красит. На ее лице не было видно и намека на пятна, которые обычно проступают у беременных женщин. Он подумал: «Чем не богиня плодородия! Вот с кого бы следовало и рисовать ее».

Хозяйка засуетилась:

— Какого дорогого гостя привез ты так неожиданно. У меня есть бутылка вина, испеку хачапури.

Коринтели обнял ее:

— Не беспокойся, ничего не нужно. Оденься и собери свои вещи.

— Что случилось? Разве я должна куда-нибудь ехать?

— Да, ко мне, нет — к нам! — радостно воскликнул Коринтели.

— Куда это к тебе, к нам? — спросила Суския.

Но глаза ее уже лучились, она начинала догадываться, о чем идет речь.

— Ну что мучаешь женщину, — улыбнулся дядя Нико. — Скажи уж прямо...

Коринтели пришлось тут же все объяснить. Лицо Сускии вспыхнуло алым пламенем.

— Выйдем, пусть она оденется, — шепнул дядя Нико, взяв Коринтели под руку.

Втроем сидели они за свадебным столом. Дядя Нико протянул полный бокал невесте.

— Где тот безвестный художник, Суския, который рисовал тебя еще девушкой? Мне не дано, хоть в малой мере, выразить ту радость, которую я сейчас испытываю. Ты еще прекраснее, чем была. Я еще не пьян и скажу — ты куда красивее любимой Рембрандта—Саскии.

Я не понимаю, почему художники и поэты избегают рисовать и славить беременных женщин? Они не прочь восхищаться бутонами роз, цветением виноградной лозы и равнодушны к женщине в период ее цветения.

Мы, грузины, всегда были народом-воином,—продолжал дядя Нико,—и потому, должно быть, у нас сохранилось что-то подобное атавистическому чувству—мы особенно радуемся рождению мальчика—того, кто будет владеть оружием, клинком. И вот я, простой старый грузин, который не поспекает шагать в ногу со своим веком, от души желаю, чтобы был у вас мальчик, и желаю долгих лет жизни будущему вашему наследнику.

Дядя Нико расцеловал Сускию и Коринтели.

К столу подошла Бижина.

Суския потянулась к лани.

— Иди сюда, иди, красавица!

Лань насторожила ушки и приблизилась. Суския погладила ее по спине, почесала мордочку.

Дядя Нико, который почему-то рано захмелел, не сводил с них глаз. Он восторгался щедростью природы, наделившей эти два существа такой совершенной красотой.

Дядя Нико уехал, а Коринтели и Суския, проводив его, пошли в сад. Коринтели нарвал роз.

— Султаны в дни свадеб осыпали своих невест золотом, — смеясь, сказал он. — Так поступил и султан Кияс-эддин, он осыпал золотом внучку царицы Тамары, которую тоже звали Тамарой. Я не султан, золота у меня нет, и я осыплю тебя возвращенными мною розами.

Обнявшись, они долго любовались режущей глаза белизной горного хребта. Сказочными крепостями и замками громоздились облака. Свет и тени перемещались и создавали порой иллюзию того, что где-то на сверкающей вершине танцуют лекури¹.

Далеко-далеко резвились молнии, похожие на драконов и оживившие в памяти Коринтели миф о драконах, охранявших сад Гесперид, в котором росли золотые яблоки...

Коринтели сказал:

— Помнишь Нагваревское ущелье, соловьиный оркестр, мшистый валун, на котором мы с тобой лежали?..

— То был счастливейший день в моей жизни, — тихо ответила Суския.

К ним подбежали Ахилл и Бижина.

— Пока не родится мужчина, за которого поднял тост дядя Нико, мы вчетвером составляем эту семью: ты, я, Ахилл и Бижина, — сказал Коринтели.

— Да, верно... и бедная Майя.

¹ Лекури — грузинский национальный танец.

Взошла луна, а они все бродили по саду и любовались лунными бликами, которые скользили по цветам, деревьям, лозам.

— Будь я поэтом, — сказал Коринтели, — я бы обязательно создал оду в честь этого сада. Как часто я спасался тут от кошмара, царившего в моем доме. Я работал здесь с увлечением, а вечерами наслаждался тишиной, ароматом цветов...

Мир растений мне все же ближе мира животных. Природа не одарила растения голосом. Они не могут пожаловаться, что голодны или томимы жаждой. Они живут молча и встречают смерть стоя, как герои античной трагедии.

Суския посмотрела в сторону огорода и сказала:

— Как приятен аромат рехани¹. Я очень люблю ее запах.

— Посмотри на капусту, — заметил Коринтели. — Ее кочаны при лунном свете блестят, как стальные шлемы, не правда ли? Вид ее мне неприятен. Стальные шлемы напоминают мне о войне.

Суския не успела ответить. Раздался странный топот. Ахилл вскочил, но Коринтели быстро схватил его за ошейник. И тут же, опрокинув сграду, метнулся олень.

— Нагни голову, — шепнул Сускии Коринтели. — Не испугай его.

Их заслонял от оленя куст сирени.

Добравшись до капусты, олень начал ее торопливо есть. Голова его то опускалась, то поднималась.

Насытившись, он подошел к обрыву и был теперь хорошо им виден на фоне неба.

Зверь повернулся в сторону Бермухи и затрубил во все горло.

Это была та самая олениха, которую Канкре разлучил со своим оленем. Казалось, она искала убийцу, чтобы отомстить.

Грозный рев оленя омрачил их души, напомнил о земном горе, о тысячах людей, разлученных навеки...

Молча поднялись они к себе. Радио передавало очередную сводку Совинформбюро. На всех фронтах, от Баренцова до Черного моря, шли напряженные бои.

XXXII

Вновь пришла в Кахетию осень, где ее ежегодно ждет трон, украшенный гроздьями винограда, колосьями пшеницы, сочными фруктовыми плодами.

Маджари² бродило в марани...

Еще с утра хмельной Гео ходил по селу, от дома к дому, и разносил печальные вести...

В полях Белоруссии был убит врагами колхозный счетовод Гаме-зардашвили. В украинской степи пали смертью храбрых братья Мирианшвили — Иона и Котэ. В лесах Карелии погибли братья Годердзишвили — Шио, Гиви и Закара. В калужском госпитале скончались от ран бермуховцы Кадагидзе, Иорамашвили и Надирашвили.

Наконец-то Нуну получила от Годердзи несколько писем. В каждом из них он торопил ее перейти в дом дедушки, просил беречь себя, маленького Микелу и старика, дружить с сестренкой. Он интересовался колхозными делами, просил сообщить — кто кого замещает, благода-

¹ Р е х а н и — душистая, пряная травка, употребляемая как приправа в пищу.

² М а д ж а р и — молодое вино.

рил за присланный табак. Не забывал он и о своей собаке Мгеле: «Собери кости и угости ее».

Из последнего письма Нуно узнала, что Годердзи представили к ордену Ленина и присвоили звание лейтенанта.

«Я нахожусь в авиационном полку, — писал он. — Бомбим вражескую территорию. Подружился со старшим лейтенантом Буржинским Иваном Николаевичем, вместе делим радости и невзгоды».

С тех пор прошло уже три месяца, а от Годердзи больше не было ни слова.

Снова загрустила Нуно. Завидев Гео, она молила его: «Как только попадет к тебе письмо от Годердзи, сразу же беги ко мне: утром угощу тебя завтраком, днем — обедом, вечером — ужином. И накормлю и напою». Она заставляла его креститься, клясться женой и детьми, что он сделает именно так, как она его просила.

В один из дней она решила заглянуть к бабушке Микеле: «Быть может, Годердзи думает, что я уже перебралась к нему, и посылает письма туда...».

Когда Бабля сообщила старику, что пришла Нуно, он помрачнел. — Чего она хочет? — спросил он недовольным тоном.

Старик не поинтересовался ни ее жизнью, ни здоровьем ребенка. Он мрачно ответил:

— Никакого письма от Годердзи я не получал.

Услышав имя Годердзи, безумная тетка Теброния затараторила:

— Прошлой ночью приснилась мне матушка-богородица. «Завтра придет Годердзи», — сказала она мне. Как только он придет, я заколю черную свинью и принесу ее в жертву всемогущему Квакаца.

Не дождавись весточки от Годердзи, Нуно, после долгих колебаний, написала Буржинскому.

Маленький Микела в то время болел, у него поднялась температура, и Нуно провела всю ночь возле сынишки. Уснула только утром. Сквозь сон расслышала она, как кто-то звал ее во дворе:

— Уджираули Нуно!

Всполошились собаки.

Вслед за этим раздался злой голос Кетуа:

— Чего орешь? Она спит. Проваливай!

Нуно быстро оделась и выбежала во двор. Гео осаждали собаки. Его посох был сломан. Он отбивался от них камнями и деревянной ногой.

Нуно помогла ему.

— Выполнил я твою просьбу! — сказал он и, ухмыляясь, добавил: — Я еще не завтракал...

Нуно залихорадило, когда Гео вынул из своей черной сумки письмо и она увидела, что адрес написан не рукой Годердзи. Все поплыло перед глазами. Она покачнулась и чуть не упала.

Писал старший лейтенант Буржинский.

«15 августа самолет лейтенанта Эланидзе вместе с другими бомбардировщиками послали в тыл врага. Он попал в зону огня вражеской зенитной артиллерии и на аэродром не вернулся».

Буржинский выражал соболезнование жене своего друга.

Нуно закусила губу, чтобы не закричать от горя. Гео, взглянув на нее, пожалел о пропавшем завтраке и молча удалился. А женщина продолжала стоять, точно окаменелая.

Кетуа все видела сквозь окно своей комнаты и равнодушно мыла посуду.

И кто знает, сколько бы так простояла посреди двора Нуно, если бы не выскочил Малхаз и не напомнил ей о плачущем маленьком Микеле.

В тот же день Нуно объявила себя вдовой Годердзи, надела черное платье и предалась трауру.

Через две недели «мессершмитты» вторглись в небо Кахетии. Они промчались над страной лоз и роз и удалились в сторону Дагестанских гор.

62308
Коринтели и Суския кормили в саду Бижину. Мимо, по улице, прошел Гео. Суския, заметив его, вздрогнула.

— Как бы к нам не зашел этот черт, — сказала она. — У меня остался в живых только один брат из девяти братьев и сестер, и я не переживу, если потеряю сейчас Автандила. Когда-то я видела картину «Ангел смерти» — высокий скелет со зловещей длинной косой и черными крыльями. Именно на него и похож наш Гео, не хватает ему только косы и крыльев. Знаешь, Вахтанг, дети, завидев его, замирают, словно воробышки, у которых над головой пролетел коршун.

— Эх, моя славная, — ответил Коринтели. — Бедный Гео здесь не при чем. Да погибнут те, кто навязал нам эту страшную войну!

Я вот сижу здесь, кормлю лань, а люди сражаются и умирают на фронте. Теперь каждый мужчина должен быть там. Эх, если бы я был здоров... Если бы меня взяли в армию....

Суския скорбно сказала:

— Кто знает, может быть, уже нет в живых моего брата Автандила...

Чтобы отвлечь жену от мрачных мыслей, Коринтели заговорил о другом.

— Посмотри на наш Кавкасион, — простер он руку. — Разве может с ним что-либо сравниться?! Как великолепны его вершины! Они не раз утешали меня в дни, когда ты была еще далеко от меня.

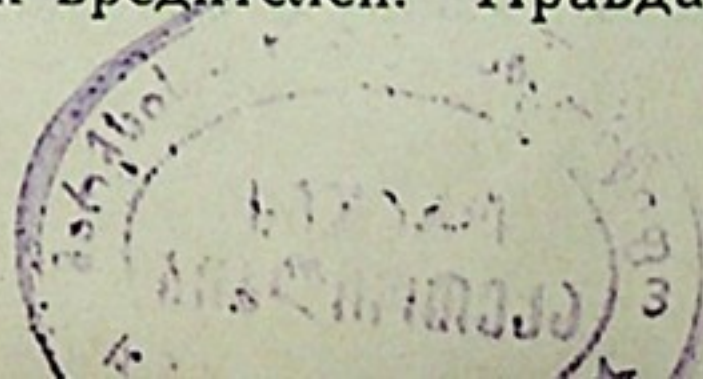
Смотри, смотри, справа от Дагестанских гор — серое облако, похожее на тигра, готовящегося к прыжку. Левее — белые мраморные бастионы, увенчанные огромными башнями. А ниже — массив малахитового цвета, вершины которого будто бы вынырнули из синего моря. Жаль, что художники еще не сумели передать всю красоту этих гор.

Стемнело. Появились летучие мыши. Они, тихо попискивая, кружились вокруг людей.

Суския поежилась.

— Я люблю все живое. Змея, говорят, страшна. Я же готова восхищаться строением ее гибкого тела. А вот летучие мыши мне противны. И я боюсь их. Может быть, это потому, что мне внушили страх к ним еще в детстве. Пугали: летучие мыши забираются в волосы спящих женщин, сосут их кровь, и тогда, чтобы от них избавиться, остается одно средство — остричь волосы.

— Эта глупая сказка широко распространена по всему свету, — сказал Коринтели. — В одном случае — летучая мышь, в другом вампиры, гарпии. А ведь наша летучая мышь совершенно безобидное существо. И более того — полезное. Она питается насекомыми, пожирает лесных, садовых, огородных, полевых вредителей. Правда, в Южной



Европе я видел летучую мышь — ронолофусс. Она побольше нашей. Ронолофусс может подкрасться к спящему голубю, оленю и высосать у него немного крови. Так же, как пиявка у человека. Вот и все.

Но Суския не успокоилась.

— Откуда здесь столько летучих мышей? Я иногда не сплю из-за них.

— Они живут в пещерах, развалинах, в дуплах деревьев, на чердаках. А мало ли у нас всего этого? Когда наступает осень, они прячутся в храме святого Георгия и под его сводами дожидаются весны.

— Брр! — брезгливо произнесла Суския и ухватила мужа за локоть. — Пойдем, Вахтанг, и уведем отсюда Бижину. А то эти проклятые мыши могут к ней привязаться.

— Повинуюсь! — ласково ответил Коринтели и бережно повел жену.

За ними бежала лань.

Через день Коринтели ездил в Телави, в институт, а дома продолжал работу над своей книгой.

Никогда он так успешно не трудился, как теперь. Дома было спокойно, уютно.

— Женщина с ангельским характером, — говорила о Сускии Майя. — И в поликлинику бегает и дома хозяйничает. Всюду успевает и никогда не раздражается.

Наступил день, когда Коринтели вошел в столовую и радостно сказал жене:

— Через месяц закончу свой труд. К этому времени и ты благополучно разрешишься.

Шутя договорились: если родится сын, то назовут Ростомом, в честь отца Коринтели.

Суския чувствовала себя плохо: тошнота, отечность, головокружение, отсутствие аппетита. Коринтели давно настаивал, чтобы она взяла декретный отпуск. Но та и слушать не хотела: разве можно это делать в военное время? И она снова и снова вспоминала о своем единственном брате Автандиле...

Оберегая жену, Коринтели приказал шоферу и Майе не передавать Сускии письма, которое мог принести Гео.

— Все письма давайте мне.

Прошло несколько дней.

Поздно вечером он возвращался из Телави. В воротах его встретила заплаканная Майя.

— Что случилось? Да говори же скорей! — закричал Коринтели. Майя разрыдалась:

— Хозяйку принесли на носилках с работы, она потеряла сознание. Побледневший Коринтели вбежал в спальню. Суския попыталась его успокоить:

— Теперь мне уже лучше, Вахтанг.

Но Коринтели видел, что это не так. Лицо ее заострилось, глаза поблекли.

Что делать? Коринтели растерялся. Первое, что пришло ему на ум, — послать машину в Телави, за дядей Нико и тетушкой Текле.

Из Кварели прибыл районный врач. Он оказался очень неприятным человеком: ввалился в столовую, не сняв с себя пальто, калош, шапки, и, не поздоровавшись, спросил:

— Кто здесь больной?

Затем молча осмотрел Сускию и, отозвав в сторону Коринтели, мрачно произнес:

— Поздно меня вызвали. Сейчас нужно думать о том, чтобы спасти хоть ребенка.

Коринтели беспомощно метался из комнаты в комнату.

— Чего мы ждем, Вахтанг? — услышал он голос дяди Нико. — Беда на пороге дома. Нужно действовать.

— Что делать? — с мольбой взглянул на него Коринтели.

— Как что делать? Немедленно пошли машину в Тбилиси за профессором Шушаниа.

— Не опоздаем ли? Шушаниа — мой друг, у него своя машина. Пошлем молнию, — предложил Коринтели.

— Пиши, — энергично сказал дядя Нико.

Коринтели взял листок и ручку. Он дважды что-то писал и рвал написанное.

— Не могу, ничего не получается, — сказал он неожиданно. — Дядя Нико, будь добр, напиши за меня...

Состояние Сускии ухудшалось с каждым часом. Все это видели — и никто ей не мог помочь.

Майя и тетушка Текле безудержно плакали. Коринтели ежеминутно трогал руку больной, ловил ее пульс и беззвучно шептал: «Суския, дорогая моя Суския».

Самым мужественным оказался дядя Нико.

— Как вам не стыдно? — ругал он всех. — Разве так можно? А ты, Вахтанг, видно, совсем забыл слова Руставели: «Против горя и напастей устоять твердыней надо».

Ночью больная попросила Майю позвать тетушку Текле.

— Вахтанг так мечтает о ребенке, — сказала она ей слабым голосом, — что я готова умереть, лишь бы он остался жив. У меня нет матери, и я надеюсь, что вы, тетушка Текле, будете следить за ним, как родная...

Потом она впала в забытие.

— Автандил, видимо, погиб... — шептала она, пробуждаясь, — пусть Вахтанг позаботится о моем несчастном отце... Сколько чужих детей я спасла от смерти. Кто же спасет моего ребенка? Тетушка Текле, поклянитесь... Меня похороните в саду...

Она откинула голову и замолкла.

— Не говори такого, доченька, — успокаивала ее тетушка Текле. — Скоро приедет профессор Шушаниа, он поможет тебе. Божья мать не оставит тебя без своего покровительства.

Профессор Шушаниа наконец-то прибыл. Вместе с ним приехала акушерка. Профессор протянул руку Коринтели, и, не обращая внимания на его опечаленный вид, сказал:

— Какой замечательный уголок отыскал ты! Рай, поистине рай!

Коринтели не знал, что ответить. Он был удивлен беспечностью друга.

— Как роженица? — спросил Шушаниа.

— Плохо, очень плохо!

Профессор энергично потирал руки.

— Эх, нарушили вы обычаи дедов и отцов, — сказал он. — Когда да рожали наши матери, отцы отправлялись в леса, охотились, отводили душу.

— Да, образование сверх меры размягчает характер человека, — поддержал его дядя Нико, — делает его сентиментальным.

Профессор Шушаниа вымыл руки:

— Был ли у вас врач? — спросил он.

— Приезжал районный врач, — ответил Коринтели. — Он сказал, что нужно думать сейчас о том, чтобы спасти хоть ребенка.

— Не бойтесь! Страх не помощник в беде, — успокаивал профессор. Он обратился к Майе: — Пойди-ка к моей машине и приведи сюда женщину, с которой я приехал. Пусть она захватит саквояж с инструментом.

Тут к нему подошла тетушка Текле и запричитала:

— Умоляю, батано профессор, спасите мать и ребенка, обоих спасите, обоих.

— Я для того и приехал, чтобы спасти их, — с достоинством произнес Шушаниа, — хватит того, что мы столько людей теряем на войне.

Он надел белый халат и направился к Сускии. На ходу строго бросил:

— Кроме этой старушки, — он указал на Майю, — никого не впускайте.

Коринтели стоял у окна и нервно барабанил пальцами по стеклу, пытаясь заглушить доносившиеся к нему из спальни стоны Сускии. Затем он, не надев шапки, вышел в сад.

Дядя Нико и тетушка Текле уселись под стенными часами и наблюдали за движением стрелок. Мерно тикали часы. Они пробили восемь, и в это время раздался тонкий, пронзительный плач ребенка.

Торжествующий и улыбающийся вышел в столовую профессор Шушаниа.

— Могу вас поздравить, — сказал он, — прибавился еще один воин для грузинской дивизии.

Тетушка Текле прослезилась и бросилась целовать его руку.

— Христом богом посланы вы к нам, батано профессор, — бормотала она.

— Позовите отца ребенка, — сказал Шушаниа. — Вахтанг казался мне крепким мужчиной, а убежал — не так ли?

Обрадованный Коринтели крепко обнял профессора.

— Мой род, — сообщил он, — находился на грани вымирания: у всех дядей — братьев отца — дочери. С вашей помощью продолжено существование нашего рода.

Быстро накрыли стол. Шушаниа острил, рассказывал веселые анекдоты, шутя, соревновался в питье вина с дядей Нико.

— Лучше не приучайте меня к этому «киндзмараули», а то я буду часто совершать набеги на вас, — смеялся он.

Садясь в машину, он доверительно сказал Коринтели:

— Положение было катастрофическим. У роженицы острый токсикоз-эклампсия. Постарайся избавить ее от всяких волнений. Через две недели заеду. Если будут осложнения, телеграфируйте — и я приеду немедленно.

Тетушка Текле ни днем, ни ночью не отходила от Сускии и младенца. А дядя Нико жил между Гвелети и Телави — то здесь, то там.

Приближался день рождения Коринтели. Дядя Нико предложил отпраздновать. Хозяин не соглашался.

— Не такое время. Сейчас не до празднеств!

Но как раз в день его рождения, в субботу вечером, приехали Зураб Арадели и отец Сускии — Лука.

Собрались за столом.

Отвечая на тост, растроганный Коринтели сказал:

— Мне кажется, что чья-то невидимая рука сняла с моих плеч груз прожитых лет. Вся моя прошлая жизнь — ничто в сравнении с тем, что я испытываю сейчас. Нельзя быть счастливым без детей. Ребенок — это то звено, которое связывает прошлое с будущим, тот мост, который их соединяет. Это движение самой жизни.

Дядя Нико заметил:

— Знаешь, Вахтанг, будь я на твоём месте, я не разрешил бы Сускии работать. Что ни говори, а семья требует хозяйки, в особенности, когда появился ребенок. За ним нужен уход и уход. А женщины наши впадают в крайность. Одни из них бездельничают, как Медея, другие — уж слишком трудолюбивы, как Суския. Я тебе не сказал, а ведь две недели назад Суския, оказывается, вешала занавески в поликлинике и упала. Слава богу, все окончилось благополучно.

— Я уже говорил ей об этом, но Суския не согласна оставить работу, — ответил Коринтели. — Она любит свою профессию и не может жить без работы.

Арадели критически отнесся к словам своего друга:

— Кто только ни критиковал семью: Бальзак, Толстой, Ибсен, Стриндберг, но никто пока что не отыскал лучшей формы личной жизни.

Дядя Нико вставил:

— Критиковать старое иной раз куда легче, чем создавать новое. Люди более склонны ворчать, нежели довольствоваться тем, что имеют.

Арадели продолжил свою мысль:

— Сколько недалеких женщин разрушало в прошлом свои семьи и губило себя под влиянием ибсеновской Норы или оказывалось в положении флюберовской мадам Бовари... Я — профан в литературе, но давно замечаю, что люди не всегда понимают то, чему подражают. Подражать великим в великом так же трудно, как, например, создать нечто равное поэмам Важа Пшавела. Но кому не хватит ума отрастить такую бороду, какая была у него?

Он расфилософовался:

— Что же касается счастья, то оно похоже на медузу: возьмешь ее в руки — и она исчезнет. Счастье преходяще и мгновенно...

XXXIII

Суския поправлялась и была уже готова подняться с постели. Коринтели и тетушка Текле сдерживали ее, ссылаясь на то, что не истек еще срок, назначенный профессором Шушаниа.

Но вот решено было отметить рождение мальчика, и дядя Нико предложил:

— Пусть она хоть на крестины покажется нам.

Дядя Нико имел в виду не только себя и отца Сускии, но и приехавшего снова Зураба Арадели.

Уговоры Коринтели и тетушки Текле не помогли. Суския попросила Майю помочь ей одеться и пообещала мужу через двадцать минут снова отправиться в постель.

Как только она вошла в столовую и, поздоровавшись со всеми, присела за стол, Арадели, глядя на нее, подумал: «Вот что значит молодость и природное здоровье. Крестьянская кровь!»

Яркие краски ее лица чуть-чуть поблекли. Но тяжелые толстые косы, уложенные венчиком вокруг головы, горели все тем же пламенем пылающих в огне стеблей лозы.

Она вышла к гостям в простом, но со вкусом сшитом платье. Из драгоценностей на ней были только сердоликовый медальон с изображением Дианы, охотящейся на антилопу, да золотое кольцо на руке.

Во всем, что она носила, — от платья до туфель — чувствовался вкус. Он чувствовался и в том, как преобразился весь дом Коринтели.

Мягкий, ласковый голос хозяйки как-то успокаивал и очаровывал.

Рядом с Сускией сидели Коринтели и ее отец — старый пекарь Лука.

Своим несколько неуклюжим, но мощным телом он напоминал фигуру со старинных барельефов грузинских храмов. У него были широкие угловатые плечи, короткая шея, крупная голова. Из-под седых бровей открыто смотрели в лица собеседников большие, немного колючие глаза. Густая белая борода торчала лопатой.

Он чувствовал себя неловко в новом костюме, сшитом из темного материала, подаренного ему Коринтели. Портной не отличался мастерством, и костюм сидел на пекаре будто с чужого плеча.

Луку стеснял не только новый необычный костюм — ему непривычно было сидеть за столь торжественным столом, в таком обществе.

(Окончание следует)



ИЗ ЛИРИКИ

БЕССМЕРТИЕ

Перевод с грузинского О. Ивинской

Была там одинокая сосна,
Где мне нашли местечко для покоя.
На кладбище стояла тишина,
Себе лицо царапала с тоскою.
Нависли тучи — гробовой плитой,
И торопиться ветер всех заставил.
Когда же все ушли, смешавшись с темнотой,
Ты не ушел. Меня ты не оставил!

Не плачь, мой сын! Довольно. Поднимись!
Мужчине убиваться — не пристало...
Пока ты жив — во мне осталась жизнь.
Моя ведь жизнь — давно твоею стала!
Ты должен жить и сохранять меня,
Любить весну и собирать левкой.
А затоскуешь — на закате дня
Приди сюда! Я не хочу покоя!
Во мне звучит сыновний голос твой,
Смотрю в глаза — взыскательно и строго...
Присядь ко мне, на камень гробовой.
Прочти стихи и камень мой потрогай!

ПОДРУГЕ ЖИЗНИ

Перевод с грузинского Е. Винокурова

Я жаден до людей!..
Всегда толпою
Вокруг меня шумят мои друзья,
Не потому, что скучно мне с тобою,
А потому, что мне без них нельзя.

Буковый шатер

РАССКАЗ

Перевод с грузинского З. Ахвледиани

К концу мая сацхские гуртовщики были готовы к отправке в горы. Скот, выведенный с фермы утром, к заходу солнца свободно мог достичь бины.

Председатель сацхского колхоза Тате Дзидзишвили не сомневался в благополучном исходе перегона. Готовить корм в пути не придется — до горы было близко, вдоль дороги зеленела сочная трава, деревья в лесу покрылись молодой листвой. Беспокоило его другое...

Осенью председатель назначил заведующим фермой хромого Пармена. Пармен оказался никудышным работником. Это скоро отразилось на состоянии фермы. Весной истощенный скот еле держался на ногах. Не ожидал Тате этого. Кормов на зиму колхоз заготовил даже больше, чем было нужно — в подвале без пользы прели целые груды корнеплодов, вдоволь было выделено для скота и зерна. Нет, кормов было достаточно — во всем виновато бездушие Пармена.

Об этом в селе говорили многие. Говорили разное. И не только взрослые, но даже дети. Как-то летом пионерский отряд побывал на ферме. Увидели ребята племенных бычков, привязанных к стойлам за продетые сквозь ноздри железные кольца. Увидели и прыснули: «Зачем бедным бычкам железные кольца? Хватит с них, несчастных, и обыкновенной бечевки. Еле шеями ворочают...» На второй день слова пионеров повторяло все село. Самому Тате об этом рассказали собственные сыновья, возмущенные до глубины души жалким видом своих любимцев — красивых бычков и молодых бугаев. Председатель закусил кончик уса и со злостью начал грызть его.

Один Пармен был совершенно спокоен. По его мнению, сацхцы сильно преувеличивали. Дела на ферме обстояли не так уж плохо. Скот крепко стоит на ногах, бычки чувствуют себя хорошо. Чего же еще нужно?

За несколько дней до перегона на общем собрании колхозников выступил бригадир полеводческой бригады Иотам Гогатидзе. По поручению парторганизации он проверял работу фермы и сейчас, не скрывая ничего, доложил колхозникам:

— Конечно, скот стоит на четырех ногах. У коров и быков рога на

месте. Но вот мяса.... Да что там говорить — не скот, а позор... Оскандалились, братцы, здорово оскандалились, вот и весь разговор.

— Тебе поручено поле, за поле и отвечай! — огрызнулся Пармен.

— Так ведь корма для твоей фермы добывал я! Чего же ты их без пользы сгноил? Кормил бы скот вовремя, не пришлось бы сейчас оправдываться! — отрезал бригадир.

Спор разгорелся горячий. Выступила старшая доярка Тебро Пареса-швили. Она резко критиковала работу фермы. Ее поддержали и другие.

Тате призадумался. Положение нужно было срочно выправлять. Единственный выход заключался в том, чтобы всеми силами и как можно быстрее восстановить потерянный скотом за зиму вес. Потому и торопил председатель Пармена с перегоним на летнее пастбище — свежий воздух и здоровый, обильный корм помогут животным поправиться.

...Стадо уже выходило с фермы на дорогу, когда подошел Иотам Гогатидзе.

— Неужели он и там не будет работать как следует? — спросил бригадира Тате и, прищурившись, недовольно покосился на Пармена, который седлал у конюшни коня.

— Еще бы! Там-то не нужно готовить корм, носить его скоту, — проговорил Иотам.

— Не говори глупостей! — вспыхнул Тате. — Если стадо будет кружить на одном месте, какая от этого животным польза? — он помолчал, затем с горечью добавил: — Чует мое сердце, так и случится: будет скот у него голодать. Эх, горе мне с этим недотепой!

— А Тебро не едет с ним? — спросил Иотам.

• — Ну и что? Где Тебро, там, по-твоему, все будет благополучно?

— Да!

— А разве у Тебро мало своих дел? Зачем ей работать за другого?

— Пожалуй, ты прав, — тихо проговорил Иотам и направился к дороге. Он хотел поскорее уйти отсюда, чтобы избежать расспросов председателя. Ему неудобно было вмешиваться в дела фермы. «И зачем я согласился участвовать в работе комиссии? Неужели не мог уклониться? А теперь сболтнул про Тебро... Только этого не хватало!»

Колебания Иотама имели свою причину, хорошо известную Тате Дзидзишвили. И теперь, быстро шагая по шоссе, бригадир клялся себе, что никогда больше не произнесет имени Тебро, что туда, где будет она, он и ногой не ступит. «Черт меня угораздил идти на ферму! Да разве я виноват? Партийное собрание ввело в состав комиссии...»

Кто-то схватил Иотама за рукав. Он оглянулся. Соседский мальчик тянул его за собой:

— Дядя Тате зовет!

Иотам вернулся. Председатель ждал его на уже опустевшем дворе фермы.

— В чем дело? — недовольно спросил его Иотам.

— Пармена нужно прогнать. Нельзя его держать на ферме...

— Таково было мнение всех членов комиссии, — рассмеялся Иотам, а потом добавил серьезно: — От такого заведующего ферме один убыток!

— Вот видишь, и ты так думаешь. Решено, снимаю его с работы!

— «Снимаю!» — передразнил Иотам. — Говорю тебе, эта мысль родилась и у нас, членов комиссии. Но мы воздержались от такого предложения. Причина простая — вряд ли сможем быстро подыскать замену. А ты, — Иотам взглянул на председателя, — кажется, уже нашел подходящего человека. Кто он? Говори уж, не скрывай!

— Ты, Иотам, и больше никто! Это — мнение правления.

Иотам опешил.

— Это что же, бросить поля, посевы? Ни за что!

— Что же ты советуешь?

— Уберу урожай — к вашим услугам. А пока... не выйдет! — Иотам хитрил. «Дотяну до осени, а там видно будет. С животноводческих курсов вернутся ребята, найдется среди них хороший заведующий». А теперь... Не будь на пастбище Тебро, он с радостью согласился бы на предложение председателя, пошел бы и на меньшую должность. Давно он мечтал провести лето в горах. Вот уже десятый год, как он вернулся с войны, и ни разу не удалось ему побывать там, — летом и зимой крутился в поле.

— Урожай — не твоя забота, я и один тут справлюсь. А как будет там, в горах, об этом подумать ты не хочешь? Нет, брат, не говори. Решено! А что касается Тебро... — председатель помолчал несколько секунд и решительно закончил: — Убей меня, не пойму, что ты в ней нашел такого? Словно помешанный... Не юноша зеленый все-таки! Фронтвик...

— Да разве я о себе забочусь! Боюсь, она сама будет чувствовать себя неловко.

— Вот чудак! — повеселел Тате. — А здесь разве вы не в одном селе живете? Удобно! Что же с вами там случится?!

«А ведь правда, какая разница?!» — подумал Иотам и тут же громко добавил:

— Ладно, уговорил. Поеду. Она — сама по себе, я — сам по себе. Будь что будет!

— Наконец-то!.. Так вот, слушай: ездай сейчас же, догони стадо; этого хромого черта, Пармена, немедленно гони обратно! Пока будешь собираться, подготовлю бумагу о назначении... Ну, — Тате протянул руку, — ступай, я на тебя надеюсь!

Иотам постоял на месте, пока председатель не скрылся в конторе. Потом направился домой. Шел он, глубоко задумавшись. Раза три споткнулся о камни. Не хотелось, ох, как не хотелось бригадиру расставаться с полями. Какие посевы, какой урожай! Но словно неведомая сила тянет его туда, в горы, к Буковому шатру. Сердцу не терпится встретиться с той, встреч с которой он старательно избегал здесь. Нет, не сможет Иотам перебороть себя, он сейчас же отправится к Буковому шатру на вершине Иргвина.

* * *

Стадо давно миновало окрестности села. Хромой Пармен верхом на коне беззаботно следовал за пастухами. Двигались медленно. Животным, всю зиму простоявшим на привязи, трудно было идти быстро. Иногда стадо рассыпалось по склонам, покрытым густой сочной травой. Возбужденные свежей зеленью бычки весело носились, налетали друг на друга, жадно припадали к горным ручейкам, с хрустом жевали ароматный подорожник и молочный осот. За стадом вприпрыжку бежали телята. Ни на шаг не отпускали их от себя Тебро и еще несколько девушек. Молодняк шарахался от журчащих водопадов, его пугали и шум леса, и стрелой взлетающие в небо птицы, и крик коршунов. Телята, смешно задрав хвосты, разбегались во все стороны. К полудню стадо прошло меньше половины пути. Начался подъем. Дорога шла по крутым оврагам...

Иотам долго возился дома. Новое назначение было для него совершенной неожиданностью. Одежду он сменил быстро, но сборы затянулись. Куда-то запропастился хурджин, исчезли ножи, хлеб в сундуке оказался с плесенью, на тарелках толстым слоем лежала пыль. Связки чеснока и лука, с прошлого года висевшие на чердаке, проросли зелеными стрелками. Бродил Иотам по комнате, натыкался на разбросанные в беспорядке вещи и на каждом шагу вспоминал покойную жену — маленькую, быструю и трудолюбивую Мариам. Все у нее спорилось в руках, никогда ничего не забывала, стоило пожелать — раздобыла бы и птичье молоко. Да... Нет больше Мариам... После родов простудилась, слегла. Не смогли помочь врачи. Детей забрала в соседнее село теща. Там они и растут.

Мог ли Иотам думать о другой жене? Нет, не решился бы он оскорбить память Мариам. Но случилось неожиданное.

Овдовела Тебро. Та самая Тебро, которую он когда-то считал своей. Грянула война. Иотам, так и не успев признаться девушке в своем чувстве, уехал на фронт. Вернувшись домой, он прежде всего спросил о Тебро. Соседи сказали: Тебро вышла замуж. Словно каленым железом обожгла эта весть сердце Иотама.

Прошло время. Иотам женился. Мариам сумела умерить, а потом и погасить его горе. Он глубоко уважал жену. Но когда Тебро овдовела, тлевший в его груди огонь разгорелся с новой силой. Иотам решил жениться на Тебро. Он надеялся, что она не станет возражать, — память о непутевом муже не должна была долго храниться в сердце женщины. Пьяница, бездельник, он так и погиб — глупо и без славы, упав в пьяном угаре с моста. Тебро тогда уже работала на ферме. Своим трудом она содержала всю семью — детей, свекровь, свекра.

Так рассуждал про себя Иотам. Как-то в воскресный вечер на киносеансе Иотам заметил молодую вдову. Тебро в черном платке на голове, в ожидании начала картины, сидела одна на скамье под старым дубом. Увидев Иотама, она отвернулась в сторону, потом переменила место, а потом и совсем куда-то исчезла. Почувствовал Иотам, что в груди у нее также теплится если не огонь, то, по крайней мере, слабый непогасший огонек. Окрыленный Иотам на той же неделе подослал свою тетку с предложением к Тебро. Тетка выполнила просьбу племянника, но вернулась ни с чем. «Не вижу мужчину, за которого я снова вышла бы замуж», — так велела передать вдова. Иотам не поверил, решил поговорить с Тебро с глазу на глаз. Несколько раз встречался с ней, осведомлялся о здоровье. Направляясь в Тбилиси, каждый раз вежливо спрашивал, не нужно ли ей привезти чего-нибудь из города. Однажды Иотам встретил братьев Тебро, пригласил их домой и устроил такой пир, что о нем долго помнили и гости и хозяин. После этого Иотам сам, без посредников, сделал вдове предложение. Во дворе фермы Иотам скирдовал сено, Тебро помогала ему. Тогда-то он и спросил:

— Ну как, Тебро, не думаешь кончать вдовью жизнь?

Женщина промолчала. Иотам не отступал.

— Тебя спрашиваю: долго еще будешь ходить вдовой?

— Пока жива буду.

— Может, век тебе жить?

— Вот так и буду жить.

— Разве хорошо это?

— Окажи милость, научи, как же лучше? — с насмешкой попросила Тебро.

— Клянусь честью, на руках тебя буду носить...

— Говори прямо: что тебе нужно?

— Что нужно... Выйди за меня... — смешался Иотам.

— Ты что, во сне?.. Нет, Иотам, пустой это разговор.

— Что ты сказала? — простонал Иотам.

— Не забывай — между нами две могилы... Перешагнуть через них: я не в силах...

— Это твое последнее слово?

— Последнее. Выкинь из головы глупую мысль, забудь, иначе... — на глазах Тебро сверкнули слезы. Она прикрыла лицо косынкой.

— А если не забуду?

— Не забудешь — не услышишь от меня ни слова. Понял?

— Почему же, почему?

— Обожглась однажды — хватит с меня! Не выйду больше замуж, решено!

— Причина?

— Причина! — воскликнула Тебро. — Боюсь, не верю я больше... Понял?

— Выйди за меня, уверишься!

— Нет, наслушалась я обещаний, хватит. — Тебро повернулась и, не попрощавшись с Иотамом, быстро удалилась.

Иотам не успокоился. Спустя неделю он повторил Тебро свое предложение. Та рассердилась не на шутку. Иотам больше не настаивал. «Видно, есть у нее избранник сердца, или же на самом деле решила доживать свой век вдовой», — думал он. После этого он старался не только не встречаться с Тебро, но и не думать о ней. Поэтому и перестал бывать на ферме.

Все это хорошо было известно Тате Дзидзишвили. Он от души жалел товарища, но помочь ему был не в силах. Ведь любовь — не ручей, по руслу ее не направишь.

Шли годы. Тебро и Иотам жили не то что врагами, но и не слишком добрыми соседями. Иотам руководил полеводческой бригадой, Тебро работала на ферме. Называлась она дояркой, но на самом деле на плечах энергичной, умной женщины лежали все заботы о большой ферме.

* * *

Воспоминания тяжелым камнем ложились на сердце шедшего в гору Иотама. Нелегкий это был груз. После заката солнца он еле догнал стадо. В сумерках наткнулся прямо на расположившихся на лужайке телят. Те в испуге вскочили и, задрвав хвосты, бросились врассыпную.

— Кто идет?! — раздался окрик.

Иотам по голосу узнал Тебро. Женщины сидели у костра. С горящими головнями и палками в руках они кинулись собирать разбежавшихся телят. Иотам присел за кустом, притаился, не отозвался. Почему он сделал это? Он сам бы не смог ответить. Когда телята успокоились, Иотам встал, на цыпочках обошел стадо стороной, перешел ручей, пересек опушку леса и направился к Буковому шатру. Поднялась луна, осветила тропинку. Идти стало легче.

Буковый шатер был расположен на Либан-Банисском плато, у вершины Иргвина. На небольшой полянке виднелось несколько строений,

за ними, на склоне узкого хребта начинались пастбища. Ширина этого хребта не превышала полкилометра, длину же пока никто еще не мерил. Склоны хребта покрыты буковыми и липовыми лесами. Буковым шатром сащихцы называли участок пастбища в самой удобной части хребта.

Иотам знал эти места с детства. Отец его, Бичиа, служил здесь до революции, охраняя владения Церетели, Абашидзе, Амираджиби, Дидебулидзе. Каждой весной Бичиа подсаживал маленького Иотама к себе на коня и скакал в горы. Здесь, в шатре под буком, они оставались до первого снега.

Плетеный, крытый буковой корой шатер Бичиа Гогатидзе стоял под раскидистым буком. Помнит Иотам, как вместе с отцом расчищали они колючий кустарник. Потом разбрасывали семена клевера. Земля вокруг покрывалась зеленью, украшалась цветами.

Все это было давно...

* * *

Иотам шел по залитой лунным светом тропинке. Там, у подножия Иргвина, его ждала знакомая с детства картина. К полуночи достиг он шатра под буком. Разостлал бурку, у изголовья положил хурджин. Прилег. Но сон не шел. На гребне хребта, словно паруса, белели длинные пряди надвигавшегося с Черного моря тумана. Облака под полной луной светились семицветным сиянием. Над хребтом стояла похожая на сказочный свод ночная радуга. Такое зрелище Иотам видел только здесь, на вершине Иргвина. Не одну ночь провел он без сна, очарованный дивной красотой ночной природы. Но еще большее восхищение вызвал в нем старый бук. Дерево-исполин с могучими ветвями стояло на самом краю поляны. В его тени свободно могла уместиться упряжка буйволов. Верхушка, словно играя со звездами, терялась в небе!

На рассвете землю опрыскало росой. Бригадир встал, прошелся по поляне. С травы, с листьев падали жемчужные капельки. Скоро золотое копьё первого солнечного луча вонзилось в Иргвин. Запели дрозды.

Иотам стоял в оцепенении. Он наслаждался, упивался прелестью чудесного утра. Здесь, на этой бархатной поляне, у этих лесов, под самыми облаками предстояло ему провести все лето и сентябрь. Исполненный сладких грез, он подошел к бине и застыл, словно перед пропастью. Что это? Не обманывают ли его глаза? С прошлого лета, видно, здесь никто не бывал, никто не подготовился к приему скота. Двери крест-накрест заколочены досками. Ветер местами сорвал с крыши дранку. Протекавший за зданием родник засорился. Желобок валяется на земле, а длинную колоду для воды занесло илом и грязью. Неделю тому назад на общем собрании хромой Пармен клялся и божился:

— Что вы, о чем речь! На пастбище все готово! Собственными руками, собственным трудом устроил все! Помещения только и ждут, когда погоним скот.

— Вот тебе и «все готово»! Лгун, бездельник! — проговорил в сердцах Иотам. — Права Тебро! Глядя на таких, усомнишься в честности мужчин... Но ничего, дорогая! Семья — не без уroda. Зато, когда поднимешься к Буковому шатру, увидишь, как тебя встретит Иотам!..

Сердце у Иотама учащенно забилося: зарекся ведь не произносить ее имени — так нет! «Тебро! Тебро!» — твердит, как одержимый. Тоже мне, мужчина! И, словно желая дать выход своему гневу, Иотам выхватил из-за пояса топор и со всего размаху всадил его в ствол молодой

стройной липы. Свалив дерево, Иотам содрал с него кору и принялся делать желоб. Потом лопатой вычистил колоду, промыл ее. После этого он открыл заколоченную дверь, проветрил помещение и снова вернулся к колоде. И тогда показались первые быки. С веселым мычанием бросились они к роднику. Разгоряченные подъемом, жадно припали к колоде, с наслаждением тянули вкусную родниковую воду. Утолив жажду, они задрали морды и, вдохнув горный воздух, разбрелись по зеленой поляне.

Поглощенный работой, Иотам и не заметил, как к нему подошла Тебро. От жары и ходьбы по горным тропам женщина часто дышала, ноздри у нее раздулись так, словно она хотела втянуть в себя весь воздух гор.

— Иотам? Ты как здесь очутился?

Иотам быстро взглянул на нее. Нет, слух не обманул его...

— Вчера ночью пришел, — ответил он, не поднимая головы.

— Так это ты вчера ночью испугнул телят?

Иотам молча кивнул головой.

— А я всю ночь ломала голову, — продолжала Тебро, — не могла понять — в чем дело, кто мог пройти мимо нас... А что здесь творится! — повысила женщина голос. — Через крышу телятника можно звезды в небе сосчитать, в бине нары разбиты, тонэ засыпано землей. На что это похоже? Ведь уверяли нас, что здесь все готово? Поделом нам, почему поверили чужим словам!

— Чтоб ему провалиться, лгуну! — проговорил Иотам.

— Бездельник, черт хромой! — горячилась Тебро. — «Готово, все готово!» Ах, чтоб тебя!..

— Так, так... Это меня, что ли, так величаете? — раздался неожиданно голос Пармена. — Это я, значит, бездельник? — Он помолчал немного и вдруг взорвался: — А ты чего лезешь не в свое дело, Иотам? Не хватило тебе общего собрания, так ты и здесь собираешься воду мутить?

— Ты еще не такое услышишь! Где твои обещания?

— Молчать!.. Фермой заведую я, а не ты! Уходи отсюда сейчас же, убирайся!

— Как ты сказал? Убираться?! — одним прыжком Иотам очутился около Пармена. Глаза его горели, лицо пылало. Он весь дрожал, с трудом сдерживая себя.

Пармен струсил не на шутку. Заикаясь и смешно разводя руками, он бормотал:

— Ну-ка, тронь, ну-ка, ударь... Посмей только... Прокурор быстро тебя разыщет! Возвращайся в Сацixe, для тебя лучше будет!

— Ух ты, бездельник! Возвращайся в Сацixe сам! — и Иотам сунул Пармену под нос приказ председателя.

— А-а, вот оно как!.. Ну что ж, это другое дело. Возражать не приходится...

Пармен сел на коня и медленно направился вниз по спуску. Он несколько раз оглядывался, бросая на Иотама злобные взгляды. Тебро сперва не могла удержаться от смеха, глядя на него, но вдруг осеклась. Чутьем женщины она почувствовала, что злопамятный Пармен еще вернется сюда.

* * *

В горах установилась хорошая погода. Днем солнце согревало землю, воздух, лес. Ночью на небе сияли звезды. Но Тебро не могла наслаж-

даться прекрасными дарами природы. Мысли о хромом Пармене не давали ей покоя.

А Иотам как будто и вовсе забыл о случившемся. Даже не признал имени Пармена. Стремясь наверстать упущенное, он работал, не покладая рук. В первый же день собрал пастухов, все вместе укрепили строения, починили кровли, побелили помещение молочного пункта. Скоро пастбище Букового шатра преобразилось, заботливые человеческие руки оживили его. Весь день здесь не умолкали песни, голоса людей, мычание скота. Ночью пылали огромные костры.

Беспокойство Тебро росло с каждым днем. После окончания работы она внимательно вглядывалась в даль, осматривала пастбище. Женщина ждала хромого Пармена и старалась предугадать, откуда он появится.

Иотам ночевал под буком. Здесь, где когда-то стоял отцовский шатер, расстилал он войлок, ложился, укрывался буркой и засыпал. Утром вставал чуть свет. Пастухи, доярки не одобряли уединения Иотама, не понимали, почему он не хочет ночевать вместе с ними под одной кровлей. Одна Тебро не упрекала Иотама. Она понимала его. Беспокойло женщину лишь смутное, не проходившее предчувствие беды.

Иотам устроил себе укрытие от дождя, сплел из веток нечто вроде шалаша и перекрыл его буковой корой. Во время дождя он даже разводил здесь костер, в ясную же погоду выносил бурку в поле, ложился лицом к небу и, затаив дыхание, долго всматривался в сияющие звезды.

Тебро несколько раз приходила к буку, собиралась поговорить с Иотамом, предупредить, предостеречь его, но не смогла. Так, в нерешительности и сомнениях, Тебро и не заметила, как прошло лето. На далеких вершинах Кавкасиони выпал снег. По утрам овраги наполнялись серым туманом. А дела на пастбище шли неплохо. Скот заметно поправился, бока у животных округлились.

Как-то колхозницы из села рассказали пастухам о хромом Пармене: на работу не выходит, все на базар бегают — торгует фруктами. В свободное время охотится на перепелов...

Близилась пора возвращения в село. В горах похолодало. Трава высохла. В середине августа ночью над Буковым шатром прошел грозой дождь. К утру все поле пестрело белыми грибами. Тебро взяла корзину, пошла собирать грибы. День выдался ясный, теплый, какой обычно бывает после грозы в горах.

Она ушла от бины довольно далеко. Наполнила корзину и уже собиралась возвращаться, как за пастбищами, в глухой, покрытой лесом и колючим кустарником балке заметила струйку дыма. Тебро опустила корзину на землю, пошла на огонь. Вскоре она достигла старого, изъеденного граба. В дупле граба тлел огонь. В кустах лежали наполненные пантой¹ мешки. Здесь же валялись кучи сухой соломы, листья. По прямой траве было видно, что под грабом кто-то ночевал. Тебро недоумевала: кто этот таинственный сосед пастухов, избегавший их гостеприимства? Она укрылась в кустарнике, прилегла и стала ждать. В голове роились мысли, догадки.

Вспомнила она непонятное исчезновение овчарки, самой умной собаки, любимицы пастухов, которая, не дожидаясь окрика хозяев, сама сгоняла вечерами разбредшихся животных. Однажды пропали быки. Их искали целый день, но не нашли. К вечеру быки вернулись голодные, с провалившимися боками. А недавно, неизвестно где и ка-

¹ П а н т а — дикая груша.

ким образом, сломала рог красивая корова красностепной породы. Не было ли все это проделками неизвестного соседа?

Ждать пришлось долго.

Близился вечер. Вдруг послышался шорох кустов, и показался мужчина. Тебро сразу же узнала его. Хромой Пармен с полным мешком за спиной шел, осторожно оглядываясь. Он медленно подошел к грабу, опустил ношу и подбросил в огонь хворост.

Тебро ползком выбралась из кустарника, передохнула и пустилась бегом. Она решила сообщить обо всем пастухам, вернуться вместе с ними и выяснить, от кого или от чего скрывался здесь Пармен. Было уже поздно, когда Тебро достигла шалаша Иотама. Уставший за день Иотам, завернувшись в бурку, спал мертвым сном. Тебро остановилась. Чувство жалости теплой волной разлилось по всему телу. И тут почему-то вспомнила она о детях Пармена... Нет, не станет она поднимать тревогу. Сама, одна вернется к грабу и поговорит с хромым. Она еще раз взглянула на безмятежно спавшего Иотама и побежала обратно. Дорогу она уже знала хорошо, но в наступившей кромешной тьме идти было все же трудно. Колючий кустарник рвал одежду, колючки вонзались в ноги. Но Тебро шла, не обращая внимания на боль. Вот и балка. Вот старый граб. На охапке соломы у огня лежит Пармен. Услышав шаги, он вскочил и схватил пылавшую головню, но было поздно. Сильная рука схватила его за запястье, заставила выбросить головню.

— Кто ты, что хочешь от меня? — завопил перепуганный Пармен.

— Я! — спокойно ответила Тебро.

— Тебро!.. — Пармен: весь обмяк и, словно подкошенный, опустился на солому.

— Ты что тут делаешь? — спросила женщина.

— Панту собираю... В городе хорошо ценится...

— А зачем тебе понадобилось скрываться? Что, мы не дали бы тебе переночевать?

— Не посмел я...

— То-то! А что ты сделал с овчаркой?

— Увел... Набрела на меня в балке... Я и испугался.

— А зачем ты скотину угнал?

— Так просто. Хотел вас огорчить.

— А если б ее медведь растерзал?

Пармен промолчал.

— Красностепную корову тоже ты изуродовал? Куда рог девал?

— Здесь он, — произнес Пармен дрожащим голосом, нагнувшись, пошарил в кустах, достал рог и протянул его Тебро. Женщина взяла рог и, махая им, как палкой, сказала:

— Я не выдам тебя, Пармен, но с одним условием: чтоб ноги твоей не было больше на Буковом шатре... Ну а все же—чего ты хотел добиться?

— Прогнали меня, я думал и другому навредить; пусть и им не будут довольны... Пусть думают соседи, что прошлогодние неудачи — не только моя вина...

— Господи, что я слышу! Да как ты мог...

— Тебро, — взмолился Пармен, — что было — было... Я тебя хорошо знаю, умеешь слово держать. Не срами меня...

— Нужен ты мне!.. Ладно, пожалею, но не тебя, а детей твоих и жену несчастную. Их и благодари.

— Весь век буду помнить твою милость, — пробормотал Пармен, понурив голову.

— А чем перед тобой виноват Иотам? — снова спросила Тебро. Разве мало кого снимают и назначают?

— Забыла ты, как он издевался надо мной на собрании? А здесь, в твоём присутствии, помнишь, как он на меня напустился?!

— Как это — в моем присутствии? Я-то при чем?

— Лучше уж избил бы где-нибудь на дороге, чем срамил при тебе!

— Ладно, ладно... Дальше?

— Что — дальше? Об остальном ты и сама догадалась... Значит, обещаешь молчать?

— Сказала раз — и хватит.

— Коли так, иди со мной, проведи через пастбище.

— Идем!

Тебро шла впереди. За ней, ковыляя, плелся Пармен. Изредка он вглядывался в стройную фигуру женщины и невольно вспоминал жену — худую, согбенную. А ведь было время, жена Пармена ни в чем не уступала Тебро...

К полуночи добрались до бины. Иотам по-прежнему спал, завернувшись в бурку.

— Вот он, — обернулась Тебро к Пармену. — Гляди, и не забывай: его враг — мой враг!

— Иотам?.. А тебе-то он кто?

Тебро растерялась. Действительно, кто ей Иотам Гогатидзе? Она тяжело вздохнула, взглянула на небо. Потом взяла Пармена за руку, подвела к дороге и глухим решительным голосом произнесла:

— Иотам мой брат и друг, опора в горе, товарищ в радости. Понял? А теперь ступай! Придешь в село, целуй родную землю, проси прощения за грехи. И помни, однажды простила, другой раз не пощажу. Не пощажу!

— Рог верни! — попросил Пармен.

— Еще что прикажешь? — насмешливо улыбнулась Тебро. — Рог останется у меня. Это — документ.

Пармен зашагал, не оглядываясь.

...Когда Тебро вернулась к шалашу, Иотам уже был на ногах.

— Съедят тебя здесь медведи, а ты и не услышишь, — проговорила Тебро.

— Небось, пожалела «доброе утра»! Эх, ты! — улыбнулся Иотам. — Медведь мне не страшен, как бы тебя он не схватил. Ты куда ночью ходила? Девчата рассказывают — в балку. Что тебе там понадобилось?

— На медведя ходила.

— А где же шкура?

— Отстань... Может, я не меньше тебя люблю мечтать, думать под звездами...

— О чем же ты думаешь?

— Скоро в горах травы не станет. Погонят стадо в село, на ферму. Вот хотя бы об этом.

— Ну и что?

— Ничего. А вдруг будущей весной комиссия опять скажет: «Опозорились на весь свет...»

— Ну нет, не бывать этому!

— Не к лицу тебе хвастаться здесь, на Буковом шатре. Иди в Сацихе, подготовь ферму к зиме. Здесь управлюсь я сама!

— Что ж, пусть будет по-твоему... Все дарю тебе — Иргвину, Буковый шатер и вот это восходящее солнце! — Иотам широким жестом окинул все кругом, потом схватил бурку, накинул на плечи. С грустью взглянул на небо, на угасавшие звезды.

— Эх, тебе легко говорить... Для чего мне твой подарок без... без тебя! — тихо проговорила Тебро и почувствовала щемящую боль в сердце. Иотам раскидывал головни, тушил костер.

— Значит, уходишь? — спросила Тебро, и голос ее дрогнул.

— Ухожу.

— Вот так, сейчас же? И ни о чем не жалеешь?

— Не говори так, Тебро!

— Хоть попрощался бы со мной! — Тебро шагнула к Иотаму, отпустила ветку, за которую держалась до сих пор, споткнулась о корень бука и чуть не упала, но Иотам быстро схватил ее и крепко прижал к груди...

...Из-за горы всходило солнце.

Над Буковым шатром вставало утро...



Ирина Снегова

ИЗ ЦИКЛА СТИХОВ „СВЕТ АРАГВИ“

* * *

Он зовет, этот свет голубой,
Не дает оглянуться ни разу —
И летят над моей головой
Беспокойные ночи Кавказа!

* * *

Кто много видел, ездил много,
Кто не коптел в своем углу,
Чья жизнь, чья страсть всегда — дорога
Сквозь день, сквозь ночь, сквозь
свет, сквозь мглу,

Кто, как от крепкого напитка,
Хмелел от красоты земной,
Кому сиденье дома — пытка,
Тот спутник мой, товарищ мой.

Я твердо верю: он богаче,
Чем проскучавший век в дому...
Но вы, живущие иначе,
Вы не завидуйте ему.

Наступит день, и переступит
В последний раз он свой порог,
И в смертный час его обступит
Даль всех им пройденных дорог —

Немыслимый простор России,
Ее могучих сил разбег,
И свет Арагви светло-синий,
И Арарата дымный снег...

Всю землю, в стуже цепenea,
Он узрит вдруг живых ясней,
И будет, может быть, труднее
Ему, чем вам, расстаться с ней.

Закатный туман над Мухрани,
Рожденье звезды в Сагурамо,
Арагви ночной бормотанье
У ног седовласого храма,
И сонная лунная Мцхета,
И небо — вместилище света...
Я все это в памяти зрячей
Надежно и прочно упрячу,
Чтоб греть этой радостью после
Московскую хмурую осень,
Чтоб в старости, если случится,
Грустить, в ее сумрак уставясь,
Далеким весельем упиться
Заносчивой внучке на зависть.

* * *

Жара в Кварели и в Хашури,
А здесь под ветром стонут ели,
А здесь ревет, как море в бурю,
Сквозняк Боржомского ущелья,
Здесь тучи тянут с гор прохладу,
Чтоб преградить дорогу зною...
Как утешенье, как награда,
Сквозняк бушует надо мною.
Здесь горьких слов твоих не слышу.
Меня кружит ветров веселье,
Мне в уши дует, в уши дышит
Сквозняк Боржомского ущелья!



С. Иорамашвили

Директор заповедника

РАССКАЗ

Перевод с грузинского Т. Бебуришвили

В один из погожих летних дней мы отправились на охоту за перепелами. Но, правду сказать, нашему воображению представлялись не одни перепела—в тайниках души каждый мечтал настрелять пару, другую фазанов. Но это нам никак не удавалось.

Наш новый друг Ваню, директор фазаньего заповедника, у которого мы обычно гостили, бывая на охоте, всегда любезно встречал нас и отличался радушием хлебосольного хозяина. Тотчас по приезде приглашал к столу, угощал, занимал разговорами, но вовсе не спешил с самым главным—пойти на охоту. Когда же, наконец, наступал долгожданный момент, и мы шли в лес, то он водил нас по таким местам, где мудрено было обнаружить даже перья фазана. Домой мы неизменно возвращались с пустыми руками.

Вначале мы не могли понять поступков Ваню и объясняли их тем, что фазаны на самом деле перевелись в заповеднике. И однажды сказали ему об этом.

— Дорогой Ваню, — обратился к нему один из друзей, — чего ради ты забрался в эту трущобу и заживо хоронишь себя? Ведь фазанов-то нет — видно, ты извел их всех до единого. Зря тебе деньги платят. Брось ты все это и берись за настоящее дело. Разве не зазорно изображать из себя «директора» заповедника?

Ваню все выслушал, хитро прищуривая глаза, и в ответ лишь засмеялся. И смех этот еще более усилил и без того одолевавшие нас сомнения: было ясно, что хозяин дома ведет себя так неспроста — он что-то скрывает от нас.

Некоторое время мы не бывали в заповеднике, а когда приехали опять, Ваню, как обычно, стал приглашать нас к столу, предлагать угощение, но на этот раз мы наотрез отказались.

— Ты, бесспорно, брат, — умный мужик! Но хватит нас за нос водить, — слегка нахмурясь, заметил хозяину Леван. — Отведи-ка лучше нас в заповедник, да поскорей.

— Ради вас, друзья мои, я на все готов, — смеясь, ответил Ваню, — так и быть, покажу вам своих фазанов, но с одним условием—ни одного выстрела по ним!

Он, видимо, понял, что мы догадываемся о чем-то, но не спешил подтвердить нашу догадку и медлил с выполнением своего обещания.

— Вот что скажу я вам, дорогие друзья, — продолжал Ван, — вы можете прийти к мне хоть каждое воскресенье — всегда вам рад, но фазанов не трогайте. Понятно? Если в заповеднике хоть одним фазаном станет меньше, я покой потеряю.

— Ну да, конечно. Извел в заповеднике всех фазанов вместо того, чтобы по-настоящему взяться за хозяйство и выращивать эту прекрасную дичь. И стыдно и грешно перед людьми, — не унимался Леван, стараясь как можно больше задеть самолюбие директора, чтобы хоть этим добиться желанной цели.

Друзья принялись горячо спорить, а время все шло. Солнце поднялось высоко и стало припекать.

Наконец, Ван все же решился показать нам свой заповедник. Но перед тем сказал:

— Не псверите, но с тех пор, как я стал директором фазаньего заповедника, рука у меня не поднимается на этих чудесных пернатых. Вы напрасно думаете, что я сгубил эту прекрасную дичь. Вот вечером, когда мои фазаны выйдут из лесу на кормежку, вы увидите, что это за чудесное зрелище, и сами убедитесь в том, действительно ли я директор заповедника или только стараюсь казаться им.

Но, как говорит пословица: «Уговор дороже денег» — ружья свои вы оставите в шалаше. Я то ведь знаю, как опасно вести вас к фазанам — охотничьи страсти разгорятся, и никакая сила не удержит вас.

Так вот. Подождем вечера. А пока что, если хотите, перекусим вон под тем развесистым дубом или переправимся через канал на скошенные поля, где водится много перепелов, — и мы на них отлично поохотимся.

Нам пришлось согласиться с этим предложением.

Вскоре мы очутились по ту сторону канала. Вдоль него тянулись орошаемые участки свекловичных полей, обрамленные дикими травами и кустарниками, которые густо были населены перепелами.

Но охота на перепелов не влекла нас. Нам не терпелось поскорее увидеть фазанов. Особенно нервничал Леван.

— Да ну его к дьяволу, этого Ван, с его радушием и хлебосольством, — ворчал Леван. — Не за этим я сюда приехал. Пусть он зубы нам не заговаривает. Так я ему и поверил, что он сам на фазанов не охотится! Наверное, как спровадит нас, тут же принимается за дело и столько набьет этой дичи, сколько душе угодно. Ну, а в воскресенье, когда мы приедем, опять невинной овцой прикинется и начнет свое: мол, в фазанов моих нельзя стрелять, я этого не переживу. Нашел наивных.

Мы пытались вразумить Левана, сказали ему, что, ругая нашего друга, он хватил через край, но Леван упрямо продолжал стоять на своем.

— Таких легковерных, как вы, очень просто убедить. Но меня не проведешь — у меня зубы крепкие, быстро раскусят орешек.

Разволнованный Леван не мог охотиться — редко попадал в цель. Из ягдташа его виднелась всего лишь пара перепелок, причем и из этой пары одну он потом выронил, продираясь через кустарники.

— Я больше не езду сюда! А ну его к дьяволу! — чертыхался Леван. — Колдун он, что ли, ваш Ван? Будто все вокруг заморозил, даже охота на перепелов, — и та неудачна, — Леван при этом так выразительно указал на торчащую из ягдташа одну единственную перепелку, что мы дружно рассмеялись.

Солнце клонилось к закату, когда Ваню поднял нас всех и предложил идти в заповедник. Но ружья попросил оставить в охотничьем шалаше.

Мы шли по полю по направлению к дубу, одиноко стоявшему ^{здали} вдали. Миновав колючие проволочные ограждения заповедника, Ваню стал осторожно красться к одинокому кривому дубу. В полном безмолвии мы осторожно ступали по следам Ваню и пристально смотрели в ту сторону, куда был устремлен взгляд нашего друга.

Едва он успел подойти к дереву, как вдруг замер на месте, словно охотничья собака на стойке. Не оборачиваясь, левой рукой он сделал нам знак, куда смотреть. Мы живо обернулись, и на полянке в указанном направлении нашим глазам открылось замечательное зрелище. Был ли этот довольно крупный участок засеян ячменем или пшеницей, не знаю — судить не берусь. Но он сплошь покрылся фазанами. Мне доводилось немало видеть этой дичи. Но в таком количестве я не встречал ее ни разу.

Плавно вышагивали самки землистого цвета, а следом за ними скользили фазаны с гордо вскинутыми кверху красивыми шейками.

Приоткрыв рот, Леван жадно пожирал глазами это удивительное зрелище. А Ваню смотрел на своих пернатых с любовью и гордостью, с чувством собственного достоинства, достоинства человека, оправдавшего оказанное ему доверие — вырастившего такую массу превосходной дичи.

— Теперь ясно, почему я не разрешил вам брать с собой ружья? — обратился он к нам. — Ведь вот, если бы этот молодой человек имел сейчас ружье, — указывая на Левана, продолжал Ваню, — как вы думаете, пощадил бы он моих фазанов?

Услышав про ружье, Леван обрадовался и со словами: «Я вмиг слетаю», вскочил и стремительно бросился к шалашу.

В этот миг Ваню вдруг захохотал. Его раскатистый хохот прозвучал по полю, как сигнал бедствия. Услышав его, огромная, движущаяся масса дичи разом всколыхнулась и с клекотом взмыла в небо. Фазаны скрылись в чаще кустарников.

— Видите, чем я был занят? — услышали мы голос Ваню. — Наконец, убедились, что дела у меня обстоят не так плохо, как это могло показаться вам вначале?

Мы были сконфужены и восхищены в одно и то же время, восхищены работой, проделанной нашим другом, которого теперь нам уже не в чем было упрекнуть.

Правда, и на этот раз он не разрешил нам поохотиться на фазанов. Вечером, по возвращении из заповедника, Ваню накормил нас ужином с щедростью хлебосольного хозяина, угостил прекрасным «ркацителли» из своего винограда, выращенного на площади заповедника. Перед отъездом он положил в наши машины крупные спелые арбузы и с теплым напутствием проводил в Тбилиси.

С тех пор мы ни разу не наведывались в заповедник. Но однажды Ваню сам приехал в Тбилиси и навестил нас.

— Что же вы забыли дорогу ко мне, молодые люди? Не обидел ли я вас чем-нибудь? — спросил он озабоченно и тут же стал жаловаться на лисиц, шакалов и диких кошек, появившихся в заповеднике и уничтожающих его питомцев.

— Приезжайте поохотиться на хищников, — попросил нас Ваню.

— Хорош, нечего сказать, — сейчас же отозвался Леван, — в свое

время отпугнул нас — дескать, руки прочь от моих фазанов! Не смейте на них охотиться! А теперь предлагает гоняться за дикими кошками, лисицами и шакалами. Как бы не так! Не мне печалиться о том, что твоих фазанов сожрут шакалы, лисицы или дикие кошки. Горе ревать и тогда не стану, если в придачу к ним какой-нибудь зверь съест и тебя! — бушевал Леван.

Не проявили особого желания выполнить просьбу директора заповедника и Шалва с Борисом.

Мне же, напротив, предложение Ваню пришлось по сердцу. Не долго думая, я отпросился в отпуск на две недели и через три дня стал обитателем фазаньего заповедника, поселившись в охотничьем шалаше.

Ваню был очень обеспокоен.

— Допустим, — говорил он, волнуясь, — что в нашем заповеднике кормятся лисиц десять — не больше. Но представь себе: если за день хотя бы одна из них заполучит фазана, то в этом случае триста шестьдесят пять фазанов сойдут со счета за год, а если будет орудовать десяток лисиц, следовательно, исчезнет более трех тысяч фазанов — вот ведь какой урон заповеднику! Стало быть, нужны самые экстренные меры, иначе достаточно и года, чтобы в нашем заповеднике на самом деле перевелись бы все фазаны.

Это в том случае, если принимать во внимание только лисиц. А дикие кошки? А шакалы, не менее коварные, чем лисицы? В каком бедственном положении мой заповедник!

Но я не намерен сидеть сложа руки. Проклятым хищникам будет уготована такая участь, что ни один из них в живых не останется, — угрожающе заключил Ваню. Затем ознакомил меня с планом своих действий.

— Ты знаешь, как хищники любят падаль. Стоит им учуять ее, как шакалы начинают зубами щелкать и до тех пор не успокоятся, пока не полакомятся вволю. Посмотри, чем я запасся.. — и Ваню показал мне крючки и веревки.

— Зачем тебе крючки? — спросил я. — Что ты, ужением рыбы намерен заняться, что ли?

— Так не понял, в чем дело? — в свою очередь, спросил Ваню. — На этих крючках я намерен подвесить дохлятину на дереве, крепко привязав веревкой на такой высоте, чтобы шакал мог дотянуться до нее. Зверь поймается на приманку — и готово дело. Ты только представь себе: подвесим мы вот так дохлятину, а утром обойдем участки. И что же? Лисицы, шакалы, дикие кошки качаются под деревом. Неплохо придумано?

Выдумка Ваню мне понравилась, ибо мне была известна алчность хищников. Прочность же крючков и веревок сомнений не вызывала.

Но мы просчитались, не учли того важного обстоятельства, что звери одарены редким инстинктом самосохранения. Несколько дней на деревьях висели крючки с падалью, и ни один хищник не попался на приманку, избегая ее, словно нацеленного ружья.

Не дала желаемого результата и приманка — петухи в специально плетенных корзинах (так называемые корзины с «волчьей дверью»). При помощи этой приманки нам удалось заполучить лишь одного, да и то препаршивого шакала. А остальных петухов (всего их было десять) утащил какой-то хищник.

Но несмотря на неудачу, Ваню не отрекался от своего намерения и опять увлеченно рассказывал мне о том, как шакалы соблазняются приманкой, будут пойманы и уничтожены.

Я больше не верил ему. Взял ружье и в сопровождении собак отправился охотиться на хищников. Хотелось на них сорвать свою злость за все неудачи.

041135740
31343110333

Как-то днем с удочкой в руке сидел я на берегу речки. Ко мне подошел весьма удрученный Ваню и, кинув в мою сторону крылышко фазана, сокрушенно сказал:

— Помнишь кривой дуб, у которого кормятся мои фазаны? Я сейчас побывал там и нашел вот это крылышко. Видно, лисе или шакалу удалось сцапать фазана. Сожрали его, проклятые, а нам на память крылышко оставили.

Мы были огорчены. И снова стали думать о том, как обеспечить сохранность фазаньего заповедника, ибо если хищнику удалось однажды схватить дичь во время кормежки, он будет и впредь уничтожать ее таким же образом.

С наступлением рассвета мы отправились к кривому дубу — последить за фазанами во время кормежки и постараться обнаружить хищника, охотящегося за ними.

Медленно, как это всегда бывает, ползло время ожидания. Потом между нами понемногу завязался разговор, и нашлось так много общих тем, что за интересной беседой мы не заметили, как настало утро. Часов в восемь фазаны стали выходить, и, когда на поле собралась вся стая, мы уже ни о чем не могли говорить — с восхищением глядели на красивых птиц.

Как и в прошлый раз, все поле, сплошь покрытое фазанами, колыhalось от их движений. Временами их невозможно было отличить в жнивье. Иногда они переходили с места на место, и мы улавливали лишь их плавные переходы.

Это продолжалось довольно долго. Ваню уже стал раздумывать, действительно ли фазан, крыло которого он нашел, — жертва хищника, и высказал подозрение по адресу сторожей заповедника, припомнил некоего браконьера.

Вдруг зрачки его глаз расширились, он умолк и пристально стал смотреть в одну точку. Я тоже перевел взгляд и увидел, как, крадучись, подбирался к фазанам молодой лисенок. Он залег в углублении на земле и замер. Мы инстинктивно направили на него дула ружей и прицелились. Но тут Ваню спохватился:

— погоди! Не стреляй! Давай посмотрим, как он умудряется хватать наших фазанов. Лучше прикончим его на месте «преступления».

В этот момент к полю приближалась запоздавшая самка. Ей предстояло пройти мимо коварного хищника и очутиться прямо в его пасти. Но не тут-то было. Самка почуяла укрывшегося врага, мигом свернула вправо и... лисенок остался ни с чем. Зверь еще более притаился и продолжал лежать совершенно неподвижно.

Встревоженная самка примкнула к своим. Птицы было всполошились и приготовились взлететь, но, не видя никакой опасности, успокоились.

Мы молча взглянули друг на друга и улыбнулись. Молчание прервал Ваню:

— Видел? — вполголоса заговорил он. — Вот как охотятся хищники на фазанов.

Между тем солнце стало припекать, становилось жарко. Фазаны подкормились и направились к лесу. Они осторожно обходили хищника,

который продолжал лежать, не шевелясь, и с поразительным терпением выжидал свою жертву. Почему-то одному крупному фазану вздумалось вернуться в лес именно тем путем, где скрывался хищник. Птица часто останавливалась, склевывая что-то, то и дело красиво вскидывала голову и подпрыгивала на ходу. Недалеко от засады зверя фазан еще спокойно шествовал, быстро и плавно двигаясь вперед, и чуть было не нарвался на лисенка. Потом, видимо, почуяв врага, мигом встрепенулся, взмахнул крыльями и поднялся в воздух.

Тут-то и выдал себя хищник. Рывком взметнувшись ввысь, он попытался схватить фазана на лету. Но.. грянули наши два выстрела, и лисенок, только что изогнувшийся для прыжка, мгновенно скатился вниз, свернувшись клубком.

— Получил свое? — восхищенно воскликнул Ваню. — Впредь не пытайся точить зубы на моих фазанов!

Несколько «отчаянных» пернатых смельчаков, отставших от стаи, поспешно скрылись в лесу.

— Если бы мы не уложили этого хитреца (а как он хитер, ты сам только что видел), он вот так — лежа на боку, уничтожал бы этих глупых птиц, — заметил Ваню и с любовью посмотрел на фазана, взлетевшего в небо последним.

Как-то вечером, примерно, около семи часов, к охотничьему шалашу подкатил автомобиль. Из него вышли двое: один оказался представителем главка, другой — мастером по стендовой стрельбе; последний привез с собой пойнтера с желтыми, как ржавое железо, разводами по шерсти.

Ваню вышел им навстречу и любезно поздоровался. Но когда стало известно, что приехавшие явились с определенной целью — поохотиться на фазанов и штук пять, по меньшей мере, отвезти в Тбилиси в подарок какому-то почетному гостю, мой друг приуныл. Правда, для посторонних это не было заметно.

Ваню поручил мне приготовить на обед чахохбили¹ и охладить в источнике шестилитровый кувшин с вином, а сам повел гостей на охоту, к знакомому нам дубу.

Я спешил с обедом, ибо знал, что таким опытным охотникам, как эти, не нужно много времени, чтобы настрелять пяток фазанов.

Занимаясь стряпней, я чутко прислушивался к звуку выстрелов, чтобы по ним определить конец охоты и быть готовым к встрече гостей. Но... охоты, видимо, не было, так как стояла ничем не нарушаемая тишина. И гости не возвращались. За время их отсутствия я успел не только приготовить обед, но и смастерить столик в охотничьем шалаше.

Гости появились лишь к вечеру, когда спускались сумерки. Они шли нахмурившись, а главное, — с пустыми руками. На лице приехавшего из главка нетрудно было заметить нескрываемую досаду. Он даже не выслушал просьбу Ваню пообедать, вернее, поужинать с нами и направился прямо к машине.

Мой друг попал в затруднительное положение и не знал, что делать. Он стал просить приехавшего из главка оставить у нас своего спутника, обещал утром настрелять фазанов и отправить гостя с дичью в Тбилиси на грузовой машине. Но тот был неумолим и только, когда сел в машину, произнес сдержанно:

¹ Ч а х о х б и л и — национальное грузинское кушанье из курицы с луком и помидорами.

— Уйму денег ухлопали мы на этот заповедник. И что же? На счету — ни одного фазана!

Не прощаясь, он со злостью хлопнул дверцей автомобиля и вскоре исчез из виду.

Вано вытер со лба густую испарину и молча взглянул на меня. Мне показалось, что на лице моего друга мелькнула улыбка.

Я решил поторопиться с обедом и побежал за охлажденным вином. Вернувшись, взглянул на друга и снова увидел ту же улыбку на его лице.

Мы вошли в шалаш. Безнадежно махнув рукой, Вано сказал:

— Неприятностей мне не миновать.

Получилась, действительно, большая неприятность. Даже про обед мы чуть не забыли. А обед вышел на славу. Куриное чахохбили да еще с вином, приятно и после свадебного пиршества.

— Налей вина! — попросил Вано, садясь за стол.

Через три дня Вано вызвали в Тбилиси и сняли с работы. Он вернулся в заповедник для оформления приемо-сдаточного акта в сопровождении представителя главка, вновь назначенного директора и бухгалтера.

Чувствовались натянутость отношений между приехавшими и подчеркнута официальный тон — как это и бывает в таких случаях. Правда, представитель главка старался придать разговору более естественный тон и первый обратился к Вано:

— Ну подумай сам: мы так много денег отпускаем заповеднику, чтобы эта редкая дичь не перевелась; держим десятки штатных единиц, платим им деньги. А в итоге — одного фазана не сыскать, — говоривший взглянул на Вано.

Тот нерешительно проронил:

— Поздновато мы в тот раз вышли на охоту — фазаны уже были в лесу.

— Что это ты заладил об одном и том же! Я уже слышал об этом! — возмутился представитель главка. — Допустим, что тогда мы поздновато вышли на охоту, но сейчас-то ведь рано еще? Так поведи нас и покажи своих фазанов. Если их хоть несколько окажется, я изорву в клочья акт, заберу вновь назначенного директора и вернусь в Тбилиси. Кстати сказать, твой преемник не очень-то охотно согласился работать в этой дыре.

— Ну что вы, товарищ, — возразил Вано, — об этом уже поздно говорить. Раз вы привезли нового директора заповедника, пусть он поработает. Поедемте со мной, и вы увидите фазанов, тем более, что они тоже подлежат сдаче по акту.

— О фазанах только спор и идет, — есть они или нет их. Покажи нам фазанов — это все, что от тебя и требуется.

Все разом поднялись с мест, точно по уговору, и направились к машине. Приезжие не взяли с собой ружьем, так как ехали в заповедник не охотиться.

Вано крикнул мне, чтобы я взял охотничье ружье. Я выполнил его просьбу: вместе с ружьем прихватил коробку фабричных гильз из чемодана Вано (своих гильз у меня уже не было) и побежал вдогонку за машиной.

На этот раз Вано изменил маршрут — направил приезжих не в сторону кривого дуба, а северо-восточнее.

Мы разделились на две группы: сам Вано с шофером и охотни-

чьими собаками пошел свекловичным полем, а нас направил на опушку леса, чтобы представитель главка лучше видел вылетающих из лесу фазанов.

Вано явно волновался и незаметно шепнул мне.

— Погляди, что будет делать этот, из главка, — и, показав на него глазами, присоединился к своему спутнику.

Наша группа шла по опушке леса и не сводила глаз с охотничьих собак, мелькавших на поле в высокой траве.

Представитель главка опять заговорил:

— Ну что же — я прав. Фазанов в заповеднике нет — это совершенно точно. Будь фазаны здесь, разве они укрылись бы от собак? — но едва он успел промолвить эти слова, как две собаки замерли в стойке.

Мы тоже остановились.

— Неужели в самом деле фазаны? — удивился представитель главка. — Твой друг, выходит, победил меня! Что ж... — но он не успел закончить фразы. В этот момент, как того и следовало ожидать, собаки подняли целую семью фазанов.

Фазаны летели к лесу. Вдруг, откуда ни возьмись, появились соколы и ринулись на фазанов. Представитель главка выхватил у меня ружье, прицелился и выстрелил сразу в двух соколов. Но... промахнулся — не изменив полета, соколы стрелой пустились вниз и стали кружить над кустарниками, где укрылась часть встревоженной дичи.

Промахнувшийся стрелок чувствовал себя неловко и что-то бормотал в свое оправдание — мол, то ли соколы летели слишком высоко, то ли сам он поспешил с выстрелом. Словом, оправдывался, как все охотники при неудаче.

Потом представитель главка взял у меня оставшиеся восемь гильз и в несколько минут всех их выпалил, но... опять без толку. Поднятые собаками и преследуемые соколами фазаны, совершенно невредимые, непрерывным потоком летели в лес.

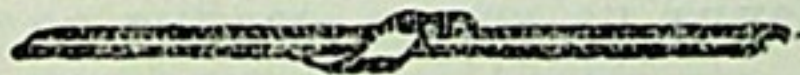
Представитель главка, обескураженный неудачей, был бледен. Он что-то шепнул своему спутнику, и оба они пошли к машине.

Я подошел к Вано. Тот с удивлением спросил меня:

— Ты, может, скажешь, что за гильзы были у тебя в коробке? Никак не пойму, почему приезжий не смог подстрелить ни сокола, ни фазана — ведь он отличный стрелок!

Я ему ответил. Вано, узнав, что гильзы были взяты из его чемодана, на миг растерялся, густо покраснел и смущенно уставился на меня. Потом, несколько придя в себя, воскликнул:

— Безбожник ты этакий! Что ты натворил? — и улыбка скользнула по его лицу. — Если бы представитель главка знал, какими гильзами он стрелял, поедом бы заел нас обоих. Ведь в них не дробь, а чечевица была. Это я специально сделал, чтобы над Леваном подшутить. И дернуло же тебе взять именно эти гильзы, а не другие, настоящие, которые тоже в чемодане лежали!



В Тбилиси работает группа курдских писателей. В своих произведениях они отображают те перемены, которые произошли в жизни курдского населения за годы Советской власти, активно откликаются на все события в жизни республики. Ниже мы публикуем несколько стихотворений курдских поэтов в переводе В. Мощенко.

Тогар Броев

НАША ВЕСНА

Здравствуй, наша весна,
 семилетки весна,
ты в грядущее радостно устремлена.
День волнующий встал,
утопая в лучах,
как улыбка
 родного навек Ильича.
Ветер, в парке фабричном
листву шевеля,
улетает в поля,
 в голубые поля,
и, ликуя, шагает весна налегке,
словно девушка в ярко-зеленом платке.
Ей, красивой, желанной,
отсюда видны
новостройки страны,
 новостройки страны
и простор целины (как теперь он цветет!),
и в космических далях чудесный полет.
Этот мир нам так дорог,
 этот мир нам так мил!
Пусть царит на земле, сердце радуя, мир!
Должен мир нашу землю всегда обнимать,
как ребенок ласкает ручонками мать.
Нам великая правда, товарищ, видна.
Здравствуй, наша весна,
 семилетки весна!



КУРДСКАЯ ДЕВУШКА

Девушку встретил в саду,
 как газель,
 стоит она,
 будто подросток-апрель.
 Лоб у нее — словно девственный снег,
 над ним — разлив пшеничных волос.
 Заговорил я взволнованно с ней, —
 и скрыть волнения не удалось.
 С вымыслом правду спутал уже,
 может быть, это я вижу во сне?
 — Ответь мне, пожалуйста, ты не Хадже?¹
 Ответь мне, пожалуйста, ты не Зине?²
 Она покраснела, смущенья полна,
 а ветка лицо ее гладит листвою.
 — Да что вы! — сказала с улыбкой она, —
 я дочь агронома — курдянки простой.
 Но я вспоминаю преданья опять —
 из них она вышла, конечно, из них!
 Поэты любили ее воспевать
 и ей посвящали немеркнувший стих.
 К нам ветер
 дыхание поля принес
 и девушке тихо шепнул:
 «Хороша!..»
 Она попрощалась со мной и ушла
 по тропке,
 ведущей в соседний колхоз.

Шако Гасанов

У МОРЯ

Мир надевает черную бурку,
 вечер на море спускается сонно,
 волны о берег плещутся бурно,
 с ним обнимаются, точно влюбленные.
 Все это видел я, видел нередко,
 а нынче мне кажется —
 вижу впервые...
 Рядом со звездами
 птица на ветке,
 пальмы у берега —
 как часовые.

¹ Х а д ж е — героиня курдской народной поэмы; видя гибель возлюбленного, она бросилась со скалы и погибла.

² З и н е — легендарная героиня курдской народной поэмы «Мам и Зин».

Звездочка в море плывет
и не тонет,
гасит маяк ее светом нечаянно.
В лодке влюбленные
горя не помнят,
с лодкою вместе на волнах качаются.
Сонный покой побережье зálил,
подле меня он устроился скромно.
День был нелегким.

Уставшие за день
медленней катятся пенные волны.
Чудится —

волны у берега стынут,
вот и смолкает игривый их гомон.
И веришь:

тебя никогда не покинут,
и веришь: ты дорог и нужен другому.
Луч маяка устремляется лентой
в темень,

теряется в синем просторе.
Лодка навстречу плывет
из легенды.

Дружба, любовь —
как огромное море.

Бахче Иско Слаян

СВЕТ В НАШЕЙ ДЕРЕВНЕ

Мой дед смотрел:
вокруг — одна пустыня,
в руках был посох,
тяжкий, как беда.
Он чувствовал,
что сердце стынет, стынет —
оно не знало счастья никогда.
Пусть солнце в поле
спины жгло с рассвета,
пусть белый зной
слепил, слезил глаза, —
ему казалось,
что не видно света,
что темь одна,
а с нею жить нельзя.
Померкло небо,
и черны деревья,
в родной землянке даже
света нет...
Пришел Октябрь.
И вдруг мой дед поверил,
что свет вернулся,

что вернули свет.
И отползла,
боясь его,
пустыня,
которой свет был просто ни к чему.
...Я деда слушал,
и слова простые,
казалось мне,
сейчас пугали тьму.
— Вот, видишь,
солнце за горой потухло,
но много солнц своих
зажгло село.

Мерцали зданья розоватым туфом,
и было на душе светло-светло.
А дед смотрел торжественно и мудро,
теплом великой Родины согрет.
Какое счастье,
что простого курда
из мрака вывел
коммунизма свет!

Хачик Мурадов:

ПОБРАТИМЫ

ПОЭМА

Когда трава пошла по склонам
весенним приступом зеленым,
и птичий щебет
напролом
врывался в наш притихший дом,
и, золотя резные листья,
спускался вечер на Тбилиси, —
затосковал я что-то вдруг...
Но тут пришел сосед — мой друг.
— А ну-ка, брат,
тоску отставить,
такая благодать вокруг!
Давай, поехали в Рустави, —
меня Мгеладзе в гости ждет;
знакомству будешь рад —
недаром
гордится парнем весь завод:
ведь стал он лучшим сталеваром.

И вот уже «Победа» мчится
по шумным улицам столицы.
Мы открываем двери в дом,
на смех,
как на огонь,
идем,

и, улыбнувшись, нас встречать
уже спешит старуха-мать.
Все было просто,
очень просто,
и мой приход

почтен был тостом.

Но вот хозяин входит вдруг.
Я сразу встал.
Всмотрелся.

— Друг!

...Ты жив? Ты здесь? —
ему кричу. —

Но я ведь этими руками
из боя нес тебя к врачу,
хоть ты был холоден,

как камень...

Ведь ты

— Мгеладзе?

— Да. Когда-то

Встречались с вами?

Ей-же-ей,

не помню вас... —

И виновато,

смущенно

смотрит

на друзей.

— Забыл?!

Но позабыть едва ли
тот жаркий бой среди развалин,
когда,

слабея,

из огня

ты на медпункт тащил меня:

я ранен был... —

Но тот опять

не может ничего понять.

— А вспомни польские деревни,

в дыму пожаров города, —

мы дали им свободу,

веря:

остаться тут ей навсегда.

Здесь хлеб и соль нам подносили,
сердечно обнимали нас.

Но вскоре —

в день морозный,

синий —

идти вперед пришел приказ...

Мы утром заняли селенье.

Светало.

Даль была ясна.

И ветер ласковый повеял,

шепнув, что вот идет весна,

что в серых сучьях соки бродят,

что март берет свои права...

Сливался с чистым небом Одер,

тянулась к солнышку трава.
В селенье тихо, как в пустыне,
кругом — куда ни кинешь взгляд —
дома с окошками пустыми
осиротевшие стоят.

— Красиво тут, но как уныло, —
сказал ты, глядя на село, —
красиво тут,

но край мой милый
мне ближе и родней всего.

Я вспоминаю горы наши...

Над ними стаи туч летят...

Я вижу —

 мать рукою машет,
на лозах зреет виноград...

По облакам в горах ходил я
и пел с друзьями «Сулико».

Любимый край,

 ты дал мне крылья,

ты — рядом,

ты — не далеко.

Потом...

Ну, вспомни же!

Всегда я

тот вечер буду вспоминать...

Гудя и землю сотрясая,

в атаку танки шли опять.

Свистели пули и осколки.

Был дан приказ:

взять высоту,

не ту, что рядом тут,

а ту,

к которой путь,

 как вечность,

 долгий.

Ракета вырвалась из мрака,

и командир сказал:

 — Пора. —

И поднялись бойцы в атаку,

и заглушило все

 «ура-а!».

Я рядом шел с тобой —

 вперед.

И вдруг

 ударил пулемет.

Он бил в упор огнем кинжальным,

он прижимал к земле солдат,

тугим дождем свинцовым жалил.

Но нет в бою

 пути назад.

Ты, пригибаясь осторожно,
пополз туда, где вражий дзот...

И паренек из Запорожья

шепнул:

 «Мгеладзе поползет!»

Поднялся ты,
метнув гранату,
и вновь упал лицом вперед.
И комья глины желтоватой
плевками падали на дзот.
Но ты не встал...

Невозвратимая потеря
всегда терзала душу мне.
И вот...

Глазам своим не верю!
Шота, — ведь это
не во сне?! —

...Я кончил.

Встала мать седая
(морщины горькие у рта),
промолвила она, рыдая.
— Тенгиз он.

Это — не Шота:

Он жив.

А близнеца второго
уже нигде я не найду.

Сынок, ты знал его живого,
делил с ним радость и беду...

Молчали все.

Молчал я тоже.

И горько было сознавать,
что нынче смех звенеть не может,
что я заставил плакать мать.

И вдруг от материнской речи
очнулись мы:

— Я не таю:

да, все на свете быстротечно —
и юность светлую свою,

и первый день любви весенний
забыла я.

Прошли года.

Но сын, принесший нам спасенье,
в моей душе живет всегда.



Мишель дель Кастилло

Путешествия Симона

Перевод с французского Г. Буачидзе

Симон чувствовал себя счастливым. Он и сам не знал почему, хотя причин для этого у него было достаточно. Конечно, одних только причин еще мало; ничто ведь не может принести человеку счастье, если сам он этого не хочет. А Симон хотел быть счастливым. Ему это было необходимо. Стремление к счастью, собственно, и приносило ему радость. Всякий на его месте поступил бы так же, говорил он себе. Симон не мог простить себе того, что многого раньше не понимал. Каковы были источники его счастья? Он насчитал целых три: Анна согласилась выйти за него замуж, дела его шли хорошо, и ему предстояло отправиться путешествовать. Разве не достаточно причин, чтобы взорвался от радости самый убежденный меланхолик?

Анна, рыжеволосая девушка лет двадцати пяти, с жадным взглядом лукавых глаз и тонкой линией губ, долгое время только улыбалась в ответ на предложение Симона. Но когда молодой человек начал прилично зарабатывать, когда он купил автомобиль и квартиру в шестнадцатом

округе, Анна совершенно изменилась. Она стала нежной, заботилась о его здоровье. Симон находил эти знаки внимания трогательными. Ему хотелось заплакать от признательности. Он все никак не мог поверить, что такая красивая девушка может всерьез увлечься им. Признаться, Симон наивно смотрел на вещи и не мог усмотреть какой-либо связи между переменой в своем положении и теперешним поведением девушки. Он был убежден, что сломил сопротивление Анны только терпением и преданностью, и благодарил небо за ее согласие. Ведь он никогда не действовал по расчету, поэтому не замечал его и в поступках других. Да и неважно, почему Анна приняла его предложение. Важно то, что она сказала «да». По правде говоря, «да» первым сказал Симон. Они вдвоем пошли смотреть американский фильм, кончавшийся счастливой женитьбой. Она прижалась к нему и промурлыкала голосом простуженной кошки: «Как бы хорошо нам пожениться». Что он мог сказать? Он ответил улыбкой и целому-

дренным поцелуем: «Правда? Ты бы согласилась выйти за меня замуж?» Она рассмеялась: «Ну и дубина ты! Как, ты еще не угадал, что я люблю тебя?» Он ничего не угадывал. Ему, наоборот, казалось, что она скучает с ним и, когда он говорит, все время думает о чем-то другом. Но если Анна утверждает, что любит его,—какое у него право сомневаться! И вот они поженились.

Мать Анны, маленького роста андалузка, тяжеловесная, малоопрятная, покрашенная, в молодости была артисткой. Наверное, потому с такой легкостью и появлялись у нее на глазах слезы. Когда молодой человек нанес ей положенный визит, она сочла себя обязанной прослезиться и стала проливать столько слез, что конца им не предвиделось. Она прерывала рыдания нечленораздельными звуками, икала, горестно вздыхала, поднимала глаза к небу, разводила руками.

Симон не знал, как держаться. Он находил ее излишняя преувеличенными, но говорил себе, что ведь не каждый день приходится терять дочь, и что эта женщина, может быть, по своему искренна. «В Испании матери такие», — думал молодой человек. И так как он был очень чувствительным, слезы андалузки сдавливали ему сердце и сжимали горло. Еще немного, и он заплакал бы вместе с ней.

* * *

Родители Симона были совершенно разными людьми. Отец, седой мужчина высокого роста, с голубыми глазами, носом с горбинкой, всегда одевался в черное; мать была маленькой блондинкой с внушительным носом и крошечными руками, во взгляде ее сияла безграничная кротость.

Симон больше всего на свете любил своих родителей. Он любовался отцом, уважал его за справедливость и прямоту; он любил мать—просто как мать, а еще за ее немного наивную нежность. Она называла его «мой маленький Симон», и никому

не удавалось вложить в эти слова столько любви и преданности. Она говорила: «Мой маленький Симон», и этим было сказано все, это было пределом внешнего проявления ее чувств. Лишь иногда она гладила его по волосам, целовала в веки и лоб, прижимала к своей груди. А он, счастливый, боялся даже пошевелинуться, чтобы не спугнуть ее робкой нежностью.

Раннее детство Симон провел в Польше, в Варшаве. Отец его владел там магазином игрушек. Ребенок любил гулять в этом царстве Игры и Мечты. Он трогал красивые золотистые волосы кукол, выстраивал оловянных солдатиков, с завистью смотрел на самолеты и военные корабли. Два раза в год отец позволял ему выбрать несколько игрушек, и малыш проводил бессонные ночи перед тем, как решить, какие выбрать.

Спокойствие его жизни ничем не нарушалось. Родители любили друг друга, он любил родителей, а они обожали и баловали его. Дела шли хорошо, но никогда ребенок не слышал дома разговоров о деньгах. Так что Симон рос счастливым ребенком... до того самого дня, пока не заговорили о войне. Она еще не разразилась. Но его родители, казалось, очень боялись ее. Они говорили о ней вполголоса. Ребенок не знал, что такое война. О немцах ему говорили, что они очень злые и хотят занять Польшу. Он стал ненавидеть немцев просто потому, что они хотели захватить его страну. Для себя он нашел решение: почему бы полякам не опередить немцев?..

Родители Симона не разделяли его оптимизма. Они решили продать свой магазин. Ребенок очень переживал. Разные господа приходили смотреть лавку и предлагали цены, которые его отец находил смехотворными. Все посетители в таких случаях говорили одно и то же: «В нынешних условиях...» Маленький Симон спрашивал себя, что это за ус-

ловия? Отец казался печальным. Он почти не разговаривал. Вечером, возвращаясь домой, отец падал в кресло, закрывал глаза, поглаживал бороду медленным и ровным движением руки... Наконец, нашелся покупатель. Ребенок плакал. Мать утешала его, прижав к своей груди. Она говорила, что и ей очень трудно продавать лавку и уезжать из своей страны.

— Это война,—пробормотала она, собрав последние силы. — Она может разразиться с минуты на минуту... Не нужно плакать. Отец тоже печален и устал. Ты не должен увеличивать его горе своими слезами. Твоя боль обновляет его боль. Лучше постарайся улыбаться...

Симон познал смирение. Но это тоже было отчаяние, которому он не позволял вырваться наружу. Мальчик присутствовал при продаже дома, в котором родился,—и даже не шелохнулся.

Наступил день отъезда, застенчивый и теплый весенний день. Солнце пронизывало лучами тучи, пытаясь сломить их отчаянное сопротивление. Воздух наполнился испарениями, ветви деревьев прогибались под тяжестью почек; жители Варшавы, казалось, рождались заново: на лицах прохожих появились сияющие улыбки и взгляды стали менее холодными, чем обычно.

Симон сидел между своими родителями в купе третьего класса. Крестьяне с корзинами, полными фруктов, овощей и птицы, ехали вместе с ними. Симон заметил сидевшего напротив молодого человека с черными глазами и вьющимися волосами. Незнакомец выглядел печальным. Он читал книгу, время от времени закрывал ее, чтобы тотчас раскрыть вновь. Ребенок улыбнулся, молодой человек тоже. Вскоре они стали друзьями. Николай оказался студентом. Сейчас он ехал на каникулы к своим родителям на север. Симон спросил, будет ли, по его мнению, война. Николай улыбнулся и сказал, что, вероятно,

да. Он добавил, что Польша к ней не готова и что она не сможет устоять перед немецкими танковыми дивизиями. Во все время путешествия ребенок непрестанно задавал студенту вопросы. Последний охотно отвечал.

Стемнело. Лишь бледные искорки света мелькали время от времени при приближении к станции. Поезд замедлял движение и останавливался. Купе пустело. Попрощался с Симоном и Николай. Ребенку было тяжело. Он полюбил студента, и ему так хотелось быть вместе с ним. Родители пообещали ему, что по окончании войны разыщут Николая. С этой мыслью Симон уснул, но сон его был тревожным. Несколько раз он просыпался, весь в испарине, дрожь пробегала по его телу. На дворе шел дождь, обильный и крупный. Капли ударялись о стекло и струйками стекали по окну купе. Симон озяб. Он прижался к матери. Шум дождя, барабанившего по крыше вагона, мешал думать.

На какой-то маленькой станции сели в поезд полупьяные молодые люди. Они смеялись. Вскоре они решили петь. Низкие голоса грянули первую фразу; другие — повыше, подхватили напев; потом теноры, поддерживаемые басами, пробормотали вторую фразу. Они звучали убедительно, нежно, словно нашептывали любовные слова, в то время как остальные ступшевывались и замолкали; пение доносилось до Симона, как сквозь сон. Грусть не покидала его. Ему хотелось плакать. Стук колес, песнь дождя за стеклом, голоса певцов—все убаюкивало его, но ночной холод заставлял вздрагивать, мешал заснуть. Звуки, просачивавшиеся сквозь дремоту, связывали его с внешним миром. Ему хотелось пить, во рту пересохло; голова болела; спина судорожно вздрагивала. Возле Симона сидели родители. Казалось, они так и застыли с опущенными головами, с закрытыми глазами, всем ви-

дом своим словно бы извиняясь за то, что занимают слишком много места. Время от времени они поднимали головы и смущенно улыбались. Но никто не обращал внимания на их тоскливые улыбки; никому не было дела до того, что эти два человека, уже пожилые, покидают свою страну навсегда.

Наступил рассвет. Симон очнулся. Ему все еще было не по себе. Мальчик не понимал, что с ним происходит. Молодые люди заснули. Кто-то вскрикивал во сне, кто-то храпел. Ребенок прижался лицом к оконному стеклу. На полях серебрился иней: серое небо укрывало дремавшую еще землю. Все вокруг казалось таким убогим...

Когда поезд, наконец, остановился, оказалось, что они находятся на берегу моря, в крупном портовом городе.

Симон покинул Польшу на датском пароходе. Только три воспоминания, связанные с родной страной, увез он с собой: магазин игрушек, печальное лицо Николая и длинную ночь в купе третьего класса, убаюкавшую его меланхолическими песнями пьяных молодых людей. Теперь, куда бы он ни поехал, он будет чувствовать себя если не поляком, то, во всяком случае, иностранцем.

После Дании они прибыли в Париж. Симон привык к своей бродячей жизни и редко думал о Польше. Когда ему случалось вспомнить о ней, он мысленно видел красивое лицо Николая и вновь ощущал холод и усталость отъезда.

В Париже они поселились в двух пропитанных сыростью комнатках, с узкими окнами, выходящими на грязный двор. Родители становились все более мрачными. Они не знали французского языка, у них не было денег. Предпринять что-либо не удавалось. Симон ходил печальный. Ему не нравились темные и сырые комнаты. По ночам мальчику снился их дом в Варшаве, и постепенно ему начинало

казаться, что это было самое прекрасное из всех жилищ. Целыми днями не отходил Симон от матери, которая теперь, после всех испытаний, перенесенных ими в изгнании, стала еще нежнее, еще снисходительней. Она без конца целовала его. Что касается отца — тот целые дни проводил вне дома. Вечером он возвращался, согбенный усталостью, смотрел затуманенным взглядом красивых голубых глаз. Одежда его изнасилась. Он сел на стул и его большие узловатые руки с длинными костистыми пальцами безвольно свисали меж колен. Все трое обедали молча. Пищи не хватало. Симон не доедал.

Вскоре он понял, что французы не любят иностранцев. На улице мальчишки смеялись над ним, толкали его, били. Они называли его «грязным жидом» и советовали вернуться в свое гетто. Симон отвечал им, что никогда не жил в гетто и что в Польше отец его не нуждался и имел магазин игрушек. Но французы оказались в такой же степени ограниченными, как и недоверчивыми. Они смеялись, называли его «лгунишкой». Он перестал обращать внимание на их насмешки. Он избегал встреч с ними и выходил из дому только под руку с матерью. Но эти мальчишки не уважали и ее. Они бежали за ней, строили гримасы, дразнили, кричали вслед бессмысленные словечки. Мать Симона была слишком доброй, чтобы обижаться. Она опускала глаза, жалась поближе к стенам и улыбалась чуть смущенно и нерешительно.

В лавках ее всегда обслуживали последней. Так как она располагала небольшой суммой денег и ей приходилось смотреть на цены, продавцы обращались с ней грубо, давали залежалый товар. Но мать Симона никогда не протестовала. Она лишь пристально смотрела из глубины своих нежных глаз на тех, кто плохо с ней обращался, словно желая извиниться за то, что находится не в сво-

ей стране и у нее нет денег, чтобы купить больше продуктов.

Однако в один прекрасный день дела изменились. Отец Симона отыскал лавчонку недалеко от Севастопольского бульвара и переделал ее в магазин игрушек. Другой находившийся в изгнании еврей — владелец пластмассового завода у ворот Ла Виллет, одолжил ему денег. Жизнь постепенно стала входить в нормальную колею. Симон пошел в школу. Теперь он говорил по-французски почти без акцента. Квартирку отремонтировали, купили мебель. Его родители оделись во все новое. Никто больше не толкал Симона на улице и не называл его «грязным жидом». Лавочники стали любезны с его матерью. Они давали ей конфеты для сына, улыбались ей. Ребенок начал любить Францию. Благодаря путешествиям и переменам судьбы, ум его развился рано. По всем предметам он был первым в классе.

Но пришла война. Вначале она ничего не изменила в их жизни. Симон был счастлив, потому что думал, что французы раздавят немцев в течение нескольких недель. Прошли месяцы. Однажды он узнал, что немцы вот-вот войдут в Париж, и ему стало страшно. Он никак не мог представить себе, что немцы могут выиграть войну. Тем не менее они появились однажды утром. Родители Симона решили не покидать столицу. Им не хватало мужества вновь уйти в изгнание. Да и куда бы они пошли? Они всегда и везде чувствовали бы себя иностранцами. А что плохого могло случиться с ними во Франции?

Все началось с желтой шестиконечной звездочки. В течение двух суток они стояли в очереди перед полицейским комиссариатом. Полицейские обращались с евреями грубо. А те, опустив голову, застыли в неподвижности. Стояли женщины, старики, дети. Все молчали. Симон держался за руку матери. Его мучил стыд, он избегал встречаться глаза-

ми с прохожими, рассматривавшими евреев иронически и недоброжелательно. Но он не заплакал. А мать улыбалась, чтобы придать ему мужества.

В первый день, когда Симон вышел на улицу со звездочкой, слезы душили его. Мальчишки, игравшие на улице, снова начали насмехаться над ним, даже кидали в него камнями, называя «евреем-воришкой». Но ведь он хорошо знал, что никогда ни у кого не крал; а честность отца не допускала сомнений. Однако Симон не удивлялся. Нужно было пройти и через это испытание. Колесо фортуны вновь повернулось. Что он мог поделать? Приходилось молчать, смириться. Он редко выходил из дому, потому что его исключили из школы. Да и куда идти? В общественный транспорт евреев не допускали. Вернее, для них отвели специальные вагоны в поездах метро. Некоторые лавки отказывались обслуживать евреев; зрительные залы, рестораны — все закрывалось перед ними.

...Это случилось 9 июля 1942 года. Симон лег спать раньше обычного. Накануне он мало поел, с утра им владело какое-то мрачное беспокойство. Мать села на его кровать и стала читать отрывки из библии. Ребенок не все понимал из того, что читала мать, но голос ее звучал печально, и ему тоже становилось грустно. Симон не мог понять — где же связь между душераздирающими жалобами Пророка и его собственной жизнью? Ужасные события, предвещаемые посланником бога, могли произойти только там, в далеком Иерусалиме. Но все же ему было страшно. Мать плакала. Симону хотелось услышать от нее, что все эти ужасы целиком относятся к прошедшему. Но она сказала: слова Иеремии всегда остаются в силе, они лишь нуждаются в особом толковании.

— Иерусалим — это весь еврейский народ, — меланхолично говорила она. — Евреи — это жители того святого города, о котором говорит Пророк; несчастья, которые его ожи-

дают, — это несчастья, ожидающие нас всех. Мы будем страдать, как об этом поведал Иегова.

— Почему же мы должны все время страдать, мама?

— Потому, что наши отцы согрешили, мой маленький Симон. И еще потому, что мы должны нести в себе боль всего Человечества. Так хотел Иегова.

— Разве это справедливо, мама?

— Все, что дозволено им, справедливо, Симон. Он и есть сама справедливость.

— Но почему христиане никогда не страдают?

— Они будут страдать, дитя мое. От страдания не уйти.

— Как же они будут страдать?

— Они будут страдать от стыда.

— От какого стыда?

— В тот день, когда они обнаружат, что не евреи распяли Христа, а сами христиане, убившие его. Тысячи раз...

Слушая эти загадочные слова, Симон заснул. Ему приснилось, что все христиане отправляются в геену огненную и плачут от стыда, потому что они своими руками распяли Христа. Потом ему привиделся другой сон: он увидел свою мать в раю. Преображенная, стояла она среди великих пророков, сам он мирно беседовал с ней.

— Симон! Симон!..

Это шептала его мать. Она молча стала одевать его, торопливо, поспешно. Ночь выдалась холодная. У ребенка зуб на зуб не попадал. Внезапно до него донесся гортанный голос, что-то кричавший на незнакомом языке. Кто-то стучался в дверь квартиры. Симон не понимал, что происходит. Отец тоже встал. Поверх своей полосатой пижамы он накинул пальто с желтой звездочкой, надел свою черную шляпу; отец казался бледным, растерянным. У матери совершенно растрепались волосы, на глазах ее стояли слезы. Она была одета в черное поношенное платье. Кончив одевать Симона, мать прижала его к своей груди и голосом, пре-

рываемым рыданиями, прошептала:

— Дитя мое, ты останешься там, куда спрячет тебя твоя мать, и не будешь двигаться. Обещай мне это.

Он пообещал и позволил спрятать себя в глубине вделанного в стену шкафа. Ребенок сжался в комочек. Ему было так страшно оставаться во тьме одному! Через несколько мгновений он услышал шум шагов и голоса. Симон прильнул глазом к замочной скважине. Два французских жандарма и два немецких солдата стояли возле его родителей. Соседка находилась с ними. Она-то и воскликнула:

— А ребенок?.. Тут был еще ребенок!

Симону хотелось выйти из своего укрытия. До него донесся голос матери:

— Мой сын уехал вчера с друзьями.

— Куда он поехал? — спросил один из жандармов.

— В свободную зону.

Солдат дал сильную пощечину матери Симона. Она зашаталась и чуть не упала.

— Проклятые евреи!.. Все на один лад! — пробормотал один из жандармов.

Соседка, в свою очередь, включилась в разговор:

— Она врет! Я их знаю, этих вшивых! Ребенок тут!

— Вы ошибаетесь, мадам, — пробормотала мать Симона. — Он уехал вчера.

— А я говорю, что он тут!

Симон дрожал. Пот, обильно выступивший у него на лбу, стал стекать по вискам. Он не знал, что делать. Ему хотелось кричать, звать на помощь. Но горло у него сжималось, во рту пересохло. Он никак не мог смочить свой, словно одеревеневший, язык.

Наступило молчание. Симон услышал звуки ударов, обрушившихся на его мать. До него вновь донесся голос:

— Он уехал!.. Он уехал!

— Das ist genug! Alle raus!..
Schnell raus!¹

Потом наступила полная тишина. Долгая тишина, наполненная криками ушедших, рыданием матери Симона, руганью соседки, взволнованным стуком его детского сердца. Симон все еще сидел в шкафу, сжавшись в комочек. Он все сильнее ощущал холод. Вначале он говорил себе, что жандармы скоро отпустят его родителей и что те не замедлят вернуться. Но шли часы — медленные, печальные и однообразные, а их все не было. Родился день. Слабый свет просочился в шкаф. Дом наполнился звуками. Симон не решался выйти — из страха встретить соседку, так, казалось, ненавидевшую его. Но он озяб, ему хотелось есть и пить. Ноги отекли, веки отяжелели. Весь день он оставался в шкафу. Вышел он из него поздно ночью. Квартира погрузилась в темноту. Симон дрожал от страха, но не плакал. Несколько минут он постоял в нерешительности. Затем он решил пойти в комиссариат, чтобы отыскать там своих родителей. Он надел свой баскский берет, пальто, обвязал шею красным кашне и бесшумно вышел из дому. Он никого не встретил.

Длинные черные улицы, впадавшие в другие, такие же длинные и черные улицы, открылись перед ним. Симон не знал, куда идти. Улицы опустели. В окнах еще не горел свет. Вдруг звук сирены разорвал тишину. Ребенок остановился. Крупные слезы катились по его щекам и повисали на кончике носа. Он вытирал их рукавом. Вскоре, обессиленный, он присел на землю. Вдали послышалось приглушенное рычание моторов, и прожекторы сплели в черном небе свои щупальцы. Симон поднял воротник пальто, засунул руки в карманы.

— Что ты тут делаешь, малыш? Ты плачешь? Что с тобой?

Перед ним стояла белокурая

женщина с серыми глазами, с бледным, ненакрашенным лицом и маленькими, как у матери, руками. Она была в синем пальто, голова обвязана косынкой. Женщина опустилась перед ним на колени и взяла его за руки:

— Ты один? Как тебя зовут?

Он ответил между двумя рыданиями.

— Где же твои родители, Симон? Ребенок пожал плечами:

— Не знаю..

Наконец, он все рассказал незнакомке. Она нежно улыбнулась:

— Бедный малыш! Так ты потерялся?.. Один и — никого, чтобы любить тебя..

Теперь и на лице Симона наметилась улыбка. Собеседница казалась почти такой же доброй, как и его мать, и ему хотелось любить ее. Мальчик уже не чувствовал себя одиноким. Он поднялся, чтобы ответить ей, и тогда женщина заметила желтую звездочку на его одежде. Ни слова не говоря, она оторвала ее.

— Меня зовут Жанна, — начала она. — Но ты будешь называть меня тетей Жанной. И ты мне должен пообещать одно: никогда никому не говори, что родился в Польше и что жандармы увели твоих родителей. Это останется нашей тайной. Хорошо?

— Д-да.

— Никому не рассказывай и того, что мы встретились тут. И еще ты не должен признаваться, что носил звезду.

— Почему?

— Потому что, если ты в этом признаешься, меня убьют. Ты хочешь, чтобы меня убили?

Симон покачал головой:

— Нет.

— Значит, договорились?.. Нужно хранить тайну.

Ребенок утер слезу. Он был почти доволен. Он спросил:

— Где мои родители?

Тетя Жанна замаялась, затем ответила:

¹ Хватит! Все — вон!.. Скорее! (Нем.).

— Они, наверное, где-то спрятались. Как ты. Когда война кончится, мы их найдем.

— А скоро война кончится?

— Конечно.

Сирена завывала во второй раз. Луна разорвала облака, озарила улицу. Тетя Жанна и маленький Симон беспрепятственно дошли до дому.

* * *

Все это — в прошлом. Симон давно уже узнал, что его родители умерли в концлагере, в Аушвице. Он знает, что всем обязан тете Жанне. Она кормила его, воспитывала, оберегала, любила. Однажды она все ему объяснила: что такое война и почему мать спрятала его в шкафу. Тетя Жанна показала Симону на своем примере, что если не все евреи распяли Христа, то и не все христиане распинают его. Он любил свою тетю так, что даже не может выразить это словами, но никак не может забыть две ночи, одну — проведенную в поезде, когда они покидали Польшу, и другую с 9 на 10 июля 1942 года. Однако это нужно забыть, хоть и нельзя жить, повернувшись спиной к прошлому и не оглядываясь. Впрочем, люди успели забыть. Когда ему случается говорить о войне, на него смотрят с недоумением. Никто не хочет знать о том, что он пережил в ту ночь, когда потерял своих родителей. И Симон решил быть довольным: это необходимо. Под конец он, впрочем, даже нашел объяснение для своей радости.

Есть ведь Анна и его дела. Он, так же, как некогда отец, владеет прекрасным магазином игрушек на улице Виктора Гюго. Он зарабатывает деньги. Он смог купить автомобиль и приобрести прямо над своей лавкой квартиру из трех комнат. У него много разных пластинок, книги громоздятся по полкам. Так что, все к лучшему и особых причин для беспокойства у него нет. Но он и не беспокоится: радость захлестывает его. Сегодня вечером

он отправляется в Данию. Детство, конечно, забыто. Один из друзей сказал ему с видом знатока: «Детство человека, старина, в счет не идет». Может быть, он прав. Как знать, что идет в счет и что не идет в жизни человека?

Симон прибыл на вокзал. Анна и ее мать провожали его. Последняя беспрестанно плакала. Девушка обняла своего жениха и заставила его пообещать «быть умницей».

Симон, удобно устроившись, смотрел на мелькавшие за окном последние дома пригорода. Он удовлетворенно вздохнул и бросил любопытный взгляд вокруг себя. Впервые в жизни он путешествовал в спальном вагоне. Он едва осмеливался сесть и, чтобы придать себе бодрости, все время старался двигаться. Поезд набирал скорость. Симон подумал про себя, что его матери, наверное, понравилось бы ехать в спальном вагоне. Эта мысль чуть было не испортила ему настроение. Симон пошел в вагон-ресторан. Он сел напротив сильно накрашенной пожилой женщины, которая все время хлопала ресницами, бросала вокруг нежно-обещающие взгляды и улыбалась окружающим. Чтобы чувствовать себя менее одиноким, он заговорил со своей соседкой. Та охотно ответила и тотчас стала рассказывать про себя и про свою жизнь. Женщина говорила по-французски с сильным акцентом. Симон узнал, что она танцовщица. Ей были известны поименно все великие мира сего: Уинстон Черчилль, генерал де Голль, Муссолини, сам Гитлер. В свое время все любовались ее икрами.

— Самый красивый икри в мире, мой дор-рогой! Ви хотите их видеть?

Молодой человек заплатил за себя и за танцовщицу, вежливо извинился и ушел к себе в купе. Несколько мгновений спустя танцовщица стучалась в его дверь. Она хотела знать точное время. После упорной самозащиты Симону удалось вновь остаться одному и не-

вредимым. Он разостлал постель, положил пижаму на подушку. Затем, напевая, почистил зубы. Он действительно начинал чувствовать себя довольным. Случай с «икрами» его развлек. Окружающий комфорт успокаивающе действовал на нервы. Поезд катился в ночи. Симон лег, прочел передовицу «Монд» и выключил свет. Он вспомнил свое первое путешествие по железной дороге, мысленно представил себе красивое лицо Николая, и ему показалось, что он слышит те глубокие и полные тоски по родине песни, которые убаюкали его в первую ночь в изгнании. Молодой человек хотел отогнать навязчивые образы, но безуспешно... «Нужно, — думал Симон, — нужно забыть!.. Начну считать столбы». Но столбы таяли во тьме, и он оставался наедине со своими воспоминаниями. Чтобы отвлечься, он подумал об Анне. Ничего не поделаешь! Анна приобрела черты Николая. В полном изнеможении, Симон поднялся с постели и принял снотворное. Затем он попытался заснуть под однообразный и размеренный стук колес. «Нужно спать, — думал он. — Во сне забываешься. Завтра я буду в Копенгагене, в Копенгагене...»

Симон задремал. Он непрерывно повторял себе, что между ребенком-поляком, когда-то бежавшим от войны из Варшавы, и молодым коммерсантом, путешествующим в спальном вагоне «Норд-Экспресса», нет ничего общего.

— Achtung! Achtung!

Симон вскочил с постели. Не сон ли это?.. «Снова надвигается нечто ужасное!» — мелькнуло у него в сознании. Но голос, доносившийся, казалось, из потустороннего мира, вновь крикнул:

— Achtung!

Симон побледнел. По телу его прошла судорога. Колени дрожали. Острая боль поднималась вдоль левой руки и парализовала суставы. Он хотел закричать, но крик, казалось, застрял в горле. Симон задыхался. В глазах у него помутилось, из них брызнули слезы. Все смешалось вокруг.. Кто-то стучался в дверь купе. Симон хотел подойти, но не мог сдвинуться с места. За дверью настаивали. Он не в силах был шевельнуть рукой. Ему казалось, что кто-то схватил его за горло и пытается задушить. Выпученные глаза его готовы были вылезти из орбит.

— Die Tür geht auf, bitte... Die Tür!..²

Последняя судорога, длительная и болезненная, встряхнула все его тело. Затем Симон рухнул, как сраженный молнией..

Когда немецкие таможенники силой открыли дверь купе, Симон лежал на полу. Врач объявил, что Симон Кловский скончался от сердечного приступа. Узнав это, славянская танцовщица потеряла сознание.

¹ Внимание! (Нем.).

² Откройте дверь, пожалуйста!.. Дверь! (Нем.).



И. Мухадзе

ПОГОВОРИМ О ЧАЕ...

ОЧЕРК

I

На автостраде Прага — Берлин мы остановились позавтракать в небольшом ресторане. Мы — это трое китайцев, двое корейцев, болгарка, чех и я. Официант спросил: «Что заказать — кофе или чай?» Семеро из нас выбрали чай. Китайцы добавили: «Если можно, грузинский чай». Тогда мне показалось, что это дань безграничной китайской вежливости...

Цзин Ио — литератор, член главной редакции Пекинского радио, улыбнулся и, прибегнув к помощи свободно владеющего русским языком студента Гуан Дин-хуа, принялся знакомить нас с мудростью древнего китайского философа:

«Чай (или, как произносят китайцы, «тцай не», что значит молодой листочек) есть растение необыкновенно полезное; кто его употребляет, у того духовные потребности будут чисты и светлы. Правители и сановники его высоко уважают; простой народ — бедняки и нищие равно не могут обойтись без него. Чай удаляет все недуги, прогоняет сонливость; головная боль уменьшается и излечивается.

Чай усиливает дух, смягчает сердце, удаляет усталость, пробуждает мысль и не позволяет поселиться лени, облегчает и освежает тело и проясняет восприимчивость».

Как хорошо сказано о чае! Его пьют везде. Им утоляют жажду геологи в нестерпимо раскаленных песках, согреваются охотники на полярных стойбищах. Чай входит в обязательный паек альпинистов, штурмующих вечные ледники, моряков, бороздящих моря и океаны, чабанов, кочующих с отарами на Черных землях, солдат, охраняющих нашу мирную жизнь.

Русский человек заварку льет из маленького чайника на донышко стакана и основательно разбавляет кипятком. Кла-

дет сахар и лимон. В Якутии, Калмыкии, Туве от чайного двухкилограммового кирпича отрубают куски, бросают в котел с кипящей водой, обильно заправляют бараньим жиром, молоком, солью, перцем. В Средней Азии признают натуральный настой зеленого цвета, очень горячий и в такой же мере терпкий.

Когда теперь мы спрашиваем в магазине чай, продавец осведомляется:

— Какой возьмете? Есть грузинский, краснодарский, азербайджанский.

Да, чай выращивают у нас в трех республиках. Но Грузия остается, и, верно, это надолго, основным районом чаеводства, его направляющим центром. И только ли для нашей страны?

...Начиналась посадка на самолет Москва — Пекин. Внезапно перед пассажирами извинились, попросили повременить...

Тем временем к трапу приближалась живописная процессия. Работники грузовой службы Внуковского аэропорта бережно, на вытянутых руках, несли сорок широченных глянцевого-зеленых чайных кустов. Всего несколько минут назад их доставили из Батуми специальным рейсом... Черной краской на белой марле было написано: «Китай, исследовательский институт по чаю Академии сельскохозяйственных наук. Провинция Дзи-Дзянь, город Ханчжоу. Отправитель: Грузинская ССР, поселок Чаква, филиал Всесоюзного научно-исследовательского института чая и субтропических культур».

А давно ли?.. Также в разгар лета, только семь десятилетий назад, в Батуми из Шанхая морским путем прибыли чайные кусты. Их сложили во дворе таможи и, полив, в целях дезинфекции, крепким раствором хлорной извести, начисто их истребили. На следующий год сюда доставили новые саженцы, на этот раз вместе с солидным запасом китай-

ской земли, и все это поместили в громадной оранжерее в Чакве.

Теперь кусты совершали путь из Чаквы в Китай. Это были селекционные, гибридные сорта, выведенные академиком Ксенией Бахтадзе. В полном соответствии с эпохой, они летели на «ТУ-104» и, самое главное, обладали заранее заданными им качествами.

Так что же, круг замкнулся? Кусты пришли из Китая и вновь отправились в Китай!. Да, но это — только частица правды.

В только-только вышедшей в русском переводе книге пекинского профессора Чжуань Вань-фаня «Культура чая» есть строки: «Громадные успехи СССР в области развития чаеводства являются для нас наглядным примером. Сегодняшний день Советского Союза является нашим завтра. Мы хотим твердо идти по пути советских чаеводов и учиться у них».

Глава делегации индийских чаепромышленников по приезде в Анасеули заявил, что табличку на дверях Научно-исследовательского института обязательно надо заменить. А еще лучше у въезда, на высоком холме, написать: «Мировой центр науки о чае».

Мы все чаще употребляем слова — «впервые в мире»: первая в мире чаеуборочная машина... первая в мировой практике поточная линия по производству байхового чая...

Да, впервые в мире и — для всего мира. То, что делается в Грузии — на чайных плантациях, на чайных фабриках, в научных лабораториях, — это делается и для Азербайджана и Краснодарского края, и для Китая, для всех мест, где под горячим солнцем зеленеют чайные кусты и приготавливают чай — черный, зеленый, желтый, красный, в легко уместяющихся на ладонях пачках, в изящных металлических коробочках и в кирпичках — в два или три килограмма.

И не в противоречие с вышесказанным, а в полном соответствии с ним, надо по очень большому счету поговорить об имеющихся упущениях, конфликтах и даже — о консерватизме!

2

Ксения Махарадзе, председатель колхоза села Квенобани, Борис Качеишвили, председатель села Ганахлаба, Илья Сихарулидзе, начальник инспекции по сельскому хозяйству при Чохатаурском райисполкоме, обратились к конструкторам с открытым письмом.

«В нашем районе, — пишут они, — под чаем занято более 1.800 гектаров, причем около сорока процентов этой площади расположено на склонах крутиз-

ной до пятнадцати градусов. И все работы по уходу за плантациями наши колхозники ведут вручную, в лучшем случае с помощью живого тягла.

Нам могут возразить, что проблема столь трудоемкой работы, как подрезка кустов, в той или иной степени разрешена, но работаем мы часто вручную. У нас в районе имеется шесть машин ЧУГ-1,6, но на плантации выходят, и то с грехом пополам, лишь две. Эти машины — старого образца, они быстро изнашиваются, ломаются, запасных частей к ним не достать. Кроме того, они совершенно не приспособлены для работы на склонах, а у нас это требование имеет первостепенное значение.

Мы подсчитали, что в среднем на уход за гектаром чайной плантации требуется пятьсот человеко-дней. Разумеется, мы не собираемся требовать от работников промышленности, чтобы все процессы — перекопка почвы, ремонт дренажной и оросительной сети, внесение удобрений, мотыжение, борьба с вредителями и болезнями — были полностью механизированы. Но создать машины для культивации, подрезки, фумигации, внесения удобрений они обязаны, причем в ближайшее время. Механизация только этих работ позволит сэкономить на каждом гектаре до ста человеко-дней. Сто восемьдесят тысяч человеко-дней по району! А если будет механизирован и сбор листа, то количество высвобожденного ручного труда достигнет астрономической цифры. На сбор листа, известно, уходит шестьдесят — шестьдесят пять процентов годовой потребности в рабочей силе.

Ведь что получается сейчас? В самую горячую пору — в мае-июле — совпадают по срокам такие работы, как сбор чайного листа, культивация плантаций, культивация и мотыжение кукурузы, лечение виноградников. То же самое происходит и осенью. И, конечно, колхозы не могут полностью обеспечить выполнение этих работ в лучшие сроки.

За семилетку в колхозах нашего района предполагается заложить шестьсот гектаров новых чайных плантаций. Эта цифра вызывает досаду. Ведь только в колхозе имени Кирова села Букнари имеется возможность (по площади) заложить восемьсот гектаров новых плантаций! Но возможность эта пока что неосуществима. То же самое можно сказать и об урожайности. Ее мы обязались поднять к 1965 году до 3.160 килограммов. Если же механизировать работы в чаеводстве хотя бы наполовину, то наши колхозы могли бы собирать с гектара в среднем четыре тысячи килограммов листа».

Письмо это хочется чуть дополнить.

В 1921 году, в первое лето после победы Советской власти в Грузии, в республике было собрано пятьсот девяносто тонн чайного листа. В мае-июне 1959 года колхозники одного лишь Махарадзевского района отправили на чайные фабрики без малого четырнадцать с половиной тысяч тонн сортового листа. Таким образом, почти каждый колхоз района вырастил намного больше чая, чем вся республика в 1921 году! И это далеко не предел, скорее — исходный рубеж, откуда продолжается подъем. Обязательства чаеводов на первый год великого семилетия — сто сорок тысяч тонн листа. На 1965 год — двести тысяч тонн. Об этом было заявлено с трибуны XXI съезда.

Возьмем листок бумаги, карандаш и произведем несложный арифметический подсчет. Средняя норма сбора — двадцать пять килограммов сортового листа в день. Стало быть, урожай 1965 года — двести тысяч тонн — потребует восьми миллионов человеко-дней! Единственный вывод: необходима чаеуборочная машина!

Но не стучимся ли мы в уже открытые двери? Разве в 1957 и 1958 годах на плантациях Лайтурского совхоза, некоторых колхозов Махарадзевского и Зугдидского районов не работали чаеуборочные машины? Помнится, в печати были положительные отзывы. Говорилось даже о скором запуске машины в серийное производство...

Как ни преувеличены были эти восторги, все-таки первая в мире чаеуборочная машина создана. Она работает, но ее «механические пальцы» еще мало разборчивы, чудесная способность «видеть и осязать» порой их покидает. Механическим пальцам особенно трудно приходится в глубине куста, где часто таятся нежная почка и драгоценные, подернутые белыми ресничками, чуть просвечивающие на солнце, листочки.

Надо надеяться, что в ближайшее время конструкторы устранят недостатки, и чаеводы получат машину, способную обеспечить сбор хотя бы восьмидесяти процентов листа. Но, как отмечает доктор сельскохозяйственных наук М. Дараселия, чаеуборочная машина ЧУ-1,6 (с), над конструктивным улучшением которой сейчас работают специалисты, может обслуживать лишь весьма ограниченные площади чайных плантаций. Сложность рельефа, большая пестрота в размещении растений требуют создания и других, облегченного типа, чаеуборочных машин...

Но и это — не самое главное. Допустим, что желанное свершилось — и машина, созданная в Специальном конструкторском бюро по чайным машинам, в состоянии собирать восемьдесят процен-

тов листа. Но ведь лист, снятый машинами, по качеству существенно уступает тому, который сдают сборщицы, и оценивается минимум на полбалла ниже! Из такого чая «Букет Грузии» не выпустить.

Участники экономической конференции треста «Чай-Грузия» назвали вещи своими именами: «Механизация уборки экономически мало эффективна. Объясняется это тем, что проблема не решается комплексно. Есть чаеуборочная машина, но нет машины для сортировки листа механизированного сбора. А без такой машины невозможно получить доброкачественную чайную продукцию. Надо, чтобы научно-исследовательский институт чайной промышленности, не откладывая, энергично взялся за решение этой проблемы».

Директор этого института Давид Романович Панцхава восемнадцать лет был начальником «Главчая» в Москве. Давид Романович в курсе всех проблем и противоречий, в немалом количестве накопившихся в чайном деле. Этот опыт и пригодился Панцхава, когда перебрался он из Москвы в Анасеули — место хотя и не столичное, но бесспорный центр чайной науки.

Еще в 1957 году, как только чаеуборочные машины сняли в Лайтурском совхозе первые десятки килограммов листа, на опытной фабрике института начались поиски новой технологии, новых приемов переработки. Одновременно создавалась и специальная сортировочная машина, с тем, чтобы довести отходы, или, как говорят специалисты, некондиционные примеси, до приемлемых, экономически оправданных размеров.

Были неудачи, были отступления. Снова и снова приходилось возвращаться к началу. И все-таки в заключительном отчете Панцхава имел право написать: «Переработано шестьдесят две тонны листа, собранного машинами. Переработка велась по новой технологии. Качество ни в чем не уступало чаю из листа ручного сбора».

...Нам думается, Давид Романович, что теперь, наверное, надо по секрету подсказать чаеводам: в Анасеульском институте знают, как обходиться с листом механизированного сбора, чай из него может быть совсем не плохим! Не теряйте времени, требуйте от конструкторов, научных работников, руководителей Совнархоза, чтобы общими усилиями первая в мире чаеуборочная машина всерьез пришла на плантации. Не для восторгов, а для работы. Иначе обещанный урожай 1965 года — двести тысяч тонн листа — потребует восьми миллионов человеко-дней.

Было время, и не так, чтобы очень давно, когда выполнение плана чайными фабриками основательно зависело от усердия... солнца. Светило полностью отвечало за завяливание листа — один из самых существенных процессов приготовления черного байхового — рассыпчатого чая. Какую-то лепту должен был вносить и ветер. А дождь старался все испортить. Все это называлось — естественное завяливание.

Чайные фабрики с большой для себя выгодой перешли на искусственное завяливание. Теперь эту работу несравненно лучше, дешевле и быстрее — всего за два-три часа выполняют многоярусные завялочные агрегаты технолога Мардалеишвили.

Но всегда ли трест «Чай-Грузия» так похвально чувствителен к требованиям времени?

Республиканское совещание работников чайной промышленности, лето 1959 года... Слово просит директор Гуриантской фабрики В. Такидзе. У фабрики добрая слава. В минувшем сезоне она выработала много чая высших сортов — «Букет Грузии», «Экстра», получила солидную сверхплановую прибыль. О чем же говорит Такидзе? «Показатели эти могли быть намного лучше. Но фабрика оснащена устаревшим оборудованием. В роллерном цехе, например, 60 процентов работ приходится выполнять вручную. Во время массового поступления листа мы вынуждены сокращать технологический режим скручивания флешей, что, конечно, отражается на качестве продукции».

Радости не выражает и директор Качарской чайной фабрики Л. Гогуа: «Почти все трудоемкие процессы у нас выполняются вручную. Технологическое оснащение проводится слишком медленно, непродуманно. Трест «Чай-Грузия» должен проявить больше инициативы, хозяйской заинтересованности».

Сочувственные реплики из зала. И немного спустя — интервью управляющего трестом тов. А. Хуродзе.

«Уже в 1960 году фабрики получают фиксационные машины Ащияна—Ломинадзе», — призывает восторгаться расторопностью треста его управляющий. А правды ради, надо бы повиниться, ибо машины эти сконструированы несколько лет назад. И если бы Анасеульский институт и трест «Чай-Грузия» проявили больше настойчивости в деле совершенствования конструкции первых экземпляров этих машин, то она была бы внедрена в производство намного раньше.

Ведь это в полном смысле чудо-машины! На фабриках зеленого чая, где озабочены тем, как бы оградить от окисле-

ния танин, придающий кок-чаю терпкость, цвет и вкус, — все, за что безмерно почитают его в Средней Азии, — самой тяжелой и очень трудоемкой работой является пропарка флешей и их сушка в специальных печах, громоздких и капризных. Конструкторы Ащиян и Ломинадзе — тогда оба они работали в Анасеули — предложили машину, за две минуты выполняющую работу пропарочных агрегатов, сушильных печей и обслуживающих их людей. Эта машина названа фиксационной потому, что закрепляет, фиксирует, как говорят технологи, удобные человеку качества зеленого листа.

На экономической конференции в тресте «Чай-Грузия» говорили, что в первый же год работы каждая фиксационная машина сэкономит не менее двух миллионов рублей. А если двенадцать чайных фабрик, вырабатывающих зеленый чай, заменят пропарочные аппараты и сушильные печи фиксационными машинами, то без всяких затрат на капитальное строительство они сумеют дополнительно переработать четыре с половиной — пять миллионов килограммов листа. Это мощность двух фабрик!

Фиксационная машина вместе с созданным в Анасеули роллером непрерывного действия и составили основу первой в мире механизированной поточной линии (в Ланчхути). Все хлопотливое и точные работы по изготовлению чая, в данном случае зеленого, — на поток, на единый конвейер! Это настолько важное дело, такой скачок вперед, что совсем ничего не надо приукрашивать, «улучшать». Что, кроме раздражения, протеста, может вызвать у сотрудников Анасеульского института, вовсе не имеющих отношения к автоматике, сообщение Грузтага, будто «ими автоматизирован выпуск зеленого байхового чая» и «создана автоматическая линия по выпуску черного байхового чая». Совсем уж выдумка, что «в этом году на четырех чайных фабриках Грузии будет внедрена комплексная механизация и автоматизация производства зеленого и черного чая».

Покуда остается невыполненным намерение, несравненно более скромное и вполне реальное. В сентябре прошлого года представители Совнархоза Грузии, треста «Чай-Грузия» и Анасеульского института охотно подписали протокол: «К сезону 1959 года перевести на поточную линию производство зеленого байхового чая на Ланчхутской и Натанебской чайных фабриках». Позднее Натанебской фабрике предпочли Набакевскую. Известно: чайные фабрики начинают сезон в мае. Сейчас август. Дело не доведено до конца даже в Ланчхути. Вот и хочется спросить — по большому сче-

ту! — если механизированная поточная линия хороша, если за весь прошлый сезон к ней не предъявляли никаких маломальски существенных претензий, то почему дело не доведено до конца? Топтание на месте никогда не считалось добродетелью.

Невольно возникает подозрение, не имеем ли мы дело с техническим консерватизмом? Вот еще пример, это подозрение подтверждающий. Не с прошлого и не с позапрошлого года известно, что небольшое изменение режима работы чаesuшильных печей делает излишней вторую сушку полуфабриката. Преимуществ несколько: качество чая улучшается, производительность труда значительно увеличивается, расходы на топливо и электроэнергию ощутимо сокращаются. Кто-нибудь это оспаривает, доказывает обратное? Нет, никто. Но и нет приказа или хотя бы радиogramмы — к ним трест очень охотно прибегает во многих случаях, — вменяющих фабрикам в обязанность такое изменение ввести в практику.

4

Давид Панцхава показал мне снимок. На нем изображена поточная линия для производства черного байхового чая. На опытной фабрике института линию можно посмотреть в работе: ее испытывают.

Все интересно и во многом необычно. Транспортер забирает в четырехрусном хранилище лист и подает его на второй этаж — бункер завялочного агрегата Мардалишвили. Примерно два часа спустя лист становится податливым, эластичным, зеленая краска блекнет, начинает преобладать желтый цвет. Можно приступать к скручиванию. Транспортер доставляет лист на первый этаж — в зал роллеров непрерывного действия; по имени изобретателя их называют роллерами Шарковского.

Дальше на поточной линии — механизмы, пробуждающие ферменты. В свежем, только доставленном с плантации, листе ферментов совсем немного: три четверти занимает вода, шестнадцать — восемнадцать процентов — танин, а уж остальное по-братски делят кофеин — возбуждатель нервной системы, эфирные масла — источник аромата и ферменты — создатели цвета и настоя.

Кто бывал на чайных фабриках, знает: ферментационный цех — место мало привлекательное. Влажность воздуха — 95—98 процентов, под ногами — лужи воды. В небольших прямоугольных ящиках лежит, словно отдыхает, скрученный лист. Через четыре—пять часов помещение наполняется острым запахом свежих яблок, и лист становится медно-красным. Ферменты завершили свой труд.

Сразу за порогом ферментационного цеха почти готовый чай попадает в обжигающий раскаленный воздух. На этой резкой перемене температуры все и строится. Жара обрывает дальнейшую уже ненужную, работу ферментов, уничтожает дрожжи и вредные микроорганизмы.

На поточной линии нет ни таких ферментационных цехов, ни таких сушилок. На потоке стоит механизированная ферментационная камера с влагомером. Заданный режим строго поддерживается. По соседству — также механизированная сушильная печь. Обслуживают весь поток всего три человека — техник, механик и электрик.

Наблюдать за работой этой опытной линии, частично изготовленной руками самих научных сотрудников, — большое удовольствие. Я поблагодарил Панцхава и, никак не ожидая, что это омрачит его настроение, спросил, какую линию испытывают на Драндской чайной фабрике представители Горийского научно-исследовательского института автоматизики?

— Не знаю, — недовольно бросил в ответ Панцхава. — Это меня не касается.

— Так ли, Давид Романович?

— Ну что я могу сказать? Горийский институт по нашему заказу работает над автоматизацией поточной линии Ланчхутской фабрики. Автоматы призваны соблюдать технологический режим. При малейшем его нарушении сигналы пойдут на пульт управления, произойдет переналадка. Справляются горийцы хорошо. Кстати, все расходы по автоматизации окупятся в первый же сезон работы... А что там, в Дранда? Мало ли кто чем увлекается!

...Утром следующего дня я был в Дранда, на чайной фабрике. Несколько молодых научных сотрудников из Горийского института «Автоматпром» и заведующий кафедрой оборудования пищевых предприятий Грузинского политехнического института имени Ленина Александр Какалашвили хлопотали вокруг... пока скажем: поточной линии.

По соседству с завялочным агрегатом высилась какая-то машина, напоминающая огромную мясорубку.

— Что это?

— Роллер непрерывного действия системы Какалашвили. Предполагается, что он в два — два с половиной раза производительнее машины Шарковского. Цилиндр и ротор, вопреки обычному, крутятся. Управление задумано релейное, с пульта.

— Не такое ли, как на фабрике в Ланчхути?

— Возможно, есть общее.

— А что заменит на потоке ферментационный и сушильный цехи?

Ответ был уклончивый. Главное — роллер и автоматическое управление.

Сразу вспомнилось, что роллер Шарковского создавался, переделывался, совершенствовался более десяти лет. Когда изобретателю приходилось особенно трудно, новые, лучшие решения искали коллективно, сообща черпали из огромного опыта института. Иначе какой же это научно-исследовательский институт!

Почему же сейчас от этого верного принципа отказываются? Откуда это подчеркнутое безразличие со стороны такого по-хорошему беспокойного человека, как Давид Панцхава? Ведь не исключено, что увлекательные расчеты Какалашвили подтвердятся, что роллер его конструкции окажется намного производительнее, лучше?

То, что делает группа Какалашвили по автоматике, — совсем прямая помощь Анасеули. Без Горийского института поточные линии никто не автоматизирует. Это так же бесспорно, как и то, что в Дранда не создают поточную линию в противовес, в конкуренцию Анасеули. Черным кошкам бегать совсем не к чему...

5

Сомнение в целесообразности постройки еще пятнадцати фабрик по старой технологической схеме и в таком количестве впервые возникло на экономи-

ческой конференции в тресте «Чай-Грузия».

Принципиальное требование к новым фабрикам: все производство чая на поток, автоматика и работа не в течение недолгого сезона, а хотя бы десяти месяцев в году.

Почти шестьдесят процентов производственной площади чайных фабрик (138.912 квадратных метров) не используется двести пятнадцать дней в году.

И тут же, рядом с чайными фабриками, чуть ли не девять с половиной месяцев в году стоят на замке так называемые паковочные заводы. Вторую половину ноября, декабрь и январь они занимают приемкой от колхозов цитрусовых плодов. Может быть, будет полезным (надо это обсудить) поручить чайным фабрикам — благо к ноябрю у них сезон заканчивается — заготовку, сортировку и упаковку мандаринов, апельсинов, лимонов, осенних яблок, груш, ореха, сушку субтропической хурмы, фруктов, заготовку и отправку благородного лавра и, конечно же, подготовку сырья и само производство кофеина. Правда, чайные фабрики подчинены тресту «Чай-Грузия», паковочные заводы — «Цекавшири», но известно, что ведомственные рогатки в ряде случаев убираются довольно успешно.

Это лишь то, что само напрашивается, что, как говорится, носится в воздухе.

Ланчуги, Анасеули, Дранда.



Поммастера Шота Магулария

ОЧЕРК

Он неторопливо шел между двумя рядами станков. Затихшие после гудка на перерыв станки, казалось, отдыхали, как люди. Он словно чувствовал их молчаливое одобрение своим затаенным мыслям и невольно шаг его делался четче. Впрочем, дело было, конечно, только в том, что Шота Магулария за пять лет работы в цеху не просто привык, а крепко привязался к этим послушным, умным и ловким механизмам и, как это всегда бывает, наделял живую душой машины, с которыми привык делить свой труд.

Надо было пройти мимо станков к выходу из цеха, затем миновать коридор и, поднявшись по лестнице на второй этаж, сделать еще десяток шагов к хорошо знакомой двери. Нехитрый путь. Он отнимал максимум две—три минуты. Но за этот крошечный промежуток времени Шота Магулария передумал о многом.

Нет, он не взвешивал заново принятое накануне решение и не колебался. Он просто испытывал радостное и легкое чувство приподнятости, которое приходит к человеку, когда ему предстоит начать новую хорошую, светлую страницу своей жизни. И гордясь этим ощущением душевного подъема, внутренне готовя себя к тому, чтобы сказать людям о решении, которое пока еще было только его достоянием, Шота невольно возвращался в мыслях к вчерашнему, позавчерашнему дню и дальше назад...

Он пришел на Тбилисский камвольно-суконный комбинат осенью 1954 года. Новый костюм сидел на нем ловко, как военная форма, движения были точны и рассчитаны, — и в отделе кадров спросили:

— Демобилизовались недавно?

— В прошлом месяце. Танкист, механик-водитель...

— Что же для вас подыскать? Специальности у нас такой нет. Нам нужны люди, знающие станки.

— Что ж, — улыбнулся Шота. — Я буду знать станки.

Он поступил учеником в ткацкий цех и через шесть месяцев получил звание помощника мастера. В бригаде под его началом было двенадцать станков и четыре ткачихи. Прошло время. В начале

минувшего года станков стало шестнадцать, а работниц — шесть. Они понимали друг друга с полуслова — помощник мастера и его бригада. И когда развернулось в стране движение борющихся за звание коллектива коммунистического труда, в двенадцатой бригаде ткацкого цеха не было долгих разговоров.

«Жить и работать по-коммунистически!» — этот девиз осветил будни бригады Шота Магулария. А в коротких, как призыв, фразах жили конкретные, деловые задачи:

— не должно быть ни одного отстающего в бригаде: выполнение плана — общее дело, значит, один за всех и все за одного;

— каждый должен овладеть второй специальностью;

— «образовательный ценз» членов бригады — не ниже средней школы;

— выполнение месячного плана не меньше, чем на 110 процентов.

Двенадцатая бригада уверенно шла в ряды передовых. Круто взлетала вверх кривая выполнения плана: июнь — 115,4 процента, июль — 126,9... И радуясь профессиональному и духовному росту своих подопечных, он замечал, что и сам растет вместе с ними.

Жизнь наша мчится вперед на могучих крыльях семилетки. В бытие советских людей вошел благородный почин Героя Социалистического Труда Валентины Гагановой. Шота Магулария восхитил поступок ткачихи, но он принял его, как должное, и, оценив его глубокий общественный смысл, сам пристальнее взгляделся в окружающее.

Не было необходимости в долгих размышлениях: грустную славу «безнадежной» приобрела на комбинате одиннадцатая бригада. Здесь цифра выполнения плана держалась ниже ста процентов с удивительной стабильностью. Здесь часто выходили из строя станки. Здесь медлительностью и неловкостью отличались руки ткачих, а сами они горько переживали безуспешные попытки найти общий язык друг с другом.

Говорили разное:

— Станки не годятся.

— Это разве бригада? Собралась компания: одна к одной разини.

— Поммастера мух считает.

Шота, припомнив все это, сказал себе:

— Нет. Станки хорошие, новые, точно такие, как у нас. Девушки? Хорошие девушки. А поммастера? Видимо, дело в организации труда, в сплочении бригады...

Вечером, дома, он взвесил: сейчас, в двенадцатой бригаде, его месячный заработок — около 1800 рублей. Если работать в этой, отстающей, то получится на 300—400 рублей меньше. Что ж, жить можно. И не все время же будет так...

Еще одно — этим летом собирался сдавать экзамены в политехнический институт. Выйдет, если взять на себя руководство «безнадежной»? Вряд ли. Почти наверняка — нет. Ведь ясно: одна из главных причин развала в бригаде — это взаимная отчужденность девушек. Каждая живет и работает сама по себе, никому нет дела до соседки по станку. Надо их спаять, сдружить. Для этого — в кино, на вечера, на прогулки — вместе. Значит, времени для занятий почти совсем не останется, и тогда наверняка «плакало» в этом году поступление в институт.

Наконец, что скажут свои — из двенадцатой бригады, борющейся за звание коллектива коммунистического труда? Изменил, бросил на половине пути? Вышел из борьбы? Нет, они поймут, а пропасть — не пропадут, еще и сами воспитают нового поммастера.

Все это вновь промелькнуло в голове Шота, пока он проходил короткий путь от цеха до знакомой двери. И, деловитый, спокойный тем особым спокойствием, за которым прячется предельная взволнованность, он вошел в комнату партийного комитета комбината.

...Так Шота Магулария, перейдя из передовой бригады в отстающую, стал одним из первых в Грузии последователь почина, который породила сама советская жизнь.

На комбинате — не одна сотня людей. Сто человек — это уже очень много, и далеко не каждый из них знает другого в лицо. О Шота Магулария заговорили все: одни — восхищаясь бескорыстием его шага, другие, более дотошные, — пытались найти в нем, в его облике, характере, прошлом нечто особенное, отличающее его от остальных. Так бывает: человек живет рядом с нами и делает свое маленькое или большое дело. Мы оцениваем его мерой нашего к нему отношения: симпатизируем, не принимаем, просто не замечаем. Но вот в веренице будничных своих дел и поступков он совершил шаг, который сразу приобщил его к большому, главному для всех,

для страны, народа, и тогда — подавай нам «особые приметы». В них мы пытаемся отыскать закономерность, которая привела человека к подвигу, к подвигу в широком смысле этого слова. Эту закономерность мы ищем в редких, необычных чертах — и почти всегда ошибаемся.

У Шота Магулария — самая обыкновенная биография.

В Тбилиси, неподалеку от стадиона «Динамо», есть уютная тихая улочка. Здесь Шота рос, отсюда бегал во вторую среднюю железнодорожную школу, отсюда начал ходить на работу.

Он всегда был застенчив, скромн и упрям. Окончив девять классов, Шота заявил:

— Начну работать.

— Будь благоразумен, сынок, — уговаривала его мать, — разве ты хочешь остаться неучем? Учись, получай образование. Слава богу, обойдемся и без твоего заработка...

Но Шота, как всегда, настоял на своем:

— Буду работать. И учиться. В вечерней школе.

Упрямая пытливость — что к чему? — и непреодолимое тяготение к власти над могучими, умными механизмами привели Магулария после службы в армии на Тбилисский камвольно-суконный комбинат. А вот теперь свойственное ему стремление приводить все в порядок (иначе он просто не умел относиться к делу) заставило взвалить на себя заботу об отстающей одиннадцатой бригаде.

Но обо всем этом помощник мастера не думал в тот день, когда шел на комбинат, чтобы принять руководство отстающей одиннадцатой бригадой. Его занимал вопрос сугубо делового характера:

— С чего начать?

Сложилось четкое решение: с того же, с чего начинал каждый свой трудовой день в прежней бригаде. Прежде всего, внимательно осмотрел станки. Оказалось, что они нуждаются в тщательной, кропотливой наладке.

Шота принялся за дело. К приходу ткачих он успел далеко не все, но работа ждать не могла, и первый день в новой бригаде начался.

Магулария не затеял «душевного» разговора с ткачихами, не стал беседовать с ними о предстоящих сдвигах в бригаде. К чему? Всем было все ясно. Предстояло работать и работать. Ткачихи, однако, поглядывали на нового бригадира с любопытством: как же — человек пришел перевоспитывать их, с чего же он начнет?

Но помощник мастера, казалось,

вообще не собирался заниматься их перевоспитанием. Он неторопливо прохаживался между станками, молча и быстро ликвидируя дефекты в работе, внимательно приглядываясь к девушкам. И вот, сами того не замечая, ткачихи стали приобретать сосредоточенность, ритмичность движений, работать более споро и аккуратно. Нельзя иначе: бригадир — вон какой зоркий, чуть что — он на месте, неудобно все-таки самим работать спустя рукава.

Однако бежит-торопится стрелка стальных часов — время не ждет, времени наплевать на капризы механизмов, а он? Мелочь — исправь ее наспех и гони работу! Он же, словно забава ему здесь, не спеша, «капитально» устраняет помеху. А время — летит, время — не ждет, что же он, не понимает, что ли?!

Но порядок есть порядок. Помощник мастера — старший, и спорить не время.

Будто не замечает бригадир косых, недружелюбных взглядов девушек: невозмутимо, неторопливо делает свое дело. В ткацком цехе, когда десятки станков в полный голос поют свою рабочую песню, не очень-то поговоришь. Здесь люди привыкли работать молча.

Поммастера, ни на кого не обращая внимания, держит «свою линию». Время летит, а станки набирают минуты простоя...

В конце дня — итог: одиннадцатая бригада выполнила план на 87 процентов. Дерзкий голос высоко пропел за спиной бригадира:

— До-ожили!

Он неторопливо обернулся:

— Ну, кончили день? — улыбнулся. — До завтра, девчата!

Ровным шагом пошел из цеха, провожаемый недоумевающими взглядами.

...И точно так же начался второй день. Молчат ткачихи, сердито покалывают взглядами широкую спину поммастера: все так же ведь не спешит! Ему хоть бы что. Прогуливается у станков, дергает рычажки, ловко подталкивает нить, колдует свое. Только все реже замирает челнок (станки — автоматические, порвется нить — сам по себе смолкает грохочущий голос), и веселеют лица девушек.

Покрыл, оборвал шум станков густой бас гудка: перерыв.

— Минутку, девчата. Давайте — поближе ко мне!

Ткачихи (их всего шестеро в бригаде) с откровенным любопытством ждут: что же он скажет, этот молчальник?

— Вот что скажу. Вчера, небось, злились, думали: что это поммастера не замечает, как время идет? Ну, не хитрите, знаю — думали. Что ж, сегодня работа идет лучше? Вот и выходит: потратишь

на станок минуту, сделаешь кое-как — проработает без наладки полчаса. Не пожалеешь пяти минут — будет работать день. Ясно?

Широко блеснули в ответ улыбки.

— А теперь пошли в столовку. Все вместе. И всегда — все вместе.

Сбоку чей-то насмешливый голос:

— А в кино тоже со мной вместе пойдешь, бригадир?

— Обязательно пойду. — У Шота очень серьезный вид, но в глазах прыгают веселые искорки. — Только не с тобой одной — еще женишь потом. Все вместе пойдем.

На третий день работы с новым помощником сменного мастера одиннадцатая бригада впервые за много недель выполнила дневное задание на 103 процента. Это была уже победа. А меньше чем через три недели в графе показателей появилось число 114.

Не так легко и просто это делалось, как может показаться, если судить по одной лишь победной поступи цифр: 87... 103... 114... 118 процентов.

Когда Шота Магулария поступал на комбинат, чтобы стать помощником сменного мастера, его предупредили:

— Поммастера обязан держать в порядке станки. Это... во-вторых. Да, не удивляйтесь, во-вторых. Первое и главное — научиться работать с людьми.

Ту часть знаний помощника мастера, которая была названа «во-вторых», Шота освоил за полгода. С людьми же он учился работать все время, учится и сейчас.

В один из первых дней работы с «безнадежными» уловил как-то краем глаза: у Любы Бестаевой почти одновременно остановились два станка. Метнулась девушка к одному, к другому, наконец, отдала предпочтение все-таки первому, принялась поспешно связывать нить... А второй станок все это время стоял, и лежал себе на боку челнок, и чинно, рядышком отдыхали нити основы, и летело время... и совсем рядом, спокойно следя за работой двух своих станков, стояла Лена Халиманова, равнодушно наблюдая за суетящейся подругой.

Пять минут простоя — десять-пятнадцать сантиметров сукна, которое могло быть соткано за это время.

Бестаева, наконец, управилась со станками. Шота подошел к Лене, приблизил губы почти вплотную к уху, прокричал сквозь грохот:

— Ты чего смотрела? У Любы — три минуты простоя!

Халиманова только плечом повела. Шота, как по-писанному, прочитал в этом жесте удивленное:

— Так ведь не мои же станки стояли... Хлоп! — и стал станок у Лены. Бросилась связывать нить — замер следом

второй. Теперь уже Бестаева в роли наблюдательницы. Не злорадство, не маленькая месть, нет! Просто и в голову не приходило, что это ведь так легко и просто — помочь подруге, а выигрыш во времени достанется всей бригаде.

Не стоит, пожалуй, рассказывать, какие слова и в каком тоне говорил ткачихам в перерыве бригадир. Но не так давно, когда Лена Чернышева сдавала экзамены в техникум, заботу о двух ее станках взяли на себя именно Люба Бестаева и Лена Халиманова. А прежде бывало так: по какой-либо причине не вышла на работу ткачиха — и, томясь в окружении хлопотливых собратьев, долгие часы простаивали ее станки.

Те же, что и раньше, механизмы работают в одиннадцатой бригаде ткацкого цеха, те же девушки трудятся. И тем не менее реже рвется нить, не часто смолкает ровный грохот, и не бывает дня, чтобы бригада не выполнила план. Споры нет, в этом — громадная заслуга Шота Магулария. Однако решает здесь нечто неизмеримо большее, — то, что вызывает к жизни поступки Гагановой, Магулария и других, подобных им.

Поэтому нет точки в нашем рассказе. Ведь он — о людях высокого, государственного взгляда на вещи. Живущие сегодня в мире отношений коммунистического завтра, эти люди шагают впереди времени.



Л. Каландадзе

О новых произведениях грузинской прозы

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

«В комнате было темно. Но при вспышках ракет в неприкрытые ставнями окна проникал мертвенно-бледный, зловещий свет. Когда в небе загоралась ракета, было видно, что валит снег. Снежинки кружились, словно белые бабочки, и медленно, будто нехотя, опускались на усталую, израненную и измученную землю. Свет угасал, и становилось темно, хоть глаз выколи.

Мальчик успокоился. Но вскоре я снова услышал его голос:

— Мама, разговаривай... Когда ты говоришь, в комнате уже не темно».

Картина нарисована просто, безыскусно. В ней нет вычурной красоты, нет и пустых, туманных мест. В ней все густо и плотно. Сколько трепета, сколько правды в наивной фразе ребенка! В ней — и навеянная ужасами войны, смутная, неясная тревога ребячьей души, и бесконечное доверие к матери, и жажда света в простейшем, первоначальном смысле этого слова, и ощущение животворности человеческих связей. Что из того, что, может быть, есть в литературе равная по силе картина с изображением таких же чувств! Здесь, в рассказе Георгия Натрошвили, чувства эти описаны столь непосредственно, они так органичны для ребенка, что картину эту нельзя не считать замечательной находкой писателя. В ней естественная художественная правда, верно замеченная и глубоко пережитая писателем. В этой глубине переживаний и заключается мастерство художника. Мне думается, что мы, критики, зря иногда берем на себя обязанность преподносить скучные уроки художественного мастерства. Мастерство — это, прежде всего, свойство таланта.

Вдохновенной художественной прав-

ды много в рассказах Георгия Натрошвили. Картина, о которой мы говорили выше, взята из его маленького рассказа «Ребенок», посвященного Великой Отечественной войне.

С фронта Отечественной войны Георгий Натрошвили привез рубцы от ран и новые произведения. Там, на фронте, начал писатель новую главу своей творческой биографии, там он нашел себя как новеллист.

Лично меня в его рассказах подкупает то, что они, если можно так выразиться, являются сугубо почвенными: не только превосходным, сочным грузинским языком, но и характерами, строем чувств и мыслей, колоритом и художественным материалом. Жизненный материал огромного большинства его рассказов взят из современной кахетинской действительности. Как видно, они особенно удаются писателю, далекому от всякой манерности и модного подражательства. Герои его рассказов — главным образом простые люди современной советской деревни... Однако сейчас я не ставлю себе целью рассматривать творчество писателя в целом. Здесь я хочу только задержать внимание читателя на одном его рассказе. Этот рассказ, по моему, во многом отражает творческое своеобразие писателя, его индивидуальный почерк. Кроме того, он примечателен и интересен своей морально-эстетической концепцией, идейно-художественными мотивами. Это — рассказ о судьбе одного старого кахетинского чабана — «Вновь весна на Иори».

Один из человеческих типов, постоянно вызывающий интерес грузинских писателей — это пожилой, умудренный опытом «на земле работник», не желающий сдаваться ни возрасту, ни горю,

ни болезни. Не будем углубляться в историю литературы, а вспомним хотя бы киачевские образы — Тариела Голуа, Алмасгира Кибулана, Бату Кардуа, Батакву и других. Можно смело сказать, что Лео Киачели создал вдохновенную художественную галерею, в которой эти популярные уже не только среди грузинского читателя старики были выписаны во весь свой могучий духовный рост и, что не менее важно, в этой галерее показана неразрывность их связей с поколениями — предшествующим и последующим.

Герой рассказа Г. Натрошвили — новый портрет в прекрасной художественной галерее, созданной грузинскими писателями, и портрет своеобразный. Да, Иорам стар. Стар и прост. Но какой смысл мы вкладываем в это слово? Что значит: простой человек? Если под простотой подразумевать бедность души, примитивность мысли, измельченность чувств и низость страстей, тогда излишне говорить о великих духовных качествах и благородстве простого человека. Но, конечно, такое отождествление неверно. Простота, как одно из человеческих качеств, оскорбительна и унижительна для ее обладателя, выражая она ложное представление о существовании какой-то непреодолимой качественной грани между людьми простыми и, так сказать, непростыми, позволяя она одному глядеть на другого свысока. Ленин, предсказав кухарке роль управителя государством, показал полную несостоятельность такого представления.

Однако нередко человеком того или иного высокого положения овладевает ложная иллюзия, подобная иллюзии шекспировского Лира, когда он свое особое общественное положение объясняет своей мнимой, кажущейся человеческой исключительностью. Наша эпоха лишает такие иллюзии почвы.

Вы читаете рассказ «Вновь весна на Иори» и видите, что Иорам, этот очень простой человек, не так уж и прост, как кажется со стороны, или каким он может представляться какому-нибудь верхогляду. Вы знакомитесь со стариком Иорамом и проникаетесь желанием сказать: «Эй, вы, люди! Перестаньте смотреть на людей, как на незначительные частицы громоздкой общественной машины. Каждый человек — это мир, целый мир!».

Хорошо, когда художественный образ становится настолько близким сердцу, настолько родным, что напоминает о чем-то близком, пережитом. Старый Иорам оживил в моей памяти одного очень близкого мне человека. Я был свидетелем последних минут его жизни. Он был чудесным плотником и хорошим земле-

дельцем, правдивым, честным, да и вообще, цельной личностью. Был он здоров и силен. — Никакой хвори, кроме насморка, за всю жизнь не помню, говорил он. Так и дожил этот знакомый мне старик до глубокой старости. Но вот однажды свалился и больше не встал. Это было в июне. Стоял прекрасный летний день, такой, о котором раньше говорили в Гурии: с неба миро капает! Небо в тот день было прозрачно и необозримо. Все было напоено солнцем и воздухом. А старику уже не хватало ни того, ни другого. Пять суток лежал он без сознания и только перед смертью пришел в себя на несколько минут. Сквозь открытые двери ему было видно поле, где колыхалась вторично прополотая кукуруза. Он, бросив на нее взгляд, заметил в одном месте слишком скученные ростки и, знаком подозвав к себе внука, сказал, отрывисто, тяжело дыша, что в том месте кукуруза плохо прополота и что необходимо ее проредить, тогда оставшиеся растения дадут хорошие початки. И — все! Через несколько минут его не стало.

Как будто ничего необыкновенного в его смерти не было. Однако я, ее свидетель, почувствовал с поразительной силой всю красоту и неподдающуюся старости вечную юность творческой души человека. О скольких подобных случаях приходилось мне слышать, сколько схожих картин описано в литературе. Но непосредственно виденное и пережитое вами выглядит совсем иначе. Всего несколько минут жизни вырвал этот старик из лап смерти, но и те минуты он посвятил делу: человек умирал, но свою дольку порядка все же вносил в природу, в жизнь. Как не вспомнить слова великого поэта:

Хоть не вечен человек,

То, что вечно, человечно.

Рассказ «Вновь весна на Иори» представляется мне поэмой, восхваляющей нетленность творческой души человека, его любви к труду, его совести и чести. Пусть эти человеческие свойства не так новы, скажем больше, пусть они стары, как мир. Кстати, не слишком ли часто мы говорим о новых человеческих качествах, и не правильнее ли вести речь о том, что в наше время, в нашей стране лучшие человеческие качества присущи подавляющему большинству населения? Новизна, в данном случае, заключается в месте, которое они, эти лучшие человеческие качества, занимают во взаимоотношениях людей нашего времени, в наших идейно-эстетических и моральных воззрениях, взглядах.

Видавший виды опытный чабан, некогда несравненный саркал и прево-

сходный хозяин бины (зимних помещений для чабанов) — старик Иорам не такой уж сложный человеческий характер. Наоборот, в его натуре сохранилась какая-то первозданная непосредственность: ему может показаться, что волк по-человечески беседует с волком, что волк, как и человек, спорит с собакой и угрожает ей. Но Иорам — человек труда, человек чести и совести, морально цельный, самоотверженный в деле и дружбе. Насколько сильно в нем чувство чести, говорит хотя бы то, что в молодости, оказывается, он даже пытался покончить жизнь самоубийством, когда лавина загубила его баранту и чабанов-побратимов, снесла их в буйные воды Алазани. Теперь Иорам — глубокий старик. Его образ, его человеческая сущность раскрываются перед нами в двух противоречиях. Одно из них — внутреннее, если можно так выразиться, психологическо-философское противоречие: человек труда жаждет заниматься любимым делом, но у него не хватает на это сил, в единоборство вступают старческая дряхлость тела и неиссякаемая юность души. Другое противоречие — порядка общественных отношений: этого исключительно честного, душой страдающего за народное дело и народное добро человека, в результате происков настоящих преступников, обвинили в краже и посадили на скамью подсудимых.

Оба противоречия, как видим, возможны и, следовательно, жизненны.

Проследим же, как они развиваются и разрешаются в рассказе.

Итак, у старого Иорама пылкое сердце, но силы не подстать ему. Иораму советуют идти на отдых. Что же в этом плохого?! Ведь все — и руководители колхоза, и сын, и невестка, и внуки желают Иораму только добра, все готовы окружить его старость заботой и уважением. В этом отношении ему не на что жаловаться и некого упрекнуть. Однажды сын увез его в город, но старик не усидел без дела, устроился сторожем на обувной фабрике. Но вот из закрытого цеха пропал кусок кожи. Не обнаружив вора, сторожа Иорама обвинили в пособничестве краже и предали суду. Когда его вели в суд, растерянный старик столкнулся с какими-то парнями, «дерущимися между собой и ничуть не тронутыми тем обстоятельством, что скоро будет осрамлена перед всем светом родная Кахетия». Это — маленькая деталь, а вся обстановка ясно вырисовывается перед нами. Мы ощущаем большую душевную травму Иорама, считающего, что его человеческое достоинство, его честь и совесть являются честью всей Кахетии, всего народа. И в са-

мом деле, разве есть какая-либо моральная ценность, которая не зародилась бы в сердце народа, не принадлежала бы народу? Ведь именно нравственная сила народа спасла Иорама от посрамления и унижения.

Хорошо передан эпизод суда. Эпизод этот силен не столько своим драматизмом, сколько смысловой нагрузкой. Особенно примечательно случайное присутствие на судебном процессе двух чабанов-кахетинцев. Кажется, будто именно они своей непосредственностью и простосердечием внесли в зал суда мощный свет совести и чести народа. «Иорам не слушал судью, его вниманием и слухом овладели чабаны, словно от них зависело решение его судьбы, словно в сгустившейся тьме засиял какой-то светлый луч». Чабаны узнали старика и удивились — что, мол, Иораму здесь делать. Узнали они и председателя суда — женщину, вышедшую из их среды — «дочку Михако Дзидзилашвили», которая «сама выросла в крестьянской мазанке», «...неужто она не знает, что саркал не укрыл бы воров?». Кто знает, попало ли семя на благодатную почву или оно само наливалось в сознании судьи. Во всяком случае народная вера и совесть оказались самым верным путем для утверждения правды. Иорама оправдали, и так разрешилось одно из противоречий его жизни. Можно, конечно, спорить о приглушении драматического ритма при его разрешении, но его глубина и верность бесспорны. Дело в том, как прочесть и понять его.

Те же чабаны не без упрека обратились к обрадованному Иораму: как, мол, ты можешь быть здесь, в городе, когда там овцы гибнут. Только это и надо было томящемуся бездельем старику. Он снова устремляется к берегам Иори! Ему, труженику, не до отдыха, он хочет участвовать в делах, которыми живет все общество, хочет работать, работать до конца своих дней.

Лишь немногого не хватает Иораму, не хватает как художественному образу — это всей своей жизнью внушить нам: настоящий человек тот, кому не дает покоя чувство ответственности за судьбы людей, за подлинно человеческий уклад жизни, за красоту мира, за все хорошее и плохое, что в нем происходит.

Иорама почти насильно возвращают в деревню, в свою усадьбу. Но отдых приносит ему только страдания. Возможно, и вы равнодушно пройдете мимо старика, держащего в руках нож и строгоющего палочки, ни на минуту не задумавшись над тем, какая забота гнетет его душу.

Наверное, с этим нашим возможным равнодушием и борется писатель, когда заставляет нас заглянуть в глубь прав-

дивого и полного горя сердца героя. «...Я не могу больше, бичо!.. Одинок я, сынок, тоска меня одолевает. Найди мне хоть какую-нибудь работу», — обращается он к председателю колхоза. Может, кто-нибудь и в самом деле подумает: о каком одиночестве говорит этот странный старик, у которого есть сын, внуки, почему бы ему не отдохнуть, пусть себе ни о чем не думает. Но все это не так просто. Дело тут в психологии и даже философии человека труда. Бездеятельность является для него самым большим, самым тяжелым одиночеством, а труд — самой тесной связью с миром, радостью и необходимостью. Вероятно, Иорам может сказать, что человек, который делает что-нибудь для людей и мира, не может быть одиноким даже на необитаемом острове. Он всегда связан с людьми какими-то невидимыми нитями. Правда, после того как на опытном участке Иорама постигла неудача, он словно отдалился от людей, но, как видно, это уединение не огорчало старика. Не огорчало потому, что он, оказывается, занимался делом — готовил чабанам помещение для зимовки и дышал воздухом родных мест. «Здесьняя весна не похожа на другие знакомые людям весны. В здесьней природе нет обычной зимы, весны, лета и осени. Когда весной зацветают кусты желтинника, сероватые окрестности окутываются пурпурным маревом; осенью их листва так краснеет, что все кругом кажется охваченным пожаром, а густо усеявшие склоны гор гребенчук и держи-дерево становятся темно-желтыми. Все эти цвета и создают основные тона природы в любое время года, даже зимой.

Здесьнюю зиму прозвали «маленькой весной» еще те грузины, что в незапамятные времена соорудили здесь «вчарни».

Вот здесь, к этой земле и был привязан всем своим существом Иорам и потому он и жаловался: «Иди, говорят, домой. А разве там подует этот ветерок, разве принесет он туда этот блаженный запах авшани, барбариса и пшати?».

Воистину надо любить, крепко любить и человека и природу, чтобы почувствовать, как украшает человек природу и природа — человека, суметь рассказать о них так, чтобы через человека полюбить природу и, наоборот, через природу — человека.

Ни старый Иорам, ни долина Иори в рассказе Георгия Натрошвили не лишены заражающей силы чувства. Однако, если за что-либо можно все же упрекнуть писателя, то, по-моему, прежде всего, за некоторое обеднение, ограниче-

ние внутренней жизни героя (к сожалению, не одного только этого рассказа). Создается впечатление, будто писатель, боясь нарушить правду духовного мира простых людей, остерегается углубления чувств, мыслей, дум и переживаний своих персонажей. Нам кажется это излишней осторожностью. Надо сказать, что люди нашего времени живут в действительности более интенсивной интеллектуальной жизнью, чем в некоторых художественных произведениях. И нет нужды художникам слова искусственно ограничивать умственный кругозор своих героев, тем более, когда они несут большую и серьезную тематическую нагрузку и на них возложена задача раскрытия и разрешения глубокого жизненного противоречия. Великие мастера слова в таких случаях часто надеются глубокой мудростью даже незначительные персонажи, нисколько не нарушая этим правду характера.

По нашему мнению, мучительные размышления Иорама требуют более интенсивной духовной жизни героя. Ведь если мы имели бы дело только с простой привычкой к труду и связанными с ним простыми рефлексам, тогда старый Иорам не был бы столь интересным и примечательным. Не «психология» пчелы-труженицы, а психология человека-творца, — вот что самое великопное и привлекательное в художественном образе этого замечательного старика-грузина. А творчество, вопреки утверждениям всяких фрейдов всех времен и мастей, не что иное, как целеустремленный труд человека, его сознательное вмешательство в стихию вещей.

Так чем же помочь страданию Иорама? Ведь на самом деле он стар и не в силах трудиться и работать так, как прежде? Будто неразрешимо это противоречие, непреодолимо горе Иорама!

Но, кто знает, может, в этом и есть его спасение, ибо именно в этом беспредельном стремлении трудиться и заключается все величие человека.

И писатель в замечательном финале своего рассказа поет о нескончаемой юности человеческой души. Нельзя погасить эту юность так же, как нельзя отменить эту чудную весну, которая так мощно шествует по кахетинской земле. «Нельзя понять было — осень стояла на Иори или лето. ... глубокий старик ли Иорам, которому не под силу ходить дальними дорогами или, как и раньше, — юноша?».

Хороший, запоминающийся и наводящий на многие размышления образ создал Г. Натрошвили в лице своего старика Иорама.

Необходимые поправки

Недавно в Государственном издательстве художественной литературы вышла книга И. М. Нусинова «История литературного героя», состоящая из нескольких очерков о так называемых «вечных образах» — Прометее, Амირани, Дон-Кихоте, короле Лире, Фаусте, Дон-Жуане и других. Напомним читателю, что некоторые из этих очерков были опубликованы еще в 1937 году под заглавием «Вечные образы».

Работа И. Нусинова не лишена определенного интереса, ибо знакомит читателя с творческой историей мировых художественных образов. Однако не все положения и выводы автора одинаково убедительны и не со всеми из них мы можем согласиться.

В этой статье мы не ставим задачи дать полный анализ того большого научного труда, каким является книга И. Нусинова. Цель наша — проанализировать одну главу этой книги, а именно ту, в которой автор касается проблемы образа Прометея, так как проблема эта связана и с грузинской мифологией.

Образ прикованного Прометея на протяжении двух с половиной тысячелетий является предметом неослабного интереса писателей, художников и ученых. Свидетельство тому — бессмертные творения Гесиода, Эсхила, Вольтера, Гете, Байрона и других. Прометей равно привлекал к себе внимание как древнегреческих философов, так и ученых XIX и XX веков.

Исследование И. Нусинова о Прометее открывается обзором поэм Гесиода «Труды и дни» и «Теогония». Он считает, что Гесиод просто записал миф о Прометее и этим ограничился, что является исходной точкой всех дальнейших ошибок исследователя. Гесиод не просто собиратель мифов. Прежде всего он — поэт, и поэмы его, как и всякое произведение искусства, носят печать яркого индивидуального творчества. Поэтому мы не можем принять поэмы Гесиода о Прометее как простую запись мифа и не найдем в ней подлинного первоначального образа мифологического героя.

То же и у Эсхила. Гесиод и Эсхил — первые писатели, которые внесли в лите-

ратуру миф о Прометее. Сюжет его претерпел впоследствии значительные изменения, что подтверждают, с одной стороны, эпизоды, вошедшие в комментарии к позднейшим изданиям сочинений Гесиода и Эсхила и, с другой стороны, различные варианты сказания, распространенные в различных странах мира.

Автор же поставил на одну доску литературный памятник VIII века до н. э. и народные предания, собранные и записанные спустя два с половиной тысячелетия!

Вторую принципиальную ошибку И. Нусинов допускает, на наш взгляд, переходя к вопросу «Прометей и кавказские легенды о прикованных великанах» без предварительного исторического обзора греческих и грузинских сказаний.

Науке давно известно имя кавказского Прометея — Амირани. В грузинском фольклоре прикованный к хребту Кавкасион богатырь Амირани — добрый гений. История Амირани олицетворяет борьбу человека с природой и социальным злом в далекую от нас эпоху перехода от матриархата к патриархату.

На протяжении более трех тысяч лет своего существования сюжет об Амირани подвергался большим изменениям. В настоящее время известно более ста пятидесяти вариантов этого сказания. Зародившись в Грузии, оно распространилось среди родственных и неродственных грузинам народов. Исследования установили, что сюжет Амირани нашел свое художественное воплощение и в археологических памятниках эпохи средней и поздней бронзы, обнаруженных на территории Грузии. В XII веке, на основе этого же сюжета, Мосе Хонели создает замечательную героико-рыцарскую повесть «Амирандареджаниани».

И. Нусинов не принимает во внимание истории грузинского сказания, эволюции образа его героя и в своем исследовании опирается, главным образом, только на два пшавских варианта этого сказания, услышанные им близ Кутаиси в 1935 году (отметим, кстати, что один из этих вариантов в действительности сванский, так как фигурирующий в нем образ богини Дали — персонаж сванской мифологии

и пшавам не знаком). Правильно осветить облик многовекового героя на основе этих скудных сведений, разумеется, невозможно. В той же Пшавии, в 80—90-х гг. XIX века было записано несколько вариантов сказания, в которых Амирани охарактеризован иначе. Исследователь пренебрегает данными богатой литературы по амиранологии, существующей на грузинском, русском и европейских языках. Все это не могло не отразиться на убедительности его доводов и положений.

В работе И. Нусинова перемешаны все наказанные богом герои кавказского фольклора, различного происхождения и характеров: грузинские Амирани и Рокай, армянский Артавазд и Шидар, «мгер» турецких армян, кабардинский и адыгейский безымянный старец, прикованный к Эльбрусу. Поэтому совершенно не соответствует истине положение, которое в такой категорической форме подает автор: «...в большинстве кавказских легенд прикованный гигант наказан богом за те обиды, которые он причинял людям. Это — богатырь-хищник, кровавый, своевольный, безнаказанно расправляющийся со слабыми. Он — нарушитель отцовской воли, клятвopеступник. Его поединок с богом — это борьба зла против добра» (стр. 9). Но Амирани никоим образом нельзя подвести под это обвинение. Наоборот, во всех опубликованных вариантах сказания проводится противоположная мысль.

Древним грекам, задолго до нашей эры, хорошо были знакомы колхидо-иберийские сказания, гуманная натура их основного героя. Греческие писатели отождествляли сказание причерноморских колхов о прикованном герое с мифом о Прометее и признавали их идентичность. Писатель III века Филострат, сочинения которого были опубликованы в русском переводе академиком В. Латышевым, передает два варианта сказания об Амирани и сообщает следующее: «Об этой горе¹ у варваров ходят те же предания, что и у эллинских поэтов, именно, что к ней был прикован Прометей за свое человеколюбие» (В. Латышев — «Известия древних писателей о Скифии и Кавказе», I, 1900, стр. 635; «Вестник древней истории», № 2, 1948, стр. 293). Филострат признает сходство греческого и колхидо-иберийского сказаний. Амирани, по его мнению, такой же человеколюбивый и добрый герой, как и Прометей.

Упоминание о горе Амаранта, то есть Амирани (нынешняя гора Фазис), встречается и у поэта александрийской эпохи

¹ Подразумевается одна из вершин Кавкасиони.

Аполлона Родосского в его «Аргонавтике».

Впоследствии в Греции создалась теория иностранного происхождения мифа о Прометее. Эллинские писатели, которые побывали в Лазике и Иберии и близко ознакомились с жизнью и бытом населяющих их народов, образ Прометея считали заимствованным из кавказских мифов.

Итак, еще в I веке до нашей эры существовала версия о заимствовании греками мифа о Прометее с Кавказа. И. Нусинов же ошибочно приписывает ее ученым XIX века В. Миллеру и Ал. Веселовскому и дальнейшую ее разработку — последователям историко-сравнительной школы.

В IV—V вв. сказание об Амирани подверглось христианизации. Вместо наказующего языческого божества выступает Христос. Христос в сказании является добрым героем, но и богоборец Амирани — тоже добрый герой. Христос крестит Амирани, одаряет его силой и быстротой и помогает ему советом. Христос положительно относится к герою, оказавшемуся жертвой дэвов и драконов. Поэтому в христианизованных вариантах доброе начало олицетворяют как Христос, так и прикованный Амирани.

И. Нусинов утверждает, что «в кавказских легендах симпатии народа целиком на стороне бога, и страдания узника не вызывают сочувствия» (стр. 15).

Однако факты, которыми мы располагаем, не подтверждают этого положения. Так, например, в восьмом номере журнала «Театр» за 1885 год опубликован кахетинский вариант сказания, в котором Амирани выступает как защитник народа, заботящийся о его счастье и благополучии. Крестьянин-сказитель так описывает положение несправедливо осужденного героя: «Цепью прикован к скале бедный Амирани, перед ним лежит сабля: к ней он тянется изо всех сил, но никак не может дотянуться, чтобы взять ее и разрубить ею цепь. Вдруг Амирани видит человека и зовет его: «подойди ко мне ближе». Человек боится, но Амирани говорит ему: «я — друг бедных и обездоленных, не бойся меня, подойди». А за спиной у этого человека, оказывается, котомка с хлебом висит. Когда он приблизился, Амирани вынул из его котомки хлеб, сжал его рукой и говорит: — Как вы едите этот хлеб, несчастные, ведь он на черном поту замешан! — А ты какой хлеб ешь? — спрашивает его крестьянин. — Вот какой, — отвечает Амирани. Взял он свой хлеб и сжал его рукой. И потекли из-под пальцев его струи молока.

— Если меня освободишь, на земле не будут больше есть кровавого хлеба, — сказал печально Амирани. — Я помогу

тебе! — воскликнул крестьянин. — Если хочешь помочь мне, дай вот этот меч, чтобы разрубил я цепь». Аналогичную картину увидим и во всех остальных вариантах сказания, содержащих эпизод освобождения Амирани. Часть из них была опубликована на русском языке еще в 1859 году.

Таким образом, совершенно неприемлем и глубоко ошибочен вывод Нусинова: «В подвигах Амирани меньше всего заступничества за обиженных!» (стр. 11).

По гурийскому варианту Амирани борется с социальным злом, с угнетением. Узнав, что в лесу живет рогатый дэв, который разоряет людей, заставляя их платить дань, Амирани сразился с ним и победил дэва. Во многих вариантах даже рождение Амирани мотивировано необходимостью вызволения людей из беды: «В то время было много дэвов. Они совершенно истребляли христиан. И бог сказал: «Если я не придумаю что-нибудь, дэвы совсем уничтожат людей, созданных по моему образу и подобию». И вот, чтобы избавить народ от такого зла, бог посылает в мир Амирани».

Известный грузинский общественный деятель XIX века З. Чичинадзе писал: «В Картли, Кахетии, Имеретии и особен-

но среди горцев нельзя встретить человека, который бы не знал об Амирани каких-либо сказочных историй». И далее: «Кто же этот незабываемый народный герой, чье имя так популярно по всей Грузии, которому народ воздвиг вечный памятник?» («Дрозба», 1887 г., № 80). Русские ученые XIX в. Вс. Миллер и Г. Потанин, сыгравшие большую роль в разрешении многих вопросов амиранологии, считали образ Амирани положительным и глубоко народным.

Как и Зевс греческой мифологии не может быть причислен к злым богам за то, что осудил Прометея, так и божество, наказавшее Амирани, нельзя считать олицетворением злого начала. В то же время Амирани, как и Прометея, мы никоим образом не можем причислить к отрицательным героям. Амирани нельзя отождествлять и с героем персидской мифологии Ариманом, как ошибочно допускал это профессор Ал. Хаханашвили.

Мы считаем, что Амирани и Прометей — вполне самостоятельные герои грузинской и греческой мифологии, двойники. И один и другой — художественные образы мирового масштаба, и изучение их является одной из благородных задач советской науки.



Критическая реплика

В дни Декады грузинского искусства и литературы в Москве, которая проходила в прошлом году, обсуждался том истории грузинской литературы. Коллективный этот труд вызвал к себе большой интерес и был весьма положительно оценен. О нем писалось уже и на страницах «Литературной Грузии», я имею в виду статью «Факты и обобщения» М. Фетисова (№ 3, 1959 г.), выдержки из которой приведу:

«Следует, прежде всего, отметить, что перед нами — не только солидный труд в объеме шестисот страниц, примерно около сорока печатных листов, но и труд (его в подзаголовке авторы скромно именуют кратким очерком), серьезный по своему содержанию, по широте и полноте систематизации историко-литературных фактов, по методологии исследования.

Особенно необходимо сразу же отметить одну важную особенность книги — целеустремленную обращенность ее содержания к нашей современности. Эта важная особенность сказалась не только в том, что в книге наличествует обстоятельный раздел, посвященный советской литературе, но и в том, что авторы, пишущие о древней грузинской литературе, о литературе XIX века и начала XX века, убеждают: художественное наследство, созданное в прошлом, дорого нам, все лучшее в этом наследстве составляют те традиции, которые были подхвачены и развиваются литературой социалистического реализма».

Об отношении к наследству мне и хочется кое-что сказать.

Общеизвестно, что в прошлом грузинской литературы был период, когда сильно давали о себе знать декадентские влияния. Но мы, как мне кажется, не всегда точно ставим диагноз, а иногда, верно определив болезнь, неверно говорим о ее симптомах, пользуемся сомнительной аргументацией, которая отнюдь не подтверждает правильность нашего вывода.

Так, на мой взгляд, получилось, например, с характеристикой «декадентства» поэта Александра Абашели.

Я имею сейчас в виду не то, был или не был в свое время Александр Абашели декадентом, испытывал ли он, и в

какой мере, тлетворное влияние декадентства. Хочу обратить внимание **лишь на способы доказательства**. Убедительны ли они?

В главе «Декадентство в грузинской литературе» сказано:

«Александр Абашели (родился в 1884 году) изображал действительность (в годы реакции, после поражения революции 1905 года.—С. Т.) в символическом образе черного призрака, противопоставляя ему образ солнца, которое вечно возвышается над жизнью и не подвержено никаким превратностям судьбы».

Спрашивается: какое же тут декадентство? Ведь черный призрак — это и есть реакция, а солнце — революция, свобода. С каких это пор аллегория есть декадентство? В этом следует серьезно разобратся, внести ясность, чтобы отделить истинный декаданс от мнимого.

Прежде всего нужно определить само понятие «декадентство», что оно значит?

Заглянем с этой целью хотя бы в Большую Советскую Энциклопедию.

Декадентство, сказано там, это общее определение упадочного реакционного буржуазного искусства эпохи империализма. Оно получило особенно широкое распространение с наступлением кризиса буржуазной культуры как буржуазно-дворянская реакция в искусстве, направленная против революционного пролетарского движения. Декадентство отражает загнивание буржуазной культуры, наступление реакции «по всей линии при всяких политических порядках» (В. И. Ленин). Краеугольный камень декадентской эстетики — искусство для искусства, буржуазный индивидуализм. Декаденты игнорируют реальные закономерности жизни, отказываются от их познания и, считая единственной реальностью свой субъективный мир, искажают, уродуют действительность в искусстве по собственному произволу, отрицают объективную содержательность художественной формы и приходят в конце концов к разложению художественного образа и уничтожению искусства.

Именно это и характерно для таких антиреалистических школ и течений, как символизм, футуризм, кубизм, экспрессионизм, вплоть до новейших —

сюрреализм, экзистенциализм, «абстрактное искусство» и т. п.

Речь идет, как мы видим, не о каких-то частностях, не о том или другом неудачном произведении, не об одном или двух нехарактерных для данного поэта стихотворениях, а о целой системе социально-эстетических взглядов.

Нельзя смешивать «упадочное реакционное буржуазное искусство эпохи империализма» с естественными и свойственными людям чувствами — грустью, скорбью. Далеко не каждый писатель, которому взгрустнулось, всплакнулось, затосковалось, — есть декадент. Жизнь, как мы знаем, состоит не из одних радостей. Маяковский писал: «Тот, кто постоянно ясен, тот, по-моему, просто глуп». Смешно было бы, чтобы после такого всенародного горя, как поражение революции 1905 года, поэты, сочувствующие революции, писали бы радостные стихи.

Стихотворение может быть грустным — и не упадническим, скорбным — и не пессимистическим. Но когда мы встречаемся и с упадническим, пессимистическим стихотворением, то важно определить, какое место оно занимает в творчестве поэта, рождено ли оно преходящим настроением, или оно плод его мироощущения.

Примитивный, поверхностный подход к литературе может, того и гляди, привести к тому, что и автора строк: «Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей...» — Александра Сергеевича Пушкина заподозрят бог в чем.

Нельзя навешивать ярлычок декадентства на каждое произведение, в котором нет реальных образов, а есть образы, символы, образы — аллегории. Вспомним в этой связи такие выдающиеся образцы революционной художественной литературы, как «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике». А «Девушка и Смерть» того же А. М. Горького!

Не мне судить о том, был или не был Александр Абашели в свое время декадентом, в какой мере он испытывал декадентские влияния. Готов поверить, что упоминание о нем в главке «Декадентство в грузинской литературе» справедливо. Я хочу, повторяю, обратить лишь внимание на необходимость более веской, более доказательной, более убедительной аргументации.

Критическая аргументация относительно декадентства Александра Абашели способна создать превратное представление о месте и значении аллегории в искусстве.



Дело хорошее, важное

«Чтобы прийти к коммунизму, самому справедливому и совершенному обществу, когда полностью раскрываются все лучшие нравственные черты свободного человека, нам надо уже сейчас воспитывать человека будущего. Нужно развивать у советских людей коммунистическую нравственность...»
Н. С. Хрущев.

Однажды мне пришлось быть свидетелем, а потом и участником спора, возникшего между несколькими молодыми рабочими по поводу кинофильма, демонстрировавшегося в те дни на экранах Тбилиси. Часть зрителей принимала фильм восторженно. Другая категорически отвергала его. Паренек, о котором я хочу рассказать, принял фильм всем своим существом. Очень возможно, что в этом сыграла свою роль и его подружка — девушка, которой донельзя нравилось все «чувствительное». Она, не принимая участия в споре, стояла здесь же и на каждое удачное, по ее мнению, замечание своего друга, отвечала одобрительным кивком головы. Паренек никого не убедил; но и его не убедили. Исчерпав все аргументы, противник потряс перед его носом свежим номером газеты и сказал:

— На, Шота, прочти и научись уму-разуму. Все, что я тебе говорил, ну, все — написано в газете.

Перед таким аргументом Шота спасовал. Обратившись ко мне, он огорченно сказал:

— Вот, получил профессию, зарабатываю хорошо, а обыкновенную вещь — фильм, не могу правильно понять.

И тут совершенно неожиданно раздался голос его подружки:

— Правда, ну почему нельзя такие курсы открыть или кружок, где бы научиться во всем разбираться. Вот соседка моя, она на киностудии работает, все знает, а я — нет.

Парень, который спорил с Шота, сказал:

— В кино я и так разбираюсь, что к чему. А вот в картинах... Был я на выставке, а там один старичок. Стоит он все перед одной картиной, и все восхищается: «Какой колорит! Какой колорит!» И кто к нему не подойдет, всем он

говорит: «Какой колорит!» А что это такое — колорит?

Девушка снова обратилась ко мне:

— Вот вы, наверное, против рок-н-ролла?

— Против.

— А почему? Не думайте, танец этот мне нравится тоже только потому, что смотреть... забавно. Сама бы я ни за что, ну ни за что, не стала бы его танцевать. А вот моя соседка, нет, не та, что на киностудии, другая, она говорит, что этот танец выражает дух современности. А как мне ей доказать, что это не так?

Спор наш продолжался не очень долго. Честно говоря, я спешил на заседание и опаздывать не мог. Но все, что говорили эти ребята, запомнилось. Этот разговор очень ясно доказывал, как сильна у нашей молодежи тяга к культуре, к внутренней культуре, ибо, если говорить о культуре внешней, то в этом отношении у нашей молодежи достижения, можно сказать, высокие.

Мне, комсомольскому работнику, приходится порой совсем неожиданно принимать участие в десятках таких споров. И из всех этих споров я всегда уносил одну мысль: надо продумать какие-то формы эстетического воспитания молодежи. Тяга к этому — огромная, растит эту тягу весь строй нашей жизни, пронизанный заботой о человеке, о материальных и духовных его благах.

Поэтому, узнав об организации первого в стране народного университета культуры, я сразу же подумал: да, это то, что нам нужно. Надо сказать, что комсомольцы нашего района, в котором сосредоточены все художественные вузы и творческие организации столицы Советской Грузии, немало сделали для того, чтобы в дело удовлетворения культурных запросов молодежи внести и свою лепту. Хорошо знают наших комсо-

мольцев, к примеру, в районе имени 26 комиссаров. Студентов консерватории и театрального института, молодых артистов театров имени Руставели и имени Грибоедова часто можно встретить в клубах заводов и фабрик, на шефских концертах.

Выступления молодых исполнителей большой популярностью пользуются на 1-й обувной фабрике, механическом заводе, керамическом комбинате и других предприятиях района. А после выступлений часто сам собой возникает «разговор по душам», в котором зрители и исполнители делятся своими мыслями, наблюдениями, впечатлениями.

Шефство молодежи творческих организаций над промышленными предприятиями, причем не только тбилисскими, стало традицией. Коллектив драматического театра имени Руставели помог заводу «Электроавтомат» в оформлении клуба, выделил молодых актеров для руководства заводской самодеятельностью. Молодежь театра имени Грибоедова часто бывает у рабочих Тбилисского прядильно-трикотажного комбината, у руставских металлургов, на цементном заводе в Каспи. Группа студентов Тбилисской государственной консерватории под руководством своего директора — профессора И. Туския гостила у шахтеров Ткибули. Студенты провели там концерты, лекции, доклады.

Многие студенты Академии художеств проходят практику на заводах и фабриках. Непосредственно в цехах, у станков и машин, находят они темы и образы будущих произведений. Все более частые гости на предприятиях — молодые литераторы. Вместе с писателями старшего поколения они принимают участие в литературных вечерах, где выступают с чтением своих произведений.

Все это положило начало интересным встречам производственников с молодыми работниками искусств, взаимно обогащающим и тех и других.

А в таких ребятах, как Шота и его подружка, они, эти встречи, еще больше разжигали интерес к культуре. И когда, вскоре после XXI съезда партии, народный университет культуры открылся и у нас, в Тбилиси, Шота и его подружка стали первыми его слушателями. Сюда, в этот университет могут придти все, независимо от возраста, образования, профессии. Единственный пропуск в народный университет — это стремление к культуре.

Среди слушателей — молодые рабочие 1-й обувной фабрики: Владимир Ворошилов, Нина Кадиашвили, Валентина Басистюк, Маквала Дзидзигури, слесарь-сборщик завода «Тбилприбор» Нонна Капанадзе, агитатор мясокомбината Галина

Будумян, контролер ОТК механического завода Анзор Гозалов и многие другие.

Вот уже несколько лет увлекаются драматическим искусством Галина Гребенникова и Анна Рахманина. Обе они работают на комбинате подсобных предприятий треста Грузэнергостроя и участвуют во всех концертах художественной самодеятельности. Открытие Вечернего университета культуры стало для девушек настоящим праздником.

В студии Тбилисской Академии художеств, где проходят занятия факультета изобразительного искусства, можно встретить работницу цеха художественных изделий керамического комбината Ларису Когосову. Занятия в университете культуры помогут ей серьезнее и глубже изучить изобразительное искусство, лучше освоить технику рисования, лепки, стать настоящим мастером.

— Я хочу, чтобы все девушки моей бригады посещали занятия университета, — говорит Русудан Джапаридзе, молодая работница текстильно-трикотажной фабрики. — Мы ведь боремся за звание бригады коммунистического труда и, значит, стремимся стать всесторонне развитыми, культурными людьми.

Вот оно — то, о чем думаем мы все. Я снова и снова повторяю замечательные слова Ильича: коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество.

Приобщаясь к культуре, человек делается чище, лучше. И это — в большом и малом.

Наш университет культуры, как, очевидно, и другие, нельзя назвать учебным заведением. Это — новое, необычное соединение отдыха и эстетического образования. Занятия обычно сводятся к простым, душевным беседам, к увлекательным рассказам художников, музыкантов, литераторов о своем труде, об искусстве. Беседы сопровождаются концертами, экскурсиями по музеям и картинным галереям, демонстрацией кинофильмов. И можно определенно сказать, что слушатели не только получают известную сумму знаний, но — и это главное — в них растет потребность и умение самим идти путями познания искусства, лучше различать настоящее и фальшивое в нем.

О том, какие симпатии завоевал университет культуры, говорит хотя бы такой факт. Если вначале на три факультета университета (музыки, изобразительного искусства, литературы, кино и драматургии) было подано 500 заявлений с просьбой о приеме, то в нынешнем году их более двух тысяч. Аудитории уже не могут вместить всех желающих. Жизнь настойчиво требует, чтобы в новом учебном году в Тбилиси раскрылись

К истории одного письма М. Горького

041136740
30340101333

В 30 томе собрания сочинений М. Горького (Гослитиздат, Москва, 1955 г.), среди огромного множества писем великого писателя к своим корреспондентам, есть одно — адресованное К. Т. Орлову. (В оригинале описка: В. К. Орлову).

Это — ответ адресату — молодому врачу, увлекающемуся литературой и общественными науками, который высказал в письме к Горькому свое явное заблуждение в оценке трудов английского философа-моралиста С. Смайльса.

Константин Трофимович Орлов — ныне подполковник медицинской службы, участник Великой Отечественной войны — успешно сочетает врачебную практику с работой в печати. В 1958 г. в журнале «Литературная Грузия» была опубликована его документальная повесть «В горах Абхазии».

Ниже мы печатаем письмо М. Горького и заметку К. Орлова, раскрывающую историю этого письма.

К. Т. Орлову.

Смайльс — типичный английский мещанин, очень лицемерный, — как и надлежит быть мещанину, — и очень бездарный. Основная идея его книг такова: «Если тебе плохо живется, ты в этом сам виноват». Как видите, Вы избрали себе неудачного учителя. В России книги Смайльса были популярны в 80-х, в начале 90-х годов, т. е. в годы тяжелой реакции, когда наши «смайльсы», вроде нововременца Меньшикова, учили молодежь: «Наше время — не время великих задач».

А как раз наоборот — всякое время есть именно время великих задач.

Вы не желаете, чтоб «жизнь исчерпывалась только едой и сном». Смайльс проповедует именно это и еще — необходимость подчинения законам, которые устанавливаются людьми, живущими за счет чужого труда. «Знай сверчок свой шесток», — вот что найдете вы у Смайльса, если внимательно вдумаетесь в его проповедь.

Беспокоящее Вас «различие людей» есть, главным образом, результат их социального неравенства, которое поддерживается такими вот господами, как Смайльс.

В произведениях крупных художников Вы всегда найдете ответ на Ваш вопрос: почему человек таков, каким он изображен.

«Догадываться о причинах бытия» — не дело искусства, это задача науки.

Если Вас вопрос о «бытии» интересует серьезно, прочитайте серию книжек «Биология», изданную «Московским рабочим», там Вы найдете много очень интересного для Вас.

В общем Ваше письмо не вполне ясно для меня, и вопросы Вы поставили неверно.

Может быть, напишете более подробно о том, что Вас тревожит.

Всего доброго.

Читайте больше, учитесь.

А. ПЕШКОВ.

9. IX. 27.

Сорренто.

В дни моей молодости и пробы пера в газетах, меня, как и теперь, волновали многие общественные вопросы. Как-

то мне попались труды английского философа-моралиста Смайльса. Не могу сказать, что они меня увлекли, но одна

из его переведенных на русский язык книг — книга о труде — произвела на меня впечатление.

С детских лет я преклоняюсь перед тем, что может создать человек своим трудом, — от простого незамысловатого орудия до сложнейших и «умнейших» машин. Мне понравилось, что Смайльс обращается к биографиям великих тружеников мира (в том числе и русских), и я усмотрел в его философии нечто полезное для себя, хотя все его мысли о мещанской бережливости, о том, что каждый человек от рождения должен знать свое место в жизни, были мне чужды.

В 1926 году, кажется, в «Правде», появилась статья М. Горького, тоже о роли труда в жизни человека. В ней еще раз во всей полноте раскрылась почти благоговейная любовь великого писателя к трудовому народу. Статья меня взволновала и снова подтвердила мысль о том, что создатель всех ценностей на земле и всего, чем люди живы, — это человек, который трудится, и может быть, даже не задумывается над тем, что работает не только для удовлетворения своих личных запросов, но и для грядущих поколений.

И я написал письмо Горькому.

Я писал ему, что в литературе мало таких произведений, в которых можно было бы проследить, как формируется с детских лет человек, который трудится во имя великих целей на благо людей, а не вырастает себялюбцем, стяжателем и мещанином. Что и у самого Горького почти все герои появляются на страницах его романов и рассказов уже взрослыми людьми — с уже созревшим отношением к окружающему миру. Копии этого письма у меня не сохранилось, оно гораздо больше, чем эти несколько строчек, но смысл его таков, как здесь изложено.

В то время я жил и работал в Ново-

сибирске и был связан с кружком литературной молодежи.

Когда я прочитал товарищам письма и спросил у них совета посылать его Горькому или не посылать, мнения разошлись. Одни кричали: «Посылай!», другие говорили, что вряд ли Максим Горький будет заниматься этим письмом, да еще отвечать на него: «Таких писем он получает, поди, тысячи... Да, собственно, и куда посылать? Точного адреса ведь нету».

Я говорю:

— В Сорренто.

— А улица, номер дома?

— Этого я не знаю, напишу просто: «Сорренто, Максиму Горькому».

— Ну и выйдет: «На деревню дедушке», — сострил кто-то.

Но я все же послал, хотя мало верил в то, что получу ответ.

И вдруг месяца через два-три — письмо! Горьковский круглый почерк, такой дорогой и волнующий.

18 июня 1936 года А. М. Горький скончался.

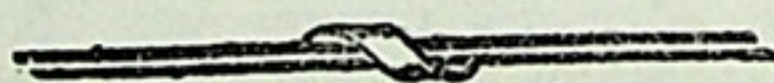
Через несколько дней в память о великом писателе и простом отзывчивом человеке я опубликовал это письмо в газете «Красноярский рабочий».

А недели через две после этой публикации Институт мировой литературы в Москве обратился ко мне с просьбой передать письмо А. М. Горького институту, так как оно представляет очень большой общественный интерес.

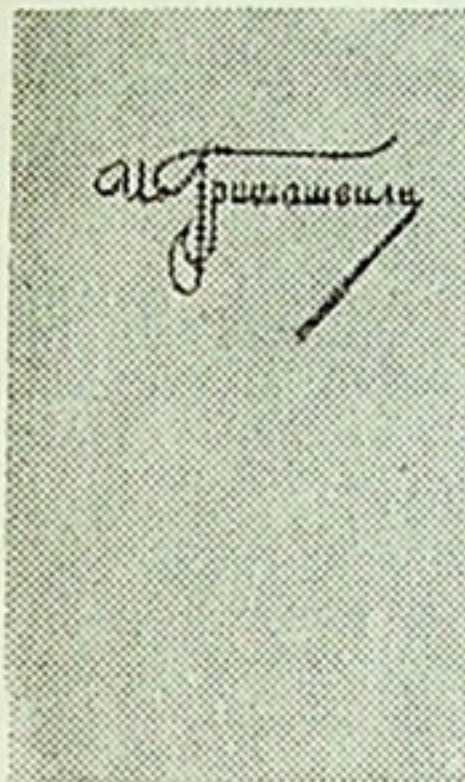
Письмо я послал, потому что не считал вправе хранить его у себя, хотя оно мне было очень дорого.

С тех пор прошло тридцать с лишним лет. Но замечательная строчка из письма М. Горького о том, что «всякое время есть именно время великих задач» — стала для меня девизом в жизни.

К. ОРЛОВ.



ПЕВЕЦ ТБИЛИСИ



Много песен слышал седой Тбилиси за полтора тысячелетия своего существования. С песнями возводили крепостные стены каменотесы и зодчие, гимнами встречали жители города свои праздники и боевым «мхедрули» — многочисленных врагов. Здесь толпы ремесленников окружали поющего ашуга, а придворные поэты создавали причудливую вязь своих од и элегий.

Шли годы, десятилетия, века... Песни и стихотворения ашугов и сказителей, Бесики и Саят-Нова, Н. Бараташвили и Гр. Орбеллиани, Г. Табидзе и Етима Гурджи сплелись в своеобразную, неповторимую, оригинальную и колоритную поэтическую традицию.

Поэт Иосиф Гришашвили может считаться полноправным наследником и продолжателем этой традиции. Свыше пятидесяти лет появляются в печати его стихи... И в них слышатся легкий напев народного шаири и торжественная плавность мухамбази, перекличка шикасти и маджамы. Поэт сам говорил о себе: «Моя рука справится с любым размером».

И. Гришашвили не просто хранитель традиционной формы грузинского стиха. Содержание его поэзии также неразрывно связано с народом, его радостью и горем, думами и устремлениями, мыслями и чувствами. Можно, пожалуй, даже еще более точно указать на тот круг людей, выразителем взглядов которого поэт сознательно сделал свое творчество с первых лет: это труженики Тбилиси, жители бедных окраин Харпухи, Майдана и др. Достаточно просто пере-

числить названия некоторых стихотворений раннего периода: «Из песен парня с окраины», «Триолеты о Шайтан-базаре»...

Поэт любит свой город, знает его — его широкие площади и вьющиеся улочки, его людей — веселых, гордых и романтических. Знает его прошлое и верит в его будущее. Поэтому он имеет полное право сказать:

Я изучил добро и зло, удачу знал и горе,
Я много износил рубах и истоптал сапог.
Как мало я возьму с собой, когда
мне минет срок.

Мои стихи? Они — лишь капля в море!
Пускай родные небеса распахивают грудь!
Труд осчастливил этот край, украсил эти выси.
Писать стихи и песни петь меня учил Тбилиси,
Я на его груди умру когда-нибудь...

И древний Тбилиси благодарно раскрывал перед своим певцом тайны улиц и загадки архитектурных ансамблей. Любовью на любовь отвечали поэту жители города. Дети в садах и парках узнают «дядю Сосо». А сверстники почтительно приветствуют Гришашвили, называют его «наш Пируз» и подходят, чтобы потолковать о жите-бытье.

Вся эта кипящая, бурлящая, шумящая атмосфера является животворным источником, питающим музу поэта:

Тбилиси мой, стихов волшебный улей,
А мы, поэты, как пчелиный рой.
Здесь все цветет, поет — не потому ли,
Я так люблю родной Тбилиси мой!...

От старого Тбилиси к новому, от старой Грузии к новой, социалистической и индустриальной, — таков путь, проделанный поэзией Гришашвили. И этот путь очень ясно и зримо прослеживается в книге лирики И. Гришашвили, выпущенной недавно издательством Союза писателей Грузии «Заря Востока». Читатель получил наиболее полное издание из всех, выходящих до сих пор на русском языке.

Открывается книга разделом «На заре революции», в котором представлены произведения раннего периода

И. Гришашвили. Лирика. Перевод с грузинского. Редактор Г. Бебутов. Издательство «Заря Востока», Тбилиси, 1959 г.

творчества И. Гришашвили, посвященные социальным вопросам. Они разбивают легенду о том, что раннему Гришашвили совершенно были чужды гражданские мотивы, и его лирика ограничивалась воспеванием любви и природы. Эти темы «сосуществовали», хотя следует признать, что гражданская тема все же не звучала с достаточной силой. Сам поэт писал об этом:

«До двадцатых годов ведущим началом в моей поэзии была камерная интимно-любовная лирика, но в ней, зародившейся в атмосфере революционного шквала 1905 года, не могли не звучать мотивы борьбы за социальное и национальное освобождение моего двойко угнетавшегося народа...»

Стихи о Тбилиси, о Грузии, ее прошлом и настоящем писались и пишутся Иосифом Гришашвили все время. Многие из них приобрели, благодаря актуальности содержания, простоте формы, напевности и образности, необыкновенную популярность, стали поистине народными («Песня парня с окраины», «Новый Тбилиси», «Два слова» и другие).

Сквозь все творчество поэта проходит и другая тема. «Любовь — спутница жизни» — так называется раздел книги, в котором собраны стихи о любви. И. Гришашвили — тонкий лирик, чуткий наблюдатель, умеющий передавать нюансы человеческих чувств.

Каждая строка поэта — музыкальна, в каждой — использованы богатейшие возможности грузинского языка. Поэтому поэзия Гришашвили представляет для перевода особые трудности. В сборнике, естественно, есть переводы менее удачные и более удачные, есть и очень хорошие. И последние разбивают в прах еще одну легенду: о «непереводимости» поэзии Иосифа Гришашвили (то же самое говорилось и о Галактионе Табидзе и ряде других поэтов).

Образцовым мне кажется перевод стихотворения «Благословение устабаша», сделанный поэтом А. Межировым. Чистый, чеканный язык перевода, литые строки, очень точные рифмы — всеми этими средствами переводчику удается воссоздать во всей многогранности и цельности поэтический строй оригинала в другой языковой стихии. Пожалуй, не стоит лишней раз говорить о том, что строй русского языка сильно разнится от грузинского, что поэтика грузинская имеет в своем арсенале целый ряд особенностей. Но, читая «Благословение устабаша», забываешь о том, что это стихотворение «понесло урон», так как переводчик нашел полный адекват оригиналу.

Тебе, умелец, слава и хвала!
Тебя благословляю и целую!

Пою твою повадку удалую,
И мастерство, и тайны ремесла.
Твой труд веселый,
Твой тяжелый труд
Чреват и пораженьем и победой.
Ни суеты, ни зависти не ведай —
И твой орнамент годы не сотрут.

Это стихотворение по праву заключает собой в книге избранной лирики И. Гришашвили раздел «Мой Тбилиси»: поэт любит свой город и его жителей, но дореволюционные «герои» — городские кинто и карачохели уступили место подлинному хозяину жизни — труженику, мастеру. Еще в стихотворении «Прощание со старым Тбилиси» (1925) поэт сказал:

Исчез кулачный бой, амкары,
Игра в артурму, плясуны.
Все это — достоянье старой,
Давно забытой старины.

И более чем четверть века спустя Иосиф Гришашвили (верный своему герою — мастеру-ремесленнику), в сжатой, афористической формуле выскажет свой взгляд на смысл жизни человеческой:

Любой предмет одушевлен трудом,
Труд воспитал железо, глину, слово.
Святое чувство братства трудового
Храни ревниво в сердце молодым.

Хочется выделить особо одно место из этого четверостишия: «труд воспитал...слово». Это утверждение целиком и полностью относится к творчеству самого И. Гришашвили. В его поэзии мы видим счастливое сочетание большого лиризма с исключительным мастерством, в основе которого лежит упорный, кропотливый труд, схожий с трудом каменотеса, создающего орнамент. Поэтому, думается, можно продолжить аналогию между героем стихотворения «Благословение устабаша» и автором. «Орнамент» его поэзии сделан надолго, поэт отлично знает цену «скупым движениям всемогущих рук». Лирика И. Гришашвили — эмоциональна. Но в ней всегда соблюдено чувство меры, чувство поэтического такта: поэт умеет рассказать о событиях и высказать свое отношение к ним «без жалких жестов и без громких фраз».

Книга избранной лирики Иосифа Гришашвили, одного из устабашей грузинской поэзии, явится хорошим подарком русскому читателю. Знакомство с этой книгой обогатит и пополнит библиотечку многочисленных друзей и читателей грузинской литературы за пределами нашей республики, так как без поэзии И. Гришашвили знания о нашей поэзии будут неполными: его творчество заняло свое, оригинальное и неповторимое, место.

Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ.



Есть одна очень привлекательная в Шатберашвили-писателе черта — это его неизменный интерес к современности, к человеку наших дней.

Современность — основная тема почти всех рассказов и пьесы «Незнакомая спутница», составивших изданный недавно в переводе на русский язык сборник рассказов Георгия

Шатберашвили «Живые корни». Собственно, рассказы сборника можно поделить на две, количественно, в основном, равные части. Это рассказы о детях и для детей и рассказы о грузинской колхозной деревне (последние уже для взрослого читателя). Но для кого бы они ни предназначались, эти рассказы, герои их почти всегда — хорошие советские люди, честные труженики, горячо преданные своей Родине. Именно таковы старик Мамалхине («Мамалхине и его сын»), редактор колхозной стенной газеты Дареджан, комбайнер Мито, счетовод Гига («Дубок»), скромный учитель дед Петре («Медовая гора») и многие другие.

Делая общий обзор рассказов Георгия Шатберашвили, надо указать и на такие их черты, как динамика действия, лаконизм изложения.

Наиболее ярко проявились эти качества в рассказе «Мой старый дом», построенном в форме внутреннего монолога героя, идущего к старикам-родителям с радостной вестью от брата-фронтовика. Рассказ этот глубоко лиричен и эмоционален.

С удовольствием читаешь рассказ «Дубок». Его героиня — редактор стенной газеты комсомолка Дареджан — одна из тех скромных тружениц, чья, порой, не очень заметная, но необходимая деятельность неизменно приносит добрые плоды. А как чиста, как трогательна она в своем первом чувстве! Типичный представитель современной колхозной деревни — комбайнер Мито.

Несомненный интерес вызывает рассказ «Половина матери» (не очень удачно названный, на наш взгляд), основная проблема которого — внимание к человеку. Главный герой этого рассказа секретарь сельского райкома Арчил получил телеграмму о том, что в Тбилиси тяжело заболела его дочь. Арчил уже

Георгий Шатберашвили. «Живые корни». Редактор Г. Маргвелашвили. Издательство «Заря Востока». Тбилиси, 1959 г.

собирался выезжать, когда в кабинет к нему вошла неизвестная ему старуха. Всегда внимательный и отзывчивый к людям, Арчил на этот раз изменил себе. Обиженная его черствостью, старуха уходит. Казалось бы, Арчилу теперь ничто не мешает поспешить в Тбилиси, к дочери. Но, сознавая, что поступил не так, как нужно, он велит шоферу ехать в Хевисубани — туда, где живет старуха.

Есть в рассказе и другой конфликт... Когда началась война, сын старухи прислал письмо, в котором сообщал матери, что любит соседскую девушку. Правда, он ушел на фронт, так и не открыв ей своего сердца. Но просит мать узнать — если и девушка любит его, пусть подождет. Выполняя его просьбу, девушка поселилась у старухи. Война окончилась, люди встретили тех, кто вернулся, оплакали мертвых. Только старуха и ее невестка продолжали ждать... Автор правдиво показал, как война разрушила еще не расцветшее счастье двух любящих людей и разбила многострадальное сердце матери. И объективно рассказ «Половина матери» направлен против войны, оставляющей в людях незаживающие раны.

Война вырвала из семьи и сына старика Ростом — Арчила (рассказ «Живые корни»). Спустя две недели после свадьбы молодого человека призвали в армию. Арчил гибнет на фронте. Но, словно назло смерти, в день, когда Ростом узнает об этом, у жены Арчила рождается сын, его, Ростом, внук... И как бы символизируя торжество жизни, на обгорелых корнях сраженного молнией платана, посаженного в день, когда родился Арчил, и сгоревшего в бурю, в день его гибели, Ростом замечает молодые зеленые побеги. Эстафету поколений усматривает автор в рождении человека.

Есть в сборнике Г. Шатберашвили и рассказ на литературную тему — «Вечный запас», пронизанный утверждением красоты человеческого труда. Человек лишь тогда достоин уважения, когда приносит пользу обществу. Скромный горец Важа Пшавела обессмертил себя своими произведениями. Поэзия его становится достоянием человечества, «вечным запасом» красоты и мудрости.

Среди произведений о детях и для детей хочется выделить рассказы «Работяга», «Медовая гора» («Сатаплиа»), «Ласточкино гнездо», «Рассказ о персиковой косточке», «Цветник Майи», «Незажженный камин».

Рассказы эти можно назвать назидательными — они учат юных читателей искренности, смелости, трудолюбию, взаимной товарищеской выручке. Но назидательность их вытекает из существа показываемых автором событий и нигде не переходит в голое морализирование.

которым, увы, грешат порой авторы детских книг.

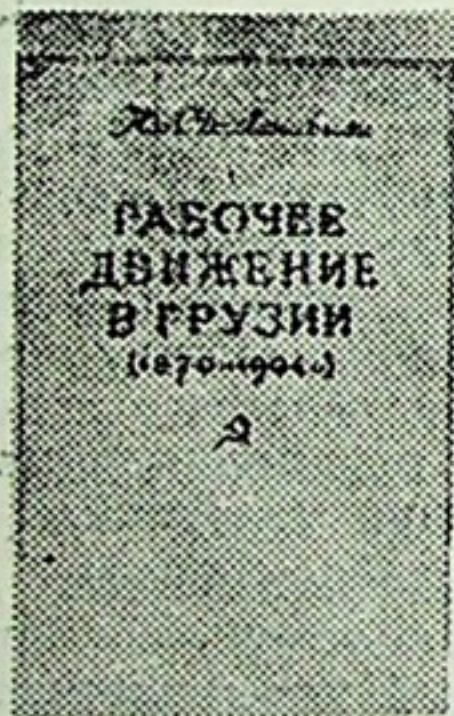
Следует сказать, что для большинства рассказов Шатберашвили характерен живой и занимательный сюжет. («Медовая гора», «У стен древней крепости», «Запасной», «Незажженный камин»). Но писатель порой ослабляет внимание к душевной жизни ребенка, и это снижает достоинство его произведений, в том числе и таких, как «Медовая гора», «Запасной».

Значительную идейную нагрузку несет пьеса Г. Шатберашвили «Незнакомая спутница», в центре которой — конфликт передовой медицинской мысли с косностью, консерватизмом. Несмотря на определенные недостатки (прямолинейное изображение некоторых персонажей, налет мелодраматизма в четвертой картине), пьеса привлекает своим оптимизмом, живым, полнокровным характером главной героини — Нино Миндиашвили.

Заслуживают одобрения переводы, выполненные Г. Миндели, А. Гребневым, Ф. Твалтвадзе, В. Орджоникидзе.

Н. БОКУЧАВА.

ВКЛАД В ГРУЗИНСКУЮ ИСТОРИОГРАФИЮ



«Живут эти бедные труженики везде, где только можно уложить свое грешное тело, живут в чердачных помещениях, живут в совершенно темных, грязных подвалах, где взамен дров устроен склад... людей, живут в сырости, в атмосфере какого-то ужасного зловония, без света, зимой согреваясь лишь взаимодействием собственной животной теплоты...», — так писала в 1902 г. газета «Черноморский вестник» о жизни батумских рабочих.

Истории одного из этапов борьбы «бедных тружеников» за свои человеческие права и посвящена интересная работа Н. Чахвашвили «Рабочее движение в Грузии 1870—1904 гг.».

Книга эта охватывает период с 1870 по 1904 гг. и является своеобразным итогом многолетнего труда автора по изучению огромного количества доселе неизвестных документов, хранящихся в архивах Москвы, Ленинграда, Тбилиси и

Н. А. Чахвашвили. «Рабочее движение в Грузии 1870—1904 гг.». Редактор Г. Хацапуридзе. Издательство «Сабчота Сакартвело». Тбилиси, 1958 г.

других городов, и историко-партийной литературы.

В деле изучения рабочего движения в Грузии у нас имеются большие достижения. Но труд Н. Чахвашвили ценен тем, что в нем по-новому освещается ряд важных вопросов.

В первой главе книги дается анализ развития промышленности и жизни рабочего класса в Грузии конца XIX — начала XX веков. Н. Чахвашвили указывает три источника формирования промышленного пролетариата в Грузии. Это, во-первых, пролетаризация разоренных земельной реформой грузинских крестьян; во-вторых, пролетаризация сельских кустарей и мелких ремесленников и, в-третьих, — приток рабочих из промышленных районов Российской империи.

Во второй главе рассматривается рабочее движение и распространение марксизма в Грузии во второй половине XIX века.

Исследователь намечает два этапа в рабочем движении того периода. Первый этап охватывает 1870—1898 годы — это стихийно-экономический этап, и второй — период после 1898 года, когда под руководством революционной социал-демократии рабочее движение принимает организованный характер.

Широко освещается в книге большая организаторская деятельность грузинских социал-демократов, создание ими совместно с русскими революционерами марксистских кружков и социал-демократических организаций.

Как известно, основанный В. И. Лениным петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» положил начало соединению теории научного социализма с революционной борьбой. Грузинские социал-демократы в конце 90-х гг. XIX века тоже пошли по этому пути. Автор вполне справедливо называет этот период новым этапом социал-демократического и рабочего движения в Грузии.

Для дальнейшей судьбы революционной борьбы решающее значение имело создание единой, действительно марксистской партии, партии нового типа, которая коренным образом отличалась бы от оппортунистических и реформистских партий II Интернационала, смогла бы повести за собой трудящиеся массы и осуществить руководство грядущей революцией. О борьбе грузинских коммунистов за создание такой партии и рассказывает нам третья глава монографии.

Одно из достоинств книги Н. Чахвашвили в том, что в ней наряду с такими руководителями большевиков Грузии, как И. В. Сталин, Л. Кецохели, А. Цулукидзе, М. Цхакая, А. Джапаридзе и другие, показано много незаслуженно

забытых нашими историками рядовых революционеров, героически боровшихся за счастливое будущее народа.

Автор рассказывает о большой работе, которую вели грузинские социал-демократы в области интернационального воспитания рабочего класса Грузии. В одном из писем к Горькому Владимир Ильич Ленин писал: «У нас и на Кавказе социал-демократы грузины+армяне+татары+русские работали вместе, в единой с.-д. организации больше десяти лет. Это не фраза, а пролетарское решение национального вопроса. Единственное решение».¹

В последующих главах автор, используя новые архивные материалы, широко освещает ход революционного рабочего движения в период 1901—1904 гг., показывает, с какой самоотверженностью

боролись объединенные знаменем пролетарского интернационализма грузины, русские, армяне и рабочие других национальностей против своего общего врага — русского самодержавия и капитализма.

Кое-что в работе Н. Чахвашвили вызывает замечания.

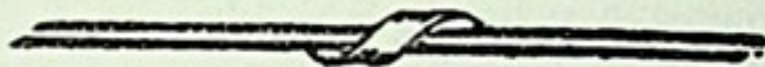
Так, нам думается, что книга во многом выиграла бы, удели автор больше внимания такому важному вопросу, как народническое движение в Грузии.

Следовало бы также внимательнее отнестись к фамилиям и инициалам, которые зачастую приводятся в книге неточно.

Несмотря на эти недостатки, работа Н. Чахвашвили имеет большое научное значение и является ценным вкладом в грузинскую советскую историографию.

А. ИМЕДАШВИЛИ.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 35, изд. 4, стр: 38.





КВЛИВИДЗЕ (Род. в 1925 г.) — грузинский поэт. Впервые произведения М. Квливидзе появились в печати в 1946 году.

Первая книга стихов молодого поэта вышла в свет в 1952 г. В 1955 г. в издательстве «Советский писатель» (Москва) вышла книга стихов поэта на русском языке.

ЧХЕИДЗЕ (Род. в 1902 г.) — грузинский прозаик. Литературную деятельность начал в 1928 г. Первый сборник рассказов вышел в 1930 г.

Перу Б. Чхендзе принадлежат рассказы на тему Отечественной войны («Омгадахдили»), роман «На берегу Лиахвы» и др.

СНЕГОВА — русская поэтесса и переводчица. Стихи И. Снеговой были опубликованы в газетах и журналах Москвы, Грузии и Армении. Первый сборник стихов «Лирические стихи» вышел в свет в 1952 г. в издательстве «Советский писатель».

ИОРАМАШВИЛИ (Род. в 1904 г.) — грузинский писатель. Печататься начал с 1935 г.

Первый сборник рассказов писателя «Осиновая роща» вышел в свет в 1954 г. В по-

следующие годы выходят сборники «Знакомое лицо» и «Шалаш на берегу Куры».

Издательством «Заря Востока» готовится к печати сборник рассказов С. Иорамашвили в переводе на русский язык.

Мишель дель КАСТИЛЛО (Род. в 1933 г.) — французский писатель; получил премию национального Комитета писателей.

В детстве, в течение четырех лет находился в фашистском концентрационном лагере. Первые произведения писателя были опубликованы после войны.

Перу Кастилло принадлежат романы «Танги» и «Гитара», а также ряд рассказов. На русский язык произведение Мишель дель Кастилло переводится впервые.

ЧИКОВАНИ (Род. в 1909 г.) — профессор, доктор филологических наук.

Литературную деятельность М. Чиковани начал с 1928 г., его критические статьи и исследования печатаются в республиканских журналах и газетах.

Всего на грузинском и русском языках было опубликовано около 150 трудов ученого по различным вопросам истории древнегрузинской литературы и фольклора.

Технический редактор М. Соселня

Подписано к печати 7 сентября 1959 г. 6 печ. лист.

Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Заказ № 825

Тираж 4000.

УЭ 06434

Цена 4 руб.

ქართული „ლიტერატურნაია გრუზია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა „ზარია ვოსტოკა“

Типография «Заря Востока» им. А. Ф. Мясникова издательства:
ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, № 42.

4 руб.

18-16/58

